

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А. - М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: от имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(5)

МОСКВА – КАЗАНЬ 2011

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg),
L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: on behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(5)

MOSCOW – KAZAN 2011

2–3 февраля 2011 г. в г. Москве проходило Годичное собрание Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология», а также представителями других тюркологических организаций России. Ниже приводится текст доклада председателя РКТ при ОИФН РАН д.ф.н., проф. И.В.Кормушина.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ В 2010 г.

И.В.Кормушин, г. Москва

Уважаемые члены Пленума Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН – члены РК, члены Редакционного совета и Редакционной коллегии журнала «Российская тюркология», руководители тюркологических научно-исследовательских коллективов!

В течение времени, прошедшего после нашего Годичного собрания, состоявшегося 3–4 февраля 2010 г. в Москве, в Институте языкознания РАН, Бюро Комитета вело научно-организационную работу по следующим направлениям.

1. Состав РКТ. Вопрос о частичных персональных изменениях в составе РКТ был согласован на прошлом пленарном заседании РКТ 3 февраля 2010 г. и внесен на Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 17 февраля 2010 г. (девятый вопрос повестки дня, докладчик д.ф.н. И.В.Кормушин). В составе РКТ утверждены следующие изменения:

а) д.ф.н., чл.-корр. РАН А.В.Дыбо переведена с должности ученого секретаря РКТ на должность зам. председателя РКТ; б) должность ученого секретаря РКТ возложена на к.ф.н. З.Н.Экба; в) вместо выбывших из состава Комитета по различным причинам коллег – А.И.Чудоякова, А.М.Щербака, С.А.Иванова, В.Д.Март-оола, Н.А.Яим – рекомендованы: Н.А.Алексеев, д.ф.н., директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Х.Ч.Алишина, д.ф.н., Тюменский госуниверситет, К.А.Бичелдей, д.ф.н., директор Тывинского института гуманитарных исследований, К.М.Минуллин, д.ф.н., чл.-корр. АН РТ, директор Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан, И.А.Невская, д.ф.н., Институт филологии СО РАН / Университет г. Франкфурта, Германия, С.Б. Сарбашева, к.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет.

Во время обсуждения этого вопроса на Бюро ОИФН акад. Н.Н.Казанский и директор МАЭ РАН Ю.К.Чистов предложили ввести от ИЛИ РАН (С.-Петербург) к.и.н. П.О.Рыкова, чл.-корр. РАН В.М.Гацак от ИМЛИ – известного фольклориста к.ф.н. Т.М.Хаджиеву, акад. Е.П.Челышев порекомендовал усилить представленность в РКТ северокавказского региона. Во исполнение последней рекомендации в кратчайшее время была согласована кандидатура к.ф.н. А.-М.Х.Батчаева, зав. кафедрой карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского госуниверситета. Все эти дополнения было разрешено представить в рабочем порядке, так что уточненный список был подписан зам. акад.-секретаря Отделения А.Е.Петровым 26 февраля 2010 г.

На данном собрании нам также предстоит провести кадровое пополнение РКТ.

Следует обсудить и принять одно принципиальное решение: о постоянной ротации членов Комитета, Не забудем, что практическим принципом членства в Комитете является отнесенность человека к ведущим специалистам в области тюркологии. Часто на практике это совпадает с формальным статусом ученого – директор института гуманитарных исследований, заведующий профильным отделом в НИИ или кафедры в университете. Не всегда оставление соответствующей должности связано с отходом от активной деятельности в области тюркологии. Так что вопрос этот достаточно тонкий и деликатный, требует сочетания общих принципов с конкретной ситуацией.

2. Журнал. Важнейшая забота руководства РКТ в настоящий момент – налаживание регулярного, пока – два раза в год, издания журнала «Российская тюркология» как рецензируемого ваковского журнала, зарегистрированного в качестве средства массовой информации и проходящего через каталог Роспечати. Достижение всех этих ипостасей является достаточно трудным делом. Мы начали с одного номера в 2009 г., выпущенного к годовичному собранию в Казани. К предыдущему годовичному собранию РКТ 2010 г. мы выпустили в свет № 2.

Для получения ISSN необходимо было определить учредителей и издателей журнала. Юридически учредителями «Российской тюркологии», как и близкого нам по профилю и дружественного журнала «Урало-алтайские исследования», являются совместно Институт языкознания РАН, а также – только для «Российской тюркологии» – и Российский комитет тюркологов. Непосредственным же издателем по согласию учредителей стал И.В.Кормушин. Для того, чтобы выступать в такой роли, ему пришлось получить статус ИП – индивидуального предпринимателя, что позволяет, не привлекая бюджетные средства, вести все финансовые операции по обслуживанию нужд журнала в формате «малого бизнеса» и по упрощенной системе налогообложения в 6% от сумм поступлений. С помощью посреднической фирмы мы провели необходимую работу и к настоящему времени являемся обладателями следующих государственных свидетельств и удостоверений: 1) Свидетельство о государственной регистрации физического лица – И.В.Кормушина в качестве индивидуального предпринимателя; 2) Свидетельство о постановке на учет физического лица в налоговом органе на территории РФ; 3) Уведомление о регистрации физического лица в территориальном органе Пенсионного фонда РФ по месту жительства; 4) Информационное письмо об учете индивидуального предпринимателя И.В.Кормушина в Статистическом регистре хозяйствующих субъектов Росстата; 5) Уведомление Инспекции ФНС № 26 по г. Москве «О возможности применения упрощенной системы налогообложения». Все перечисленные

документы дали нам возможность открыть свои текущие рублевый и валютный счета в банке – ОАО АККБ «Татфондбанке», в его московском филиале, – и управлять ими, т.е. принимать переводы абонентской платы, оплачивать издательские расходы, а также налоги.

Третий номер журнала по общему счету и второй в прошлом, 2010 г., мы выпустили к 1 сентября 2010 г. После этого в период с 20 декабря 2010 по 20 января с.г. мы провели необходимую работу по включению обоих наших журналов – «Российской тюркологии» и «Урало-алтайских исследований» – в подписную кампанию Роспечати на второе полугодие 2011 г. с включением соответственно журналов в каталог Роспечати. Это является одним из важнейших требований ВАКа для включения обоих журналов в список ВАКа. После некоторой дополнительной работы мы рассчитываем подать необходимые документы и получить соответствующее решение ВАКа.

Четвертый по общему счету и первый в 2011 г. номер «Российской тюркологии», который мы стремились выпустить из печати к началу нынешнего годовичного собрания, будет рассылаться подписчикам после 1 июля.

Есть несколько проблем в связи с изданием нашего журнала, это – недостаточный портфель статей, на чем, думаю, еще остановится в своем выступлении главный редактор Д.М.Насилов, а также малое число подписчиков. Убежден, и то, и другое будет благополучно разрешаться с получением статуса ВАКовского издания. Тем не менее члены Комитета уже сейчас могут и должны предпринять усилия по пропаганде журнала. Подписчиками журнала вполне могут стать библиотеки НИИ и ВУЗов, где есть тюркологический профиль, нынешние и будущие авторы статей (не забудем, что никакой платы за публикацию статей под видом «редактирования», «форматирования», «технической доводки» и т.п. мы не взимаем и не собираемся взимать). Пусть такой «данью» будет покупка двух–трех номеров журнала, тем более что для защиты несколько экземпляров ваковских публикаций все равно нужны.

3. Сайт. 14 мая 2010 г. начал работу в тестовом режиме сайт Российского комитета тюркологов ТУРКОЛОДЖИКА с адресом: <http://www.turcologica.org>.

Просим всех членов РКТ и сотрудников РТ направлять администратору сайта (admin@turcologica.org) материалы о себе – автобиографии, списки трудов, руководителей тюркологических кафедр и отделов институтов просим присылать сведения о своих подразделениях, структуре, кадровом составе. Они будут размещены на сайте ТУРКОЛОДЖИКА. Если же у соответствующих тюркологических ячеек есть собственные сайты, мы сделаем перекрестные отсылки с нашего сайта и на наш сайт. Сайт смоделирован по логической схеме, охватывающей круг возможных сведений по тюркологии, представление о чем дает первая навигационная страничка:

Новости и объявления

Российский комитет тюркологов

- Состав РКТ
- Документы РКТ
- История РКТ
- Собрания РКТ
- Контакты
- Журнал «Российская тюркология»
- Авторам
- Содержание номеров

- Подписка
- Контакты
- Научные коллективы
- Тюркология за рубежом
- Библиография
- Энциклопедия

Указанные рубрики только еще начинают заполняться. Просим, в первую очередь всех членов РКТ, а также других тюркологов нашей страны принять активное участие в коллективном творчестве создания тюркологической энциклопедии.

4. Всероссийская тюркологическая конференция 2012 г. Одной из важнейших форм общения тюркологов в прошлом и настоящем являются научные конференции. Много различных симпозиумов и коллоквиумов организуется в Турции, а раз в четыре года Турецкое лингвистическое общество созывает международные съезды, в которых участвуют ученые западных стран, а также многие российские тюркологи. Замечу, что расходы по пребыванию в Турции – гостиница, питание, культурная программа – для всех участников, а для многих участников – и дорожные расходы, турецкая сторона обычно принимает на себя. После 1991 г. сначала Всесоюзные конференции, ведущие отсчет от Первого тюркологического съезда в Баку в 1926 г., а после 1993 г. Всероссийские сходят на нет. В 2010 г. мы надеялись, что конференции в Кызыле и Чебоксарах оживят этот канал общения тюркологов страны и зарубежья, но, к сожалению, настоящей реанимации этого жизнедеятельного процесса не произошло. Причин тут много, и объективного плана – нехватка средств, и субъективного плана – неумение и нежелание некоторых местных руководителей работать корпоративно не только с представителями центра, но и с местными коллегами из других ведомств, прежде всего, из университетской среды.

Сейчас мы начинаем переговоры с якутскими коллегами о возможности проведения Всероссийской международной конференции «Актуальные проблемы исследования языков, литератур и истории тюркских народов» в Якутске, в конце августа – начале сентября 2012 г. Планируется оплачивать проезд и проживание участников. Однако для того, чтобы участие было плодотворным не только для самого докладчика, но и других участников, мы планируем организовать тематические секционные заседания. Общая тематика секций: лингвистика – с подсекциями: теория грамматики, новые обобщения в диалектологии и лексикологии, новое в сравнительно-исторической грамматике и этимологии; литература – с подсекциями современной литературы и фольклора; история – с подсекциями древней и средневековой истории и истории нового времени. До 1 июня 2011 г. необходимо сверстать творческий и финансовый планы конференции, до 15 августа – определить пилотных докладчиков, которые и будут руководителями секций, после чего объявить конкурс на участие в конференции по заданной тематике. Финансовое обеспечение за счет гранта РГНФ, а также за счет средств Республики Саха-Якутия. Здесь большое значение имеет вопрос о стоимости авиабилета Москва-Якутск.

5. Некоммерческий фонд. Еще одним важным, стратегического характера мероприятием является создание Фонда поддержки тюркологических исследований – негосударственной организации некоммерческого и неполитического характера. Капитал ФПТИ образуется из благотворительных взносов. В качестве спонсоров мы можем привлечь структуры среднего и

большого бизнеса. Мы призываем наши университеты и академические институты сделать небольшие учредительские взносы. Регистрация фондов в Минюсте трудное дело, за которое охотно берутся посредники, но регистрация некоммерческих фондов страшно невыгодна таким посредникам. И все же, в нашей области в сентябре 2010 г. был создан первый подобный фонд. Мы, здесь, на Пленуме Комитета впервые об этом заговорили в феврале 2010 г. Но поскольку нам все время говорили, что это трудно, нереально и т.п., то мы так ничего и не сделали. А вот смелый и инициативный лингвист Бабаев К.В., кстати ученик А.В.Дыбо, создал такой фонд (ФФЛИ), и в сроки с 1 ноября по 31 января провел первый конкурс, а скоро будет распределять гранты, как объявлено, суммой до 2–3 млн. руб. Попечительский совет фонда образуют крупные ученые-лингвисты во главе с акад. Вяч.Вс.Ивановым. Кстати входит туда и А.В.Дыбо, которая в конце концов и свела меня с единственным учредителем этого фонда – К.В.Бабаевым. Обращаю внимание собравшихся, что приоритет идеи явно за мной, а вот уверенность и расторопность в деле – за К.В.Бабаевым. Но я не в обиде, потому что я сам пришел к этой идее не самостоятельно. Идея давно уже принадлежит вождю и создателю современной Турции Кемалю Ататюрку, основателю Турецкого лингвистического общества, – да будет вечный покой его душе! Ататюрк основал турецкий Рабочий банк (Иш банк) и ежегодный доход с облигаций этого банка (а банк очень успешный и доходный) завещал в бюджет ТЛЮ. Пример ФФЛИ показывает, что в наших условиях идея негосударственного некоммерческого фонда осуществима. Следовательно, надо не бояться сложностей и идти смелее вперед. Только действовать надо дружно, сообща.

Уважаемые коллеги! У нас есть еще несколько направлений деятельности, о которых мы в предварительном порядке разговаривали на прошлом Пленуме Комитета. Одно из них – взаимодействие академической науки с высшей школой. Об одной из возможных форм такого взаимодействия расскажет в своем выступлении А.В.Дыбо. Я призываю выступать с суждениями по затронутым организационным вопросам.

Благодарю Вас.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ЗАМЕТКИ О СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ «НАРОД TÜRK» И «ЯЗЫК TÜRK» В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТАХ

И.В. Кормушин, г. Москва

Резюме. В статье рассмотрено соотношение узко-этнического и расширенного политического применения термина «Türk» в разных языковых традициях древнетюркского мира. Разные в лингвоэтническом отношении народы в разные эпохи принимали на себя название «Türk», и это порождало неодинаковость диалектной основы «языка Türk» в каждой такой традиции, что и требуется учитывать в современных описаниях таких языков. Дело осложняется взаимодействием живого диалекта носителей этнонима с наддиалектной основой литературного койне, применявшегося тюркоязычными этносами в древности и раннем средневековье.

Ключевые слова: этнос, диалектная основа языка, междиалектные звуковые соответствия, референтные подвижки

«Тюрки» как этнический и этнополитический термин становится широко известным в мире с VI в. н.э., после победы над жужанами и провозглашения в 551 г. Первого Тюркского каганата. С тех пор данный термин употребляется в двух взаимосвязанных значениях: а) в широком, этнополитическом (международном) значении, для обозначения родственных и неродственных племен, объединившихся в государство под руководством «собственно тюрков»; б) в узко этническом («собственно тюрки»), для обозначения группы, в большинстве своем – этнически родственных племен, объединившихся под этим названием, судя по китайским источникам, на сто лет раньше, т.е. в V в. В старейших тюркоязычных памятниках VIII в. отчетливо прослеживается употребление термина «тюрк» в обоих смыслах не только в основном повествовании о периоде Второго Тюркского каганата конца VII – начала VIII вв., но и в повествованиях о периоде образования Первого Тюркского Каганата (главным образом, во вступительной части надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана).

О тюрках в широком, этнополитическом (объединительном, интегральном) значении Бильге-каган говорит тогда, когда, например, называет тюргешей и токуз огузов *собственным* народом (Türgiř kagan Türküm bodunum erti – КТ D 18, ВК D 16; Tokuz Oguz bodun kentü bodunım erti – КТ К 4; Tokuz Oguz bodun mening bodunım erti – ВК D 29), или когда обращается совместно к бекам и народу огузов (Türk Oguz begleri bodun eşiding! – КТ D 22, ВК D 18).

О тюрках в узко этническом (дифференциальном) смысле у Бильге-каган речь идет, например, тогда, когда он в числе врагов тюрков называет не только китайцев, монголов и других, но и заведомо тюркоязычных Токуз Огузов, Тюргешей, Кыркызов. В Токуз Огузах все исследователи без особых сомнений ви-

дят уйгурские по диалектной принадлежности племени. Борьба тюрков со своим главным федератом – огузо-уйгурами, была длительной, не прекращавшейся с самого основания каганата. Во многом именно это противостояние привело в 603 г. к расколу каганата на Западный и Восточный, а через полтора века, в 744 г., закончилось победой уйгуров над тюрками и положило конец тюркскому каганату, о чем поведали уже надписи уйгурского кагана Моян-чора.

Сопоставление памятников Второго Восточно-тюркского каганата (надписей в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тонъюкука, Кюли-чора и др.) с памятниками Уйгурского каганата (надписей Моян-чора, Терхинской, Тесинской и др.) дает неоднозначную картину.

Так, в первой группе мы имеем начальное *b-* (*beŋü, biŋ, baŋa, bunça, buŋ, ben* – как личное местоимение, но как аффикс сказуемости – *-men*). В противоположность этому во второй группе все указанные слова выступают с начальным *m-*. В соотношениях отдельных слов и по отдельным памятникам есть исключения. В памятнике Тонъюкука все слова из данной серии с *b-*; в орхонских памятниках – то же самое, но тотальное исключение для местоимения I л.ед.ч.: *men, meniŋ, maŋa*. Во второй группе памятников исключения составили только формы слова «тысяча»: *biŋ, biŋa*, которые встретились в уйгурском памятнике Моян-чора. Признак начального *m-* совершенно определенно и недвусмысленно, т.е. без исключений, продолжается в древнеуйгурских и караханидских памятниках. Енисейские надписи, вопреки ожиданиям, демонстрируют начальное *b-*: *ben, beŋgü, beŋiz, biŋ/biŋ, buŋ*. В современных языках начальное *b-* является характерным признаком юго-западной группы, хотя и со многими исключениями в туркменском и азербайджанском языках. Начальное *m-* характеризует всю восточную ветвь тюркских языков – современные юго-восточные (уйгурский, узбекский) и северо-восточные (тувинский, якутский, хакасский) языки.

Если взять такой существенный классификационный признак тюркских языков, как инлаутное *-d-* в известной группе слов (*ayak//adak, ayırmak//adırmak, biyüik//bedük* и др.), то все памятники древнего периода, Второго Восточно-тюркского каганата, Уйгурского каганата, Уйгурских княжеств Восточного Туркестана, памятники Енисейских кыркызов, Караханидского государства – все они показывают формы с *-d-*. Исключения, т.е. формы с *-y-*, есть, но они редки:

qay- ‘возвращаться’ Ye28, Suv // qadır- ‘возвращать’;

qaya ‘скала’ Ye39, Uig VIII, TT VII; современные тюркские языки – qaya~xaya // qada~xada Mong., Mancu-Tungus;

qaygu ‘печаль’ Suv//qadgu TT X, Uig X и др.;

qayır Suv//qadır ‘бешеный’ Suv, TT VI, Ye27 и др.

qayın- ‘кипеть’ Uig ~ qayna- KB, MK // qadna- KB;

ige ~ iye ‘господин’ Suv, TT VII // idi Man I.

Собранные примеры из древних текстов показывают, что развитие обще-тюркского **-d- > -y-* происходило очень давно, гораздо раньше времени создания первых памятников, а не в последующую эпоху, как думали раньше. Свидетельство Махмуда Кашгарского по живым тюркским диалектам XI в. подтверждает массовый характер этого звукового перехода: по его словам, все Ягма, Тухси, многие из Кыфчаков, Йабаку, Татары, Кай, Чомулы, Огузы и часть Аргу заменяют тюркский межзубный дентальный *-d̪-* на проточный *-y-*. Это то, что касается древних диалектов. В современных диалектах в некоторых случаях мы не обнаруживаем дентальные рефлексy там, где они должны быть, а

вместо этого встречаемся с *-y-* формами. Таковы, например, тув., хак. *хай-* ‘обращать, оказывать внимание’; хак. *хайна-* ‘кипеть’, тув. *хайн-* ‘кипеть’; тув., хак. *ее* ‘хозяин’.

Алтайская параллель тюрк. *kaya* // монг. *qada*, тунг.-маньчж. *qada*, занимает особое место, т.к. никаких следов дентальных форм ни в современных, ни в древних тюркских диалектах нет. Независимо от того, алтайское ли это общее слово или заимствование из монгольского в тюркскую и тунгусо-маньчжурскую ветви, как полагал М. Рясянен, переход **-d- > -y-* должен был совершиться на тюркской почве. Однако форма *qaya* распространилась повсеместно и вытеснила исконные формы типа *qada*. Тотальный характер формы *qaya* и небольшое количество *-y-* форм в памятниках при массовости и обычности *-d-* форм говорит о нескольких вещах. Во-первых, литературный язык был основан на языке *d-* типа. Во-вторых, *y-* диалекты или говоры не были отделены от *d-* диалектов, поэтому *y-* формы могли попадать в этот язык, особенно в тех случаях, когда этимологическая связь однокорневых форм с *-y-* и *-d-* из-за изменений в их семантике, начинала затушевываться.

Вернемся к отличиям отюкено-тюркского и огузо-уйгурского вариантов древнетюркского языка. Оба они применяли *-d-* формы (с малым числом исключений), т.е. соотносятся по этому признаку с огузо-уйгурской и караханидско-тюркской генетической линией. Однако признак начального *b-* соотносил отюкено-тюркский с огузо-туркменской линией Махмуда Кашгарского и современными юго-западными языками. Следовательно, в отюкено-тюркском совмещались языковые признаки двух разных генетических линий. Причины подобной совместимости, конечно, не в реальной смешанности диалекта (как иногда думали), а в том, что перед нами наддиалектное койне, своего рода «синтетический» литературный язык. Пользователи этого языка могли заменять отдельные элементы этой системы, слишком противоречившие особенностям их живых диалектов, элементами близкими или идентичными родной речи.

Исключительное значение материалов Словаря Махмуда Кашгарского в том, что, во-первых, тюркский язык здесь представлен не как средство создания словесного произведения, но как объект лингвистического анализа, а во-вторых, объектом анализа является не литературный, но, главным образом, живой разговорный язык тюрков с некоторыми важными сопоставлениями с живым языком огузов-туркменов. И у Махмуда, как раньше у Бильге-кагана, термин «тюрк» применяется в широком и узком значениях. Для Махмуда «тюрк» – это двадцать племен, восходящих к единому предку и ныне (т.е. в XI в.) расселившихся на огромном пространстве от Рума до Сина и Масина. Поэтому, мало кто обращал внимание, что в перечисленной двадцатке нет отдельного места для племени «тюрк». Но вот когда Махмуд приводит те или иные особенности речи различных племен, то язык тюрков получает у него конкретную диалектную характеристику, т.е. приобретает дифференциальный смысл. Многие считают, что таким «опорным» диалектом для Махмуда была речь родных ему Чигилей. Её-то он и описывает в своем Словаре.

С точки зрения языковых особенностей чигильско-тюркский язык Махмуда, обладая начальным *m-* и срединным *-d-* и *-ḏ-*, продолжает отюкено-огузо-уйгурскую линию, но не отюкено-тюркскую. Постоянно противопоставляемый чигильско-тюркскому в диалектном отношении язык огузо-туркменов обладает начальным *b-* и срединным *-y-*, что полностью соответствует современным юго-западным языкам, а в части начального *b-* – древнему отюкено-тюркскому.

Анализ обозначенных выше сопоставлений строевых черт показывает зеркальный сдвиг терминов «тюркский» и «огузский» во второй половине XI в. в сравнении с применением аналогичных терминов в VIII в.

Новая лингвонимическая ситуация возникает в период существования в XIII–XV вв. мамлюкского государства в Египте и Сирии, когда термин «тюркский» применяется по отношению к речи кыпчакского типа. Ее характер удостоверен рядом описаний живого кыпчакского языка. Об этом же свидетельствуют «исправления» ряда форм оригинального караханидского текста, осуществленные неизвестным читателем, вероятно, в начале XV в. в Каире. Своеобразная полемика в отношении терминов «тюркский» – «туркменский» – «кыпчакский» обозначилась в Предисловии к Копии «Дивана» Махмуда Кашгари.

ЛИТЕРАТУРА

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика. Текстология. – М., 2008.

Махмуд ал-Кашгарӣ. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / Под ред. И.В. Кормушина. Т. 1. – М., 2010.

Tekin T. Orhon Yazıtları: Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk / 3. Baskı. İstanbul, 2003.

Kormushin, Igor V. Notes on correlative terms «the Turkic nation» and «the Turkic language» in ancient Turkic texts

Summary. In the article, we consider the correlation between a narrow ethnic use and a broadened political use of the term “Türk” in different language traditions of the ancient Turkic world. In the linguistic-ethnic aspect, different nations used to be named “Türk”; and that gave rise to an inequality of the dialectal basis of the language “Türk” in each of these traditions. This must be taken into account in contemporary descriptions of historic Turkic languages. The matter is further complicated by an interaction between living dialects of native speakers bearing this ethnonym and an over-dialect basis for the literary Koine (lingua franca) used by Turkic-speaking ethnic groups in the Antientry and the early Middle Ages.

Key words: an ethnos, a dialect basis of a language, inter-dialect sound correspondences, reference shifts

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕМПОРАЛЬНЫХ
ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*О.В. Дубровская, г. Новокузнецк
И.А. Невская, г. Новосибирск, Франкфурт-на-Майне*

Резюме. В данной статье анализируются полипредикативные конструкции, передающие в шорском языке семантику одновременности, предшествования и следования двух действий во времени.

Ключевые слова: шорский язык, темпоральная полипредикативная конструкция, одновременность, предшествование, следование

Полипредикативная конструкция (ППК) понимается нами как некая обобщенная языковая сущность со своей формой и своим обобщенным значением. Каждая ППК в тюркских языках характеризуется прежде всего своими формальными показателями связи зависимой, придаточной части с главной. Зависимая часть темпоральных конструкций связывается с главной частью в основном с помощью показателей причастий в различных падежах, деепричастий, а также сочетаниями причастно-падежной формы с послелогом.

Важно учитывать, что одно значение может выражаться несколькими конструкциями, а одна и та же конструкция может выражать различные темпоральные значения в зависимости от лексического или грамматического контекста или общей ситуации. ППК, которые выражают только одно темпоральное значение, мы рассматриваем как специализированные; те ППК, которые выражают различные темпоральные значения – как неспециализированные темпоральные ППК, а те, которые выражают помимо темпоральных и обстоятельственные значения (например, каузальное, характеризующее и др.) – как обстоятельственные контекстные ППК. Есть ряд глагольных форм (например, форма на *-n*), которые выражают помимо различных типов обстоятельственной семантики и сочинительные значения, т. е. они являются формами с наиболее общим значением некоего соотношения действий. В зависимости от целого ряда факторов (контекста, семантики глаголов в деепричастной и финитной формах и пр.) передаваемые ими действия могут осмысливаться либо как обстоятельство опорного действия, либо как сопутствующее действие, не являющееся его обстоятельством. Такие формы и образуемые ими конструкции мы трактуем как контекстные.

При анализе каждой ППК следует также говорить об акциональном лексическом значении глагола (в дихотомии фактитичности / процессности) и о возможности его модификации акциональными формами (формами акционсарта) с наиболее обобщенным значением перфективности / процессуальности, возможно, сопровождающимися и другими акционсартными компонентами (интенсивность, итеративность, хабитуальность и т.п.). Для темпорального значения ППК в целом часто важны и аспектуально-временные характеристики глагола в финитной форме в главной части конструкции.

Временные отношения, выявляемые в темпоральных ППК, – это наиболее очевидные проявления в языке собственно таксисной семантики. Таксисная полипредикативная конструкция может быть как моносубъектной, так и разносубъектной в зависимости от типа инфинитного предиката в её зависимой части: причастно-падежные конструкции, как и ряд деепричастных, могут иметь свой собственный субъект, отличный от субъекта главной части, но большая часть деепричастий моносубъектна, т.е. они могут образовывать конструкции только при тождестве субъектов зависимой и главной частей.

Особый случай – это ППК со значением кратности, повторяемости событий. Тем самым все остальные ППК можно считать как ППК с некрatным значением, противопоставляемым ППК кратности. В ППК с некрatным значением кратность может иногда присутствовать, но она выражается лексически, значением глагола, его акциональным классом, акциональной формой. В специализированных ППК кратность выражается самой синтаксической конструкцией.

Сложные системы временных отношений, выражаемых темпоральными ППК, для тюркских языков Сибири описаны Н.Н. Ефремовым [Ефремов 1984], Л.А. Шаминой [Шамина 2001], Т.П. Филистович [Филистович 1991], Т.Н. Боргояковой [Боргоякова 2002]. В шорском языке сложное предложение изучалось Э.Ф. Чиспияковым [Чиспияков 1973], который дал общий обзор функциональных и структурных типов шорского сложного предложения, А.В. Есиповой [Есипова 1981], описавшей причастные определительные конструкции, И.А. Невской [Невская 1993], исследовавшей конструкции с зависимым предикатом, выраженным деепричастием и формами деепричастного типа.

Значение следования, предшествования и одновременности двух действий во времени – это основные грамматические значения, которые в шорском языке прежде всего передаются в полипредикативных конструкциях с зависимой частью с темпоральным значением.

1. Следование главного события за зависимым

Следованием считается такое отношение, когда более поздним является событие главной части. Такого рода отношения представлены в языке множеством более конкретных отношений, которые получают выражение в специфических языковых формах. В данной статье в качестве первого такого типа следования выделяются отношения в зависимости от наличия или отсутствия в семантике ППК компонента «ограничение». Соответственно, одну, количественно значительно более богатую группу, составляют ППК, лишённые этого компонента, то есть ППК не ограничительного следования. Другую группу составляют ППК ограничительного следования. Отношения в первой группе можно условно и округлено сопоставить с отношениями в русских придаточных времени с союзом *после того как*, а во второй – с союзом *с тех пор как*.

Каждая из этих групп также подразделяется на более частные типы, которые характеризуются дополнительными компонентами синтаксического смысла. ППК не ограничительного следования дифференцируются по признаку «наличие или отсутствие семантического компонента субъективной оценки значимости интервала между событиями». Отсутствие этого компонента диагностирует группу общего следования, наличие – группу близкого следования.

Обоим указанным типам отношений следования можно противопоставить так называемое ограничительное следование, когда имеется ограничение времени начала главного события временем действия зависимой части.

1.1. *Общее следование.* Отношениями общего следования мы называем такие содержательные отношения между частями сложного предложения, когда событие главной части совершается после события зависимой части.

Анализ ППК, выражающих общее следование, показал, что, несмотря на очевидную функционально-семантическую общность, эти ППК имеют свои индивидуальные особенности, обусловленные сферой употребления, условиями реализации, оттенками смысла. Так, например, ППК с зависимым предикатом на *-ган соонда* выражает отношения следования одного события за другим в плане абсолютного прошлого, широкого настоящего и изредка будущего, ППК с формой зависимого предиката на *-са*, наоборот, выражает следование главного события за зависимым в плане абсолютного будущего, и только иногда в плане широкого настоящего. ППК с формой на *-ган-да* близка ППК с *-ган соонда* сферой своего употребления, условиями реализации и семантически, но по сравнению с *-ган соонда* передает значение следования только при фактитичности значения зависимого предиката. ППК деепричастного типа с формой на *-н* противопоставляется всем другим ППК этой семантической группы как моносубъектная ППК разносубъектным. За исключением ППК с зависимым предикатом на *-ган соонда* все остальные конструкции являются неспециализированными. В них значение общего следования главного события за зависимым обуславливается фактитичностью значения зависимого предиката. При этом *ган-да*, *-ар-да* и *-са* образуют неспециализированные обстоятельственные ППК, а деепричастие на *-н* является контекстным деепричастием, оно способно выражать не только обстоятельственные значения, но и сочинительную семантику. Рассмотрим далее каждую конструкцию более подробно.

1.1.1. *ППК с зависимым предикатом в форме на -ган соонда.* Это центральная специализированная ППК, представляющая семантическое ядро функционального типа «следование главного события за зависимым». В данной ППК зависимая предикативная единица получает оформление пространственным послелогом *соонда* 'позади', обозначающим следование или положение в пространстве за некоторым опорным пространством – ориентиром. Эта конструкция передает самое общее следование главного действия за зависимым без подчеркивания величины «зазора» между ними. Зависимое действие служит левой границей того временного интервала, в течение которого происходит или произошло главное действие, часто при сохранении последствий зависимого действия: *Кебе аш парган соонда, нис от иштегебис, небелерди курдубаларга (курдурып аларга)* 'После того, как лодка перевернулась, мы развели огонь, чтобы высушить одежду' [ШНМ].

Для уточнения времени наступления главного действия в главной части употребляются счетные имена темпоральной семантики с послелогом *пажында* «через» (через 3 дня после того, как...). *Күн пажында ла, мен ааңма таанышысқан соонда, ол парыстыр* 'Всего лишь через день после того, как я с ним познакомился, он уехал' [ШНМ].

1.1.2. *ППК с зависимым предикатом в форме на -са.* Такие конструкции можно отнести к неспециализированным обстоятельственным конструкциям. Отношения общего следования передаются ППК с зависимым предикатом на *-са* при условии, что функцию зависимого предиката выполняют глаголы с фактитичной семантикой. Рассмотренные две ППК противостоят друг другу в отношении абсолютных временных планов, с которыми соотнесены цепочки событий. ППК с формой на *-са* употребляется, когда события отнесены к будущему.

Выявить закономерности интерпретации фразы с *V-са* как условной или временной или, реже, причинной очень трудно. Они базируются на оценке всей

реальной ситуации в целом, степени вероятности события, выраженного в зависимой части, степени его прогнозируемости, уверенности говорящего в его наступлении. Естественно, чем эта уверенность выше, тем вероятнее оценка семантики фразы как временной, тем менее вероятно альтернативное развитие событий: *Мен Еврей кижизин негзем, Еврейлер писке кул ползыннар* ‘Когда / если я одолею еврейский народ, то пусть евреи нам будут рабами’ [СИ: 61].

Значение временной обусловленности финитного действия деепричастным действием возникает в том случае, если зависимый предикат передает событие, которое обязательно должно произойти (либо это определяется законом природы, либо каким-то законом, обычаем, традицией общественной жизни) [Невская 1993:75]; например: *Күн ажар полза, сооқ полар* ‘Когда зайдет солнце (солнце не может не зайти), похолодает’ [КДМ]. То же значение передается и в том случае, если говорящий уверен в обязательном совершении зависимого действия, поскольку вся ситуация в целом способствует этому: *Ам мынаң нанзаң, чуртуңа четсең, Алтын Сучу алган кижиниң соол чанына одуруп, соол қолуңду биштене саларзың; соол қолунаң пир оол чайалар* ‘Когда ты теперь отсюда домой вернешься (говорящий уверен, что тот человек обязательно вернется), дома своего достигнешь, по левую сторону своей жены Алтын Суучу сядь (сев) и левую руку твою, протянув, положи (ей на плечо), из левой руки твоей мальчик сотворится’ [ШФ: 56–57].

Интерпретации фразы как временной помогает и наличие наречия *анаң* ‘потом, затем’: *Анаң не үгеге келзең, небелериң қурурдерге көсал* ‘После того, как придешь домой, затем повесь одежду сушиться’ [ШНМ].

1.1.3. ППК с зависимым предикатом в форме на *-са* и скрепой *қачан*. На базе конструкции с формой на *-са* появились обороты, передающие конкретные значения. Введение относительно-вопросительного местоимения *қачан* ‘когда’ образует темпоральную конструкцию – *Қачан* (зависимый предикат = ЗП), (главный предикат = ГП). Данную ППК мы также относим к неспециализированным темпоральным. Значение следования возникает только при фактитичности зависимого действия, иначе – реализуется одновременность: *Қачан Олең Тайчы келзе, анда, кемге перер, аға парарым* ‘Когда Олен Тайджи придет, тогда, кому отдаст, за того я пойду (замуж)’ [ШФ: 78, 79].

Использование скрепы *қачан* отмечалось и в других языках юга Сибири [Структурные типы 1986].

1.1.4. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да*. Эта конструкция с неспециализированным обстоятельственным значением передает значение общего следования: *Шақпо Кан Кес пону уққанда, ақ-тек полуп, тура қалға* ‘Вот Кан Кес это услышав, удивившись, остановился’ [ШФ: 44].

Глагольная форма *-ган-да* представляет действие как совершившееся, за которым последовало другое действие. Эту форму часто имеют сложные глаголы, в составе которых первый компонент – смысловой глагол стоит в форме деепричастия на *-п*, форму *-ган-да* принимает тогда один из вспомогательных глаголов, выражающих законченность действия, – *пар-* ‘идти’, *кел-* ‘прийти’, *ал-* ‘брать’, *сал-* ‘класть’, *пер-* ‘давать’, поэтому в целом ЗП получает значение фактитичности: *Чаңмыр тоқтап парганда, нис аалып (алтап) паргабыс* ‘Когда дождь перестал, мы поехали в гости’ [ШНМ].

1.1.5. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ар-да*. Данная ППК имеет неспециализированное обстоятельственное значение: *Колхозниктер нанарда ишкен қузуқтарын атқа арттылар* ‘Когда колхозники вернулись, они навьючили на лошадь ореши, которые выбили (из шишек)’ [ПЕН].

Интересно, что здесь соотношение событий во времени может быть как в прошлом, так и в будущем. Тот факт, что форма на *-ар-да* выражает события в будущем, говорит о том, что она частично сохраняет свою абсолютную временную ориентацию, свойственную форме на *-ар* в финитной функции. А то, что она может относиться и к плану прошедшего времени, показывает её полную «деепричастизацию», т. е. она приобретает относительное временное значение, которое может даже противоречить её изначальной временной ориентации.

1.1.6. ППК с зависимым предикатом в форме на *-н*. Данную конструкцию мы рассматриваем как контекстную. По значению она близка к ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да*: *Тагдаң энип, тағ тӧстеп пардылар*. ‘Из тайги спустившись (когда спустились), у подножия горы пошли’ [ШГ: 155]. Разносубъектные фразы в данной ППК строятся очень редко.

Значение общего следования опорного действия за деепричастным передается конструкцией со словом *анаң* ‘потом’ в главной части (ЗП, *анаң* ГП): *Канық кел, анаң чагырыбыза перген*. ‘После того, как рассердился, (потом) выгонять стал’ [ШН: 52].

Значение следования данная ППК реализует с глаголами непроцессной семантики, а также с сложными глаголами, оформленными предельными вспомогательными глаголами: *адын ӧлтүрген* ‘выстрелил и убил’, *кӧрүп алып айтты* ‘увидел и сказал’.

Нередко значение временной обусловленности у деепричастия на *-н* определяется тем, что оно передает значение изменения состояния или положения в пространстве действующего лица, или получения им информации (для русских деепричастий это отмечено в ТФГ [ТФГ: 88, 269]). Опорное действие при этом происходит в условиях сохранения последствий деепричастного фактитичного действия.

1.2. Близкое следование главного события за зависимым событием

Близким следованием называется такое отношение между двумя событиями, в котором объективный компонент «следование во времени А за В» осложнен субъективной оценкой временного интервала между ними как незначительного, ничтожно малого или стремящегося к нулю. Все ППК данного функционально-семантического типа имеют свои особенности. Общим же для них является то, что почти все они осложнены частицей *ла*. ППК на *-ган ла* и *-са ла* используются, когда временной интервал между событиями ничтожно мал; при этом форма на *-ган ла* не употребляется, в отличие от *-са ла*, в плане будущего. ППК с *-н ла* и *-ала* строят только моносубъектные фразы. ППК с зависимыми предикатами на *-ала* и *-ар пыла*, а также все ППК с частицей *ла* являются специализированными, в то время как все остальные относятся к неспециализированным.

1.2.1. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ар пыла*. Гармонирующий послелог *была / пыла* передает семантику инструменталиса и комитатива: ‘с’, ‘вместе с’. В системе предикативного склонения причастий комитативное значение преобразуется в значение быстрого следования главного события за зависимым (вместе с совершением события зависимой части начинается событие главной части) [Чиспьяков 1973: 18]: *Пис үйдең шыгарыс пыла, чаңмур чага перди*. ‘Как только мы вышли из дома (с нашим выходом из дома), пошел дождь’ [ШНМ]. Данная конструкция является наиболее специализированной, как и следующая.

1.2.2. ППК с аффиксом орудного падежа. Поскольку орудный падеж на *-на / -ба / -ма* в шорском языке развился из послелого *пыла*, данную конструкцию мы также относим к специализированным. Орудный падеж используется в ППК с причастием на *-ган* и на *-ар*; например: *Пис үйдең шығарысна, чаңмур чага перди*. ‘Как только мы вышли из дома (с нашим выходом из дома), пошел дождь’ [ШНМ].

1.2.3. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ала*. Специализированный способ выразить в шорском языке быстрое, почти мгновенное следование одного действия за другим – это использование деепричастия на *-ала*, возникшего на базе деепричастия на *-а (-а / -е)* и ограничительной частицы *ла*: *Аны көреле, атишақ саара чүгүр түшке* ‘Это увидев, по направлению к медведю побежал’ [СТА].

Деепричастие моносубъектно, т. е. не может быть использовано в ситуациях, где действуют два разных субъекта [Невская 1999: 24–30]. В шорском языке частица *ла* выражает усилительное или подтвердительное значение ‘конечно, разумеется, наверное’, ограничительное или уступительное ‘только, лишь, только что, лишь только’ [Дыренкова 1941: 245].

Деепричастное действие представляется обычно как свершившийся факт (фактитичное значение): *Адына мүнеле, качырғаннар* ‘Сев на коней, они погна-ли’ [ШГ: 153]. У деепричастия может ощущаться уступительный оттенок значения: *Шығала, азаққа турды* ‘(Ребенок) лишь только родился (досл.: вышел), сразу же на ноги встал (хотя только что родился)’ [ШФ: 12, 13]. В том случае, если в форме деепричастия на *-ала* стоит глагол физического восприятия, то на значение временной обусловленности накладывается причинный оттенок значения [Невская 1993: 54]. *Пону угала, қалық аразынаң Қара олақ чүгүр келди* ‘Как только Черный юноша это услышал (= от того, что услышал), из толпы народа к нему прибежал’ [ШФ: 40–41].

1.2.4. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган ла* и *-са ла*. Данные конструкции мы относим к специализированным темпоральным конструкциям.

ППК с *ган ла* используется, когда говорится о действиях, законченных в плане абсолютного прошлого: *Пис чар қажынға тегебис ле, пискө оғаннар чүгүр келебердилер* ‘Как только мы пристали к берегу, к нам подбежали ребяташки’ [СТА].

ППК с *-са ла* употребляется, когда речь идёт о событиях ожидаемых: *Көр, үйге келе перзең не, чиш пыжырағарға керек* ‘Как только ты вернёшься домой, нужно приготовить обед’ [ШНМ].

1.2.5. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганче* и *ганче ле*. Форма на *-ганче* строит неспециализированные ППК. Значение очень быстрого следования событий у данного деепричастия развилось на базе темпорального значения предела: *Айтқан сөс эрткенче, көрген қарақ нүўнгенче, по черде алыптың қыйғызы уғулды* ‘Не успели сказанные слова прозвучать, не успели глядевшие глаза моргнуть (т.е. как только прозвучали сказанные слова, как только моргнули глядевшие глаза), в этой земле крик богатыря раздался’ [ШФ: 88–89]. Употребляя эту форму, говорящий подчеркивает, что события развивались быстрее, чем можно было их полностью осознать.

Это значение может поддерживаться частицей *ла*: *Көргенче-ле қазыр оуїун четти* ‘Как только взглянул (не успел взглянуть), сильный вихрь настиг’ [ШГ: 245]. Полученная ППК является специализированной.

1.2.6. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да ла*. Быструю смену зависимого события главным придает форме на *-ган-да* частица *ла*: *Мен, палық*

қап пар-ған-да ла, лецти шығара тартыстым ‘Я, как только рыба клюнула, леща вытащил’ [ШНМ].

1.2.7. ППК с зависимым предикатом в форме на -и ла. Данная конструкция также выражает значение близкого следования: *Тураға чүгүртин келип ле, согада генералга парып...* ‘Как только (я) прискакал в город, тотчас же пошел к генералу’ [КД: 12].

1.2.8. ППК с формой на -и и с олоқ озыба, согада. Непосредственное следование опорного факта за зависимым передается также конструкцией с включением слов *олоқ озыба, согада* ‘сразу же’ в главную часть (ЗП, *олоқ озыба / согада* ГП): *Мен қапралға ноо иштечеңин айт перип, олоқ озыба комендантка тебе чүгүрүбистим* ‘Я сказал капралу, что делать надо (после того, как я сказал), а сам тотчас же бросился к коменданту’ [КД: 76].

1.3. Ограничительное следование главного события за зависимым событием

Содержание синтаксических отношений, называемых ограничительным следованием, в русистике определяется следующим образом: «В предложениях со значением ограничительного следования выражается начальная граница: явление главной части приурочивается к явлению придаточной в своем начальном моменте» [ГСРЯ 1970], т.е. главное действие начинается с момента, когда совершается зависимое, и затем длится в направлении к настоящему – может быть вплоть до настоящего времени, если не указан его предел.

1.3.1. ППК с исходным надежом в составе зависимого предиката: *-ған-наң, -паан-наң, -чатқан-наң* и с послелогом *ала*. Данные ППК являются наиболее специализированными.

Конструкция *-ған-наң ала* имеет значение точки отсчета, когда определяется сколько времени прошло от события, выраженного зависимой предикативной единицей, до момента речи: *Мен тураға келгеннең ала, четти чыл эрт парды* ‘С тех пор, как я приехала в город, прошло семь лет’ [ШНМ]; *Колхозқа киргеннең ала, наа чадыг чатчабыс* ‘С тех пор как вступили в колхоз, живем новой жизнью’ [ШНМ]. В последнем примере зависимое действие фактитичное. Главное действие является процессным, оно начинается с момента совершения зависимого действия и длится до момента говорения. В качестве сказуемого главной части выступают глаголы процессной семантики, либо глаголы в отрицательной форме (или в форме на *-ғалақ*, имеющей значение все еще не совершившегося, но ожидаемого действия).

ППК с *-пааннаң ала*: *Эзе, Ақ Қан, аңначаң ақ тайғаңа аңнап-қуштап шықпааннаң ала, пир қырық чыл эрт парды* ‘О, Ак Кан, пока (досл.: с тех пор, как) ты не поднимался в белую тайгу твою охотиться на птиц и зверей, уже прошло сорок лет’ [ЧЭФ, с. 167].

Специфика конструкции с *-чатқаннаң ала* по сравнению с предыдущей состоит в том, что зависимое действие является процессным, что выражается самой формой зависимого сказуемого, а не связано с лексическим значением глагола в деепричастной форме. Данное действие также служит точкой отсчета для времени совершения главного действия: *Мен мында үргенчыннаң (үргерчатқаннаң) ала, көп чыл эрт парды* ‘С тех пор, как я здесь учился, прошло много лет’ [ШНМ].

1.3.2. ППК с *-ған-наң пертин/ пери*. Эти темпоральные конструкции синонимичны ППК на *-ған-наң ала* и проявляют сходные закономерности функционирования: *Анаң көрүп тилзелер, пылар ийгеле чоқташқаннаң пертин, қырық*

чылга четтирлер 'Потом, посмотрев, поняли, что с тех пор, как они вдвоем разговаривают, минуло уже сорок лет' [ШФ: 14].

1.3.3. ППК с *-ган сонаң*. Это также специализированная конструкция ограничительного следования: *Пис аңдыш қалған сонаң, ол менбе чоқташбаанча* 'С тех пор, как мы поссорились, он со мной не разговаривает' [ТВН].

1.3.4. ППК с *-ган озыба/ позынча*. Указательное местоимение *ол* образует с послелогом *пыла* форму *озыба* 'сам собой', которая в кондомском диалекте чередуется с местоимением *пос (пой)* [Дыренкова 1941: 99]. Данная специализированная ППК передает значение ограничительного следования главного действия за зависимым при перфективности значения зависимого действия: *Турған озыбыла, турчыр* 'Как встал (с тех пор, как встал), так и стоит' [КДМ]. В данном примере финитное действие происходит на фоне сохраняющихся последствий зависимого.

Савельич меең ол эрбегимни угып чексинген озыба, қолларын тарсылада шабын кел, усталба чилеп тура перди 'Савельич мои те слова услышав, удивившись, руками с шумом всплеснул, как столб встал' [КД: 13]. Темпоральное значение осложняется причинным (с тех пор стоит, потому что удивился).

1.3.5. ППК с *-ган(-//) пос-*. В формировании данной моносубъектной ППК участвует местоимение *пос*. В этой конструкции зависимое действие обуславливает время совершения главного, являясь показателем времени его совершения: *Мен город саа парысқам пойум, анда паза полбадым* 'Я как в город уехал, там больше не бывал' [КАМ]. Конструкция подчеркивает необратимость совершенного зависимого действия, его результативность, сохранение его последствий для субъекта, который всегда общий для главного и зависимого действий. Главное действие совершается на фоне сохраняющегося результата зависимого действия, которое может восприниматься уже как признак субъекта ППК. В конструкции ощущается присутствие и элементов причинного значения у зависимой конструкции.

1.3.6. ППК с зависимым предикатом в форме *на -п*. Форма деепричастия на *-п* участвует в создании временных разносубъектных фраз, которые имеют две разновидности: а) зависимое действие является точкой отсчета временного интервала, который прошел с момента его совершения до момента речи, при этом главное действие ведет отсчет времени, поэтому подлежащими являются слова, обозначающие временные интервалы (*чыл* 'год', *ай* 'месяц' и т. д.): *Ийги алыптың қолуна кирип, одус чыл эрт парды* 'С тех пор, как он попал в руки богатырей, прошло тридцать лет' [ШФ: 46, 47] – ограничительное следование; б) в зависимой части задается временной интервал, по истечении которого должно наступить главное действие [Невская 1993: 35]: *Үш күн эртип, айланмаан ползам, мен ажып өлгем полар* 'Если спустя три дня (три дня пройдя), я не вернусь, я, наверное, уже погиб' – не ограничительное следование [ШГ: 213].

Данную форму мы относим к контекстному типу.

2. Предшествование главного события зависимому событию

Предшествованием называется такое отношение, когда более поздним является зависимое событие. В зависимости от отсутствия и наличия в семантике ППК компонента «ограничение», отношения предшествования делятся на отношения неограничительного предшествования и ограничительного предшествования. При дифференциации ППК неограничительного предшествования основным является признак наличия и отсутствия компонента «субъективная оценка

значимости интервала между событиями». По этому признаку различаются общее предшествование, где отсутствует этот компонент, близкое и не непосредственное предшествование, где присутствует этот компонент. Таким образом, общее предшествование входит в группу неограничительного предшествования.

2.1. *Общее предшествование главного события зависимому событию.* Эта семантика в шорском языке передается в основном с помощью причастия будущего времени на *-ар* в формах местного, дательного и исходного падежей: *-ар-да, -ар-га, -ар-даң*; причастно-последложных форм: *-ар алында, -ган пажында*, которые являются наиболее специализированными, и деепричастной формы *-ганче*.

2.1.1. *ППК с зависимым предикатом в форме на -ар алында.* Эта конструкция является наиболее специализированной: *Чышқа парар алында, теремеде қамнар қамнағанар* 'Перед тем, как (охотник) уходил в тайгу, в деревне шаманили' [ШНМ]. В этом предложении действие главной части носит законченный, завершённый характер в плане абсолютного прошлого. При таком соотношении видовременных характеристик не наблюдается непосредственной связи между ранним и поздним событием. Нет необходимости уточнять временной разрыв, так как событие – точка отсчета, само уже достаточно далеко. В более редких случаях предикат главной части может выражаться формой настоящего или будущего времени: *Чаңмур чағар алдында-ла, меең ичемниң азағы сыстапчир* 'Перед тем, как пойдет дождь, ноги моей матери ноют' [ШНМ].

2.1.2. *ППК с зависимым предикатом в форме на -ганче.* Зависимое действие может откладываться на неопределенное время: *Өлгенче, мен ачыққа пар келейим* 'Прежде чем я умру, съезжу-ка я поохотиться' [КАМ]. Деепричастие на *-ганче* при этом образовано от глагола со значением факта. Данную конструкцию, как и следующие за ней причастно-падежные конструкции, мы относим к неспециализированным темпоральным.

2.1.4. *ППК с зависимым предикатом в форме на -ар-да.* Данная ППК употребляется в мрасском диалекте и выражает следование главного события за зависимым. Данная ППК имеет также семантический вариант предшествования главного события зависимому. *Аалтап чөрерде, шай ишчабыс* 'Перед тем, как идти в гости, чай пьем' [ШНМ].

2.1.5. *ППК с зависимым предикатом в форме на на -ар-га.* Данная ППК с аффиксом дательного падежа в литературных источниках встречается крайне редко, но вполне употребительна в разговорной речи: *Блар чедерге, небелери суг пол парды* 'Прежде чем им дойти, их одежда промокла' [ШНМ].

2.1.6. *ППК с зависимым предикатом в форме на -ар-даң.* Зависимое предложение выражает такое действие, которое исключается (не допускается), считается невозможным в связи с совершением или несвершением основного действия, выраженного сказуемым главного предложения: *Мүүс чыг-ар-даң кулақ öзер* 'Прежде, чем выйдут рога, вырастут уши' [ПЕН].

2.2. *Близкое предшествование главного события зависимому событию.* ППК близкого предшествования передают временной интервал между главным и зависимым событием как незначительный. В шорском языке в формировании данной семантики участвуют причастно-падежные формы.

2.2.1. *ППК с зависимым предикатом в форме на -галак-ка.* Эта форма образована от причастия еще не совершившегося действия на *-галақ* с аффиксом дательного падежа. Она обозначает временную обусловленность опорного действия ('к тому моменту, как'): *Ирод шериглерин ыс-қалақ-қа, Иосифтың түжүнде Қудайдың ангелы келип айтқан...* 'К тому моменту, когда Ирод еще не успел послать войска, Иосифу во сне ангелы, придя, сказали...' [СИ: 102]. Полипредика-

тивны фразы с данным причастием почти всегда разносубъектны. Эта ППК является наиболее специализированной.

2.2.2. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ар-ба*. В редких случаях в данной ППК возникает значение близкого предшествования: *Пис кир-ер-ис-пе, алар шым полыбыстылар* 'Как только нам войти, они замолчали' [ШНМ].

2.2.3. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да*. ППК имеет редкий семантический вариант близкого предшествования главного события зависимому только тогда, когда говорящий подчёркивает, что действия тесно соприкасаются во времени: *Сен келгенде (кел-ген-иң-де), ишр тўш парды* 'Когда ты пришел, вечер наступил (уже)' [СТА]. Близкое предшествование для этой ППК является её семантическим вариантом, следовательно она неспециализированная.

2.2.4. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганче*. Форма на *-ганче* может выражать очень близкое предшествование главного действия зависимому: *Мен ат-қанче, ол қыйғырды* 'Прежде чем я выстрелил / не успел я выстрелить, она закричала' [ШНМ] (фактитичное главное действие непосредственно предшествует фактитичному зависимому); *Мен сура-ганче, ол чооқча перди, ноо тайгада полган* 'Прежде чем я спросил, он рассказал, что произошло в тайге' [КАМ]. Эта ППК обозначает уникальное соотношение зависимого и главного действий. Зависимое действие может произойти или не произойти, оно только предполагалось. Данная ППК является неспециализированной.

2.3. Ограничительное предшествование главного события зависимому событию

Семантика ограничительного предшествования предполагает такие временные отношения событий, когда зависимое выступает как временной предел для главного длительного события. Для русских предложений ограничительного предшествования была сформулирована следующая закономерность: «Конstituирующий признак предложений ограничительного предшествования – значение недлительности, результативности конечной временной границы явления придаточной части. Для её глагольного центра обязателен совершенный вид» [ГСРЯ 1970]. Акциональные характеристики предикатов в ППК важны и для шорского языка. Фактитичность зависимого предиката может достигаться разными способами – предельностью самого глагола, использованием перфективных способов глагольного действия или синтаксических конструкций, которые способствуют проявлению фактитивного значения у предельных глаголов и т. д.

2.3.1. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганче*. Деепричастие на *-ганче*, образованное от глагола со значением факта, полагает предел для действия финитного глагола, если оно процессуально; деепричастное действие следует за финитным, частично совпадая по времени с конечной фазой финитного действия [Невская 1993: 62]. Данная конструкция передаёт значение ограничительного предшествования наиболее явно: *Ачықтаң айландыра келгенче, мең сөзүмни угуп одурап* 'До того, как он вернётся с промысла, моих слов слушайтесь!' [ШГ: 240]. В данном примере главное действие процессное, оно протекает до момента совершения фактитивного зависимого действия – т.е. акциональные характеристики глаголов предопределяют тот или иной семантический вариант ППК с зависимым предикатом *-ганче*.

3. Одновременность главного и зависимого событий

В физическом смысле между одновременными событиями не может быть установлено отношение «раньше / позже», их нельзя локализовать как прошлое или будущее, т.е. это любые два события, которые являются неопределёнными

по отношению к их порядку во времени [Рейхенбах 1985: 144-145]. Одновременность главного и зависимого событий может быть неограничительной и ограничительной.

3.1. *Неограничительная одновременность.* Сюда включаются все виды одновременности двух событий, в которых отсутствует значение временного ограничения, сюда входят частные значения полной и неполной одновременности. В передаче этих отношений исключительно важна роль акционального значения сказуемых. Необходимым условием строгого совпадения при полной одновременности является акциональная однородность предикатов сопряженных действий. Это либо краткие (фактитичные), либо длющиеся (процессуальные) действия.

Необходимым условием неполной одновременности является разная степень длительности (протяженности во времени) действий. Отношения неполной одновременности могут наблюдаться в следующих условиях синтаксического контекста: когда первый предикат передает краткое (точечное) действие, второй предикат – длющееся, или когда второй предикат обозначает действие, которое началось раньше или позже. Тем самым значения полной или неполной одновременности являются семантическими вариантами конструкций неограничительной одновременности. Нам не встретилось специализированной конструкции, которая выражала бы отношения полной или неполной одновременности.

3.1.1. *ППК с формой зависимого предиката на -чатқан-да.* Данную конструкцию мы рассматриваем как наиболее специализированную. При одновременности двух длительных действий процессуальность зависимого действия подчёркивает причастие настоящего несовершенного времени на *-чатқан*. В роли главных сказуемых в конструкциях этого типа выступают формы прошедшего, будущего или настоящего времени: *Аалында, қатыбыла чатчында, найле урушчаң* ‘Раньше, когда жил с женой, очень сильно дрался’ [КАМ]; *Мен үргенчында, мында чадарым* ‘Пока я учусь, я здесь буду жить’ [КДМ] (главное и зависимое действия процессуальные, полная одновременность); *Сен усчында, Света келген* ‘Когда ты спал, приходила Света’ [КДМ] (зависимый предикат обозначает длющееся действие, которое началось раньше и на его фоне происходило точечное действие, выраженное главным предикатом); *Силер чии чиипчинде, мен конторага пар келдим* ‘Когда вы ели, я сходил в контору’ [КДМ] (зависимый предикат обозначает действие, на фоне которого происходит краткое действие второго предиката, т.е. неполная одновременность).

3.1.2. *ППК с формой зависимого предиката на -галақ-та.* Мы относим данную конструкцию к специализированным (в самом причастии на *-галақ* заложена семантика общей временной соотнесенности – ‘когда еще не’). ППК с данной формой зависимого сказуемого обозначают время совершения главного действия. Оно совершается, пока длится отсутствие ожидаемого зависимого действия. Соответственно, зависимое действие является процессуальным. *Ол өккүс арт қалган, палларды школға паргалақтарында (пар-галақ-тарын-да)* ‘Она осталась сиротой, когда дети еще в школу не пошли’ [ШНМ] (неполная одновременность); *Қар ээргелекте, нис шанаба аңнап чөрчабыс* ‘Пока снег еще не растаял, мы ходим на охоту на лыжах’ [ШНМ] (полная одновременность).

3.1.3. *ППК с зависимым предикатом в форме на -п чадып.* Н.П. Дыренкова выделяет в качестве отдельного «сложного» деепричастия форму на *-п чадып / -пчат / -пчит / -чит*. В отличие от деепричастия на *-п*, передающего значение самой общей связи событий, форма на *-п чадып* моносемантическая и имеет значение временной обусловленности финитного действия деепричастным («в то время, когда») при их одновременности [Невская 1993: 45]. *Аңнап парчадып,*

кӧргем ‘Когда охотился, я видел’ [ШГ: 158] (неполная одновременность); *По апишый аңнапчадып, колхозқа тың улуг доход перча* ‘Этот старик, охотясь, колхозу даёт очень большой доход’ [ШГ: 158] (полная одновременность, действия главного глагола и в форме на *-п чадып* являются процессуальными).

Конструкции с зависимым предикатом в форме на *-п чадып* мы рассматриваем как специализированную.

3.1.4. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ган-да*. Эта ППК обозначает самое общее соотношение событий во времени, которое в зависимости от лексического или общего контекста может реализовываться как предшествование, следование или одновременность: *Күскүде агаиш аразыба паргаңда, агаиш пүри қазжырапча* ‘Когда идёшь осенью лесом, шуршат листья деревьев’ [СТА] (полная одновременность); *Сен уйтағанда, Света келген* ‘Когда ты спал, Света приходила’ [ШНМ] (неполная одновременность). Данную конструкцию мы относим к неспециализированным.

3.1.5. ППК с зависимым предикатом в форме на *-баан-да*. Данная конструкция способна передавать неспециализированное обстоятельственное значение времени совершения другого действия, задавая некоторый временной интервал без обозначения его границ. Часто эта ППК в зависимости от контекста приобретает каузальные компоненты значения в дополнение к базовому темпоральному – уступительное или причинное: *Мен чӧрүп уңнабаанда, абам мага шана иштеп берген* ‘Когда я еще не умел ходить / хотя я еще не умел ходить, отец уже сделал мне лыжи’ [ШНМ] (неполная одновременность); *Катя агрыбаанда, қыстың палазы анда чатқан* ‘Когда Катя не болела / так как Катя не болела, ее внучка там жила’ [ШНМ] (полная одновременность).

3.1.6. ППК с зависимым предикатом в форме на *-са*. В конструкциях с зависимым предикатом на *-са*, сказуемое главной части стоит обычно в одной из форм настоящего или будущего времени: *Аара пасса, ай сузын туглапча, пеере пасса, күн сузын туглапча* ‘Когда / если она (девица) туда шагает, она затмевает лучи месяца, когда / если сюда шагает, затмевает лучи солнца’ [ШГ: 299] (полная одновременность); *Ӧре көрзем, көк тегри көрүнча, алын күрзем, ақ-қор адымның ийги қулағы көрүнча* ‘Когда /если вверх погляжу, синее небо видно, когда / если вперед погляжу, бело-каурого коня два уха видны’ [ШГ: 299] (неполная одновременность). Данную конструкцию мы относим к неспециализированным обстоятельственным.

3.1.7. ППК с зависимым предикатом в форме на *-а*. Деепричастие на *-а* обозначает длительные действия, одновременные с опорным действием, обычно очень тесно с ним связанные, поскольку характеризуют его со стороны образа или способа действия: *Чатқан агаиш чада сынды, турған агаиш тура сынды* ‘Лежащее дерево, лежа, сломалось, стоящее дерево, стоя, сломалось’ [ШФ: 54–55] (неполная одновременность); *Мен ырақтаң көре, аны ыларға күлүнгем* ‘Я, смотря издали, ревновала его к ним’ [КАМ] (полная одновременность). Данная форма относится к неспециализированным темпоральным.

3.1.8. ППК с зависимым предикатом в форме на *-п*. ППК неспециализированная контекстная: *Брыззы чоқ Неккер пир қатнап четтон огланыма ойнап, четтон огланны парчаларын удып шығарыбысты* ‘Когда как-то раз несчастный Неккер с семидесятью парнями играл, он всех семьдесят парней победил’ [ШН: 19] (неполная одновременность); *Чадып қыырган* ‘Лёжа, читал’ [СТА] (полная одновременность).

3.1.9. ППК с зависимым предикатом в форме на *-и ала*. ППК неспециализированная темпоральная: ... *теди, одурган черине одурып ала* '... сказал, садясь на своё место (в то время, когда садился)' [КД: 18] (неполная одновременность; в этом контексте зависимое процессуальное действие, главное – фактитичное); ... *мең көргегимге урунып ала өстепчүтқан* '...о мои бока толкаясь, охал' [КД: 19] (полная одновременность при процессности обоих действий).

3.1.10. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганы*. Данную ППК мы относим к неспециализированным темпоральным. Если в качестве зависимого выступает глагол в форме на *-а-а кел-*, то деепричастие передает значение 'по мере того, как; в то время, как', обозначая длительное действие, служащее фоном для финитного действия и одновременное с ним [Невская 1993: 82]: *Парапара келгени – элдиң черин раққа салды* 'По мере того, как он ехал, чужую землю далеко (за собой) оставил' [ШГ: 295] (неполная одновременность); *Апшыый одура-одура келгени, тоопчатқаннар* 'Сидя (по мере того, как сидел), старик мёрз' [СТА] (полная одновременность).

3.2. Ограничительная одновременность

Выделяются два вида ограничительной одновременности: в одном случае зависимое действие указывает на временные границы главного действия, т. е. главное событие происходит в рамках процессного зависимого (или одновременно с его отсутствием) и прекращается одновременно с прекращением зависимого действия (или с наступлением зависимого действия), в другом случае ограничительная одновременность характеризуется тем, что главное процессное действие заканчивается с наступлением фактитичного зависимого действия.

3.2.1. ППК с зависимым предикатом в форме на *-ганче*. Это неспециализированный способ выражения ограничительной одновременности: *Пис узуганче сен сең эмиңде пол* 'Пока мы спим, ты будь в своем доме' [ПЕН]. – Главное процессное действие происходит в рамках процессного зависимого и прекращается одновременно с прекращением зависимого действия. Деепричастие в данном случае преимущественно образуется от глаголов, оформленных показателями процессуальных способов действия или имеющих процессный лексико-семантический вариант значения.

3.2.2. ППК с зависимым предикатом в форме на *-баанче*. Данная неспециализированная конструкция является «отрицательной парой» деепричастия *-ганче*; её особенность состоит в том, что и в главной части часто присутствует отрицание. Для этой ППК характерно значение ограничительной одновременности – главное событие одновременно с отсутствием зависимого и прекращается одновременно с наступлением зависимого действия: *Алыг теген кижжи поэзы өлбеенче адын арғаң пашқага пербечең* 'Богатырь пока не умрёт, коня своего чужому человеку не отдает' [ШГ: 134].

3.2.3 ППК с зависимым предикатом в форме на *-баан*. Специфика отрицания в форма на *-баан* сказывается в том, что деепричастное действие чаще всего осмысливается как обстоятельство, обуславливающее или характеризующее основное действие, которое к тому же представлено отрицанием: *Инекты сағбаан, малларға пожатпа* 'Не подоив корову, в стадо не отпускай' [КАМ]. В таких фразах ощущается присутствие условного оттенка (не подоив, пока / если не подоишь; не найдя, пока / если не найдешь). Данную ППК мы относим к контекстным.

4. Конструкция кратности

4.1. ППК с зависимым предикатом в форме на -ган сайа. Это отдельный тип ППК – специализированная конструкция кратности. Действие главной части происходит всякий раз, когда происходит зависимое, т.е. наступление главного события неразрывно связано с наступлением зависимого: *Сөзүрбе сугдаң шыгара тарт-қан сайа (сайтын), отқа палық пыжырып одурғанмыс* ‘Всякий раз, когда вытаскивали сеть, мы на огне жарили рыбу’ [ПЕН].

В других случаях кратность выражатся лексически, значением глагола, его акцианальным классом, акциональной формой.

5. Заключение

В результате нашего исследования в шорском языке было выявлено 37 способов оформления зависимого предиката в ППК. Конструкции с участием указанных ЗПЕ, как видно из приведенных примеров, могут выражать различные темпоральные значения в зависимости от лексического или грамматического контекста или общей ситуации. Среди этих имеются как специализированные; так и неспециализированные темпоральные типы. Общая сводка полученных результатов представлена в нижеследующей Таблице 1 «Семантические типы темпоральных ППК в шорском языке» (См.: с. 27–28).

ЛИТЕРАТУРА

Боргоякова Т.Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка) – М., 2002. – 174 с.

ГСРЯ 1970 – Грамматика современного русского языка. – М., 1970. – 767 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М., 1941. – 307 с.

Есипова А.В. Употребление причастий первого семантического типа в простом и распространенном определении в шорском языке // Синтаксис алтайских и европейских языков. – Новосибирск, 1981. – С. 71–81.

Ефремов Н.Н. Сложноподчинённые предложения времени в якутском языке. – М., 1984. – 97 с.

Невская И.А. Формы деепричастного типа в шорском языке. – Новосибирск, 1993. – 118 с.

Невская И.А. «Не успело сказанное слово прозвучать...»: выражение мгновенного следования событий в шорском языке // Новая парадигма образования и пути его реализации. Материалы конференции, посвящённой 35-летию кафедры иностранных языков и 60-летию Новокузнецкого гос. пед. ин-та. – Новокузнецк, 1999. – С. 24–30.

Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М., 1985.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск, 1986. – 319 с.]

ТФГ – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – 347 с.

Филистович Т.П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским). – Новосибирск, 1991. – 172 с.

Чистяков Э. Ф. Придаточные предложения в шорском языке / Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Томск, 1973. – 22 с.

Шамина Л.А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке / Отв. ред. М.И. Черемисина. – Новосибирск, 2001. – 249 с.

ТЕКСТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

ААРС – *Вербицкий В.Н.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884. – 495 с.

АВЕ – *Есипова А.В.* Шорские тексты и поговорки // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. – Новосибирск, 1986.

КД – *Пушкин А.С.* Капитаннынъ кызы / Пер. И.Я. Арбачакова. – Новосибирск, 1941. – 172 с.

СИ – Священная история на шорском наречии для инородцев восточной половины Кузнецкого округа. – Казань, 1883. – 207 с.

ЧЭФ – *Чистяков Э.Ф.* Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. – Кемерово, 1992. – 318 с.

ШГ – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.; Л. 1941. – 307 с.

ШН – *Бабушкин Г. Ф.* Шорныбактары. – Новосибирск, 1940. – 96 с.

ШФ – *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. – М.; Л.; 1940 – 448 с.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

КАМ – Кунгушева А. М.

КДМ – Кузьпеков Д. М.

ПЕН – Первакова Е. Н.

СТА – Сосканакова Т. А.

ШНМ – Шипачева Н. М.

Dubrovskaya, Ol'ga V., Nevskaya Irina A. The semantic types of Shor temporal polypredicative constructions

Summary. This article deals with Shor polypredicative constructions expressing the semantics of simultaneity, posteriority and anteriority.

Key words: Shor language, temporal polypredicative construction, simultaneity, posteriority, anteriority.

Семантические типы темпоральных ППК в шорском языке

Предикат ЗПЕ	Разновременность					Одновременность			
	Следование		Предшествование			Одновременность			
	Не ограничительное.		Ограничительное	Не ограничительное		Ограничительное	Не ограничительное		Ограничительное
	общее	близкое		общее	близкое		полное	неполное	
Синтетический тип темпоральных ППК									
1. Темпоральные конструкции с аффиксом местного падежа причастий в функции зависимого предиката									
=ған=да	+				+		+	+	
=баан=да							+	+	
=ар=да	+			+					
=ғалак=га							+	+	
=чатқан=да							+	+	
2. Темпоральные конструкции с формой местного падежа именных предикатов									
							+	+	
3. Темпоральные конструкции с аффиксом дательного падежа причастий в функции зависимого предиката									
=ғалак=к а					+				
=ар=га					+				
4. Темпоральные конструкции с аффиксом исходного падежа причастий в функции зависимого предиката									
=ар=даң					+				
5. Темпоральные конструкции с аффиксом орудного падежа причастий в функции зависимого предиката									
=ған=ба		+							
=ар=ба		+			+				
6. Темпоральные конструкции с формами деепричастий в функции зависимого предиката									
=п	+						+	+	
=п чадьп							+	+	
=п, олок/ озыба / соғада ГПЕ		+							
=а							+	+	
=ала		+							
=баан									+
=ғанче		+		+		+			+
=баанче									+
=п ала							+	+	

7. Темпоральные конструкции с формами деепричастного типа в функции зависимого предиката									
=са	+							+	+
=ғаны								+	+
Аналитико-синтетические ППК									
1. Причастные формы с послелогоми и служебными словами в функции зависимого предиката									
=ған=да ла		+							
=ған=наң ала			+						
=паан= наң ала			+						
=чатқан= наң ала			+						
=ған=наң пер- тин/пери			+						
=ар пыла		+							
=ар алында				+					
=ған ла		+							
=ған со- онда	+								
=ған сонаң			+						
=ған озы- ба/ позынча			+						
=ған(=//) пос=//			+						
2. Деепричастные формы с послелогоми и служебными словами в функции зависимого предиката									
=п ла		+							
=са ла		+							
=ғанче ле		+							
3. Формы деепричастного типа как зависимое сказуемое плюс слово союзного типа									
Қачан =са	+							+	+

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ТУРОК-МЕСХЕТИНЦЕВ*

В.И. Рассадин, Элиста

Резюме. В статье описан звуковой строй языка турок-месхетинцев – одного из малоизученных тюркских языков. Анализ базируется на лингвистическом материале, записанном автором в 2009–2010 гг. от носителей турецко-месхетинского языка, проживающих в Калмыкии. Данная фонетическая система сравнена с древнетюркским языком, что позволило выявить черты, сохраняющиеся от древнетюркского состояния, и новые черты, характерные для огузского ареала, как огузскую новацию

Ключевые слова: язык турок-месхетинцев, звуковой строй, вокализм, консонантизм, огузская новация

В настоящей статье представлен опыт описания звукового строя языка турок-месхетинцев, называемых также *ахыска*. В основу исследования положен лингвистический материал, собранный автором в 2009–2010 гг. среди турок-месхетинцев в селе Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия, переселившихся сюда в 90-е гг. из Средней Азии. Поскольку их язык не имеет письменной формы (выпускаемая в Казахстане Центром культуры турок-месхетинцев газета «Ахыска» использует турецкий литературный язык), мы применяем здесь при его фиксации знаки кириллического алфавита, принятые для тюркских языков России.

Для выяснения преемственности звукового строя современного турецко-месхетинского языка по отношению к звуковому строю древнетюркского языка был привлечен материал из «Древнетюркского словаря» (ДТС), использовалась также «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» А.Н. Кононова [Кононов 1980]. (Указания на эти два источника в дальнейшем идут без ссылок).

Исследование вокализма показало, что современная система гласных языка турок-месхетинцев включает две группы фонем: краткие гласные и дифтонги. По своим характерным признакам краткие гласные чётко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах согласно правилам сингармонизма.

Краткие гласные как первого слога, так и последующих слогов являются гласными полного образования и имеют чётко выраженные акустические клас-

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», проект № 5775.

сификационные признаки: постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования. В этих позициях гласные произносятся чётко и с полной артикуляцией. Гласный последнего слога обычно бывает ударным. Ударение носит экспираторный характер.

В слоговой структуре первый слог корня определяет сингармоническую принадлежность слова либо к заднему ряду, либо к переднему ряду, что придаёт последующим слогам соответствующий облик: тур.-месх. *су* 'вода' – *сүд* 'молоко', при наращении аффиксов получаем *сулу* 'имеющий воду' – *сүдлү* 'имеющий молоко'; *ат* 'лошадь' – *эт* 'мясо', при наращении аффиксов получаем *атын* 'своего коня' – *этин* 'своё мясо' и т. п.

В языке месхетинцев в первом слоге выступают четыре гласных заднего ряда – «а», «о», «у», «ы» и пять гласных переднего ряда – «э(е)», «ә», «ө», «ү», «и». При этом следует отметить, что гласный «э(е)» довольно часто чередуется с более широким гласным «ә», напр.: *эт~эт* 'мясо', *эл~эл* 'рука', *дэве~дэвэ* 'верблюд'. Многие слова произносятся только с гласным «ә», например: *тэкә* 'козёл', *гәл* 'приходи', *сәкү* 'нары, помост', *гәми* 'удила', *бән* 'я', *сән* 'ты', *әвдә* 'в доме, дома'.

В языке месхетинцев краткий гласный «а» в первом слоге соответствует древнетюркскому «а»: тур.-месх. *ал* 'бери' < др.-тюрк. *al id.*; *ат* 'лошадь' < др.-тюрк. *at id.*; *аз* 'мало' < др.-тюрк. *az id.*; *каз* 'гусь' < др.-тюрк. *qaz id.*; *даг* 'гора' < др.-тюрк. *taγ id.* Ср. также: тур.-месх. *вар* 'есть, имеется', *дам* 'крыша', *жан* 'душа', *агач* 'дерево', *гага* 'клюв', *чакырмах* 'звать', *чалышмах* 'работать'. Такого явления, как образование гласного «а» на месте исторического «ы» или «и» типа калмыцкого и монгольского в результате переломов этих гласных в истории тюркских языков не наблюдается. Исключение составляют лишь несколько слов с начальным «ы» типа др.-тюрк. *йүс* > тур.-месх. *агач* 'дерево'. В единичных случаях уже в самом древнетюркском языке происходило чередование анлаутных гласных «ы» и «а», напр.: др.-тюрк. *инса~анса* 'так, таким образом', *инсир~ансир* 'так, таким образом'.

Месхетинское «о» древнетюркское состояние, напр.: тур.-месх. *от* 'трава' < др.-тюрк. *ot id.*; *от* 'костёр' < др.-тюрк. *ot* 'огонь'; *он* 'десять' < др.-тюрк. *on id.*; *кол* 'рука' < др.-тюрк. *qol id.*; *омуз* 'тридцать' < др.-тюрк. *otuz id.*; *огул* 'сын; мальчик' < др.-тюрк. *oγul id.*; *ол* 'тот, та, то' < др.-тюрк. *ol id.* Этот гласный употребителен в первом слоге многих турецко-месхетинских слов: *омуз* 'плечо', *огуз* 'бычок', *ода* 'комната', *топрах* 'земля, почва', *тохум* 'семя, зерно', *доли* 'град', *олду* 'был', *отур* 'садись', *оглан* 'парень', *чоужук* 'ребёнок'.

Месхетинское «у» первого слога также наследует древнетюркское состояние; напр.: тур.-месх. *узун* 'длинный' < др.-тюрк. *uzun id.*; *уч* 'лети' < др.-тюрк. *uç id.*; *йут* 'глотай' < др.-тюрк. *jut id.*; *кулун* 'жеребёнок' < др.-тюрк. *qulun id.*; *кузгун* 'ворон' < др.-тюрк. *quzγun id.*; *су* 'вода' < др.-тюрк. *suγ id.* Ср. также: тур.-месх. *курт* 'волк', 'червяк', *кузи* 'козлёнок', *куру* 'сухой', *куйу* 'колодец', *узах* 'далеко', *ужүз* 'дешёвый', *йурт* 'родина'.

Краткий гласный твёрдого ряда «ы» в первом слоге хорошо соответствует древнетюркскому «й»: тур.-месх. *кыш* 'зима' < др.-тюрк. *qış id.*; *кыса* 'короткий' < др.-тюрк. *qışqa id.*; *ысыр* 'кусай' < др.-тюрк. *isir id.*; *ырла* 'пой' < др.-тюрк. *irila id.*; *кырк* 'сорок' < др.-тюрк. *qırq id.*; *кыз* 'дочь; девочка; девушка' < др.-тюрк. *qiz id.* Ср. также: тур.-месх. *сырт* 'спина', *йылдырым* 'молния', *ырмах* 'река', *ыслах* 'мокрый', *кыскач* 'щипцы, клещи', *сыгыр* 'крупный рогатый скот', *сыкмах* 'жать, давить', *кырмызы* 'красный', *сыях* 'чёрный', *сыжах* 'горячий'.

В первом слоге слов мягкого ряда употребляется тот же гласный звук «е», что и в древнетюркском языке; напр.: тур.-месх. *беш* ‘пять’ < др.-тюрк. *beş* id.; *секиз* ‘восемь’ < др.-тюрк. *sekiz* id.; *семиз* ‘жирный’ < др.-тюрк. *semiz* id.; *гечи* ‘домашняя коза’ < др.-тюрк. *keçi* id.; *эркак* ‘самец’ < др.-тюрк. *erkäk* ‘муж, мужчина; самец’; *вер* ‘дай’ < др.-тюрк. *ber* id. Ср. также: тур.-месх. *этмек* ‘хлеб’, *эи* ‘ровесник’, *дэмей* ‘не говорят’, *эшак* ‘осёл’, *йемах* ‘есть, кушать’, *йени* ‘новый’, *йешил* ‘зелёный’, *бейаз* ‘белый’, *тэмиз* ‘чистый», *гениш* ‘широкий’, *ренк* ‘цвет’, *келиме* ‘слово’, *серик* ‘цыплёнок’.

Поскольку в системе вокализма древнетюркского языка фонемы [ə], видимо, не было, то её появление в турецком языке месхетинцев следует считать новообразованием. Появилась она вначале как производительный вариант фонемы [e], а затем закрепилась в ряде случаев как обязательный вариант произношения; напр.: тур.-месх. *бэн* ‘я’ < др.-тюрк. *ben* id., *бэним* ‘мой, моя, моё’ < др.-тюрк. *beni* id., *бэни* ‘меня’ < др.-тюрк. *beni* id., *сэн* ‘ты’ < др.-тюрк. *sen* id., *дэгүл* ‘не (применное отрицание)’ < др.-тюрк. *tegül* id., *тэкэ* ‘козёл’ < др.-тюрк. *tekä* id., *гал* ‘приходи’ < др.-тюрк. *kel* id., *галүрүм* ‘я приду’ < др.-тюрк. *kelür men* id., *сакү* ‘нары, помост’ < др.-тюрк. *sekü* ‘возвышение, устраиваемое для сидения или лежания’. Иногда до сих пор этот звук «ə» чередуется с «э(e)», особенно по говорам и диалектам турецко-месхетинского языка, что даёт варианты типа *эл~ал* ‘рука’, *эт~ат* ‘мясо’, *эвдэ~эвдэ* ‘дома, в доме’.

В первом слоге переднерядных слов звук «ө» обычно сохраняется; напр.: тур.-месх. *дөрт* ‘четыре’ < др.-тюрк. *tört* id.; *өксүз* ‘сирота’ < др.-тюрк. *ögsüz* ‘без матери, сирота’ (< др.-тюрк. *ög* ‘мать’); *өгрен* ‘учись’ < др.-тюрк. *ögrän* id.; *өгей* ‘неродной’ < др.-тюрк. *ögäj* id.; *сөз* ‘слово’ < др.-тюрк. *söz* id.; *гөз* ‘глаз’ < др.-тюрк. *köz* id.; *гөр* ‘смотри’ < др.-тюрк. *kör* id. Ср. также: тур.-месх. *бөгүн* ‘сегодня’, *өбүр* ‘другой, иной’, *өгүз* ‘вол’, *өлү* ‘мёртвый’, *төрпү* ‘напильник’, *көпек* ‘собака’.

В истории турецко-месхетинского языка не было процессов перелома гласного *i, поэтому в этом языке в первом слоге тюркских слов гласный «ү» сохраняется; напр.: тур.-месх. *үч* ‘три; тройка’ < др.-тюрк. *üç* id.; *йүз* ‘сто’ < др.-тюрк. *jüz* id.; *дүш* ‘сон, сновидение’ < др.-тюрк. *tüş* id.; *түтүн* ‘табак’ < др.-тюрк. *tütün* ‘дым’; *йүз* ‘лицо’ < др.-тюрк. *jüz* id.; *сүд* ‘молоко’ < др.-тюрк. *süt* id. Ср. также: тур.-месх. *үмит* ‘надежда’, *үлү* ‘известный’, *йүрек* ‘сердце’, *бүтүн* ‘весь, целый’, *күл* ‘зола’, *күп* ‘кувшин’, *түркче* ‘турецкий язык’, *чүрүк* ‘гнилой’, *йүзгөр* ‘сильный ветер’.

В турецко-месхетинском языке, как правило, первослоговой древнетюркский *i хорошо сохраняется в виде того же «и»; напр.: тур.-месх. *ики* ‘два’ < др.-тюрк. *iki* id.; *бир* ‘один’ < др.-тюрк. *bir* id.; *бил* ‘знай’ < др.-тюрк. *bil* id.; *биз* ‘мы’ < др.-тюрк. *biz* id.; *сиз* ‘вы’ < др.-тюрк. *siz* id. Ср. также: тур.-месх. *гим* ‘иди, уходи’, *илк* ‘первый’, *инже* ‘тонкий’, *жигер* ‘печень’, *гиби* ‘как, подобно’, *тиши* ‘метель’, *пилав* ‘плов’, *диши* ‘самка’, *инэк* ‘корова’, *дил* ‘язык’, *диш* ‘зуб’.

Все гласные произносятся ясно, чётко, с полной артикуляцией согласно действующей в этом языке губной гармонии гласных. Здесь наблюдается следующая последовательность гласных:

- после гласного «а» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «ы», «и»; напр.: *адам* ‘взрослый мужчина’, *ана* ‘мать’, *архадаш* ‘товарищ’, *алдух* ‘мы взяли’, *йагмур* ‘дождь’, *чабух* ‘быстрый’, *аналух* ‘мачеха’, *йахын* ‘близкий’, *атым* ‘мой конь’, *лазым* ‘нужно’, *йагди* ‘пошёл дождь (снег)’;

- после гласного «о» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «и»; напр.: *оглан* ‘парень’, *колай* ‘нетрудный, лёгкий’, *корхах* ‘трусливый’, *огул*

‘сын’, *колум* ‘моя рука’, *тосун* ‘бык’, *чоужук* ‘ребёнок’, *йогурт* ‘йогурт’, *доли* ‘град’;

- после гласного «у» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «и»; напр.: *узах* ‘далёкий’, *уфах* ‘мелкий, некрупный’, *узун* ‘длинный’, *куру* ‘сухой’, *йутум* ‘глоток’, *йумурта* ‘яйцо’, *кузи* ‘ягнёнок’;

- после гласного «ы» первого слога во втором слоге следуют «а», «ы»; напр.: *кыса* ‘короткий’, *сыжах* ‘горячий’, *кызым* ‘моя дочь’, *йылдырым* ‘молния’, *кырмызы* ‘красный’;

- после гласного «э(е)» первого слога во втором слоге следуют «э(е)», «ә», «и»; напр.: *этмек* ‘хлеб’, *дэмей* ‘не говорят’, *эшэк* ‘осёл’, *эркэк* ‘самец’, *гедэжэм* ‘я уйду’, *дэри* ‘кожа’, *серик* ‘цыплёнок’, *гечи* ‘коза’, *гетдим* ‘я ушёл’;

- после гласного «ә» первого слога во втором слоге следуют «ә», «ү», «и»; напр.: *дэвә* ‘верблюды’, *тэкә* ‘козёл’, *әвдә* ‘дома, в доме’, *галүрүм* ‘я приду’, *сәкү* ‘нары, помост’, *галдим* ‘я пришёл’, *гәми* ‘удила’;

- после гласного «ө» первого слога во втором слоге следуют «е», «ү»; напр.: *өгей* ‘неродная (напр., мать)’, *көпек* ‘собака’, *өбүр* ‘другой, иной’, *көпрү* ‘мост’, *бөгүн* ‘сегодня’, *гөлү* ‘его озеро’;

- после гласного «ү» во втором слоге следуют «ә», «ү»; напр.: *йүзгәр* ‘ветер’, *үзәңги* ‘стремя’, *бүйүк* ‘большой’, *үчүнжү* ‘третий’, *сүдлү* ‘молочный, с молоком’;

- после гласного «и» первого слога во втором слоге следуют «ә», «и», «а»; напр.: *инэк* ‘корова’, *ийи* ‘хороший’, *ики* ‘два’, *диши* ‘самка’, *типи* ‘метель’, *тикан* ‘козлёнок’, *инсан* ‘человек’, *һисап* ‘счёт’.

В языке месхетинцев отсутствуют долгие гласные. В отличие от литературного турецкого языка интервокальный -ğ- здесь произносится, а не выпадает, и заместительная долгота гласного не образуется. Так, месхетинцы произносят *агач* вместо тур. *аач* (орфографически *ağaç*) ‘дерево’; *оглу* вместо тур. *оолу* (орфографически *oğlu*) ‘его сын’.

В языке месхетинцев представлены разные дифтонги; напр.: *айгыр* ‘жеребец’, *пейнир* ‘сыр, брынза’, *доуз* ‘свинья’, *таух* ‘курица’, *өгей* ‘неродной’, *тай* ‘жеребёнок до года’ и т.п..

Ради объективности мы провели попутно небольшой сравнительный анализ систем вокализма калмыцкого и турецко-месхетинского языков, поскольку турки-месхетинцы вот уже более 20 лет живут в Калмыкии среди калмыков, и их языки начали взаимодействовать, их дети изучают в школе калмыцкий язык. Данные по фонетике калмыцкого языка взяты из «Грамматики калмыцкого языка» [Грамматика 1983: 14–41]. Сравнение показало, что системы гласных фонем, представленные в данных языках, имеют как общие черты, так и различия. К общим чертам следует отнести сходный в целом состав гласных первого слога, состоящий в калмыцком языке из трёх гласных заднего ряда – «а», «о», «у», в турецком из четырёх – «а», «о», «у», «ы» и из одинаковых пяти гласных переднего ряда – «э(е)», «ә», «ө», «ү», «и». Различие заключается лишь в том, что в калмыцком языке гласный заднего ряда «ы» выступает только в показателях родительного и винительного падежей, а в турецком фонема [ы] широко употребляется не только в первом слоге наряду с другими фонемами, но и обычно по закону сингармонизма во всех последующих слогах. В турецком языке нет долгих гласных фонем. Калмыцкий же язык различает слова по долготе и краткости гласных в первом слоге. Кроме того, в калмыцком языке гласные второго и последующих слогов основы слова имеют статус особых «неясных» гласных неполной артикуляции, могущих в произношении редуцироваться полностью. Ту-

речкие же гласные во всех слогах имеют полную артикуляцию и не редуцируются. Турецкий язык, кроме того, отличается наличием дифтонгов, каковых вообще нет в калмыцком языке. Оба языка имеют в основном сходный тип губного сингармонизма, при котором не допускается произнесение во втором слоге широких огубленных «о» и «ө». В турецком языке не наблюдается явление исторического опереднения заднерядных гласных первого слога при наличии гласного *i во втором слоге, при котором гласный *i исчезает, а всё слово переходит в передний ряд.

Поскольку классификацию согласных принято осуществлять по месту их образования в полости рта и по участию в артикуляции активного речевого органа – губ, языка и маленького язычка (*uvula*), – мы будем их рассматривать, сгруппировав по этому принципу – губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные.

Губные согласные подразделяются на два вида: губно-губные и губно-зубные. При множестве вариантов произнесения губных согласных с разными характеристиками в турецко-месхетинском языке практически используются лишь некоторые. Здесь мы находим из ртовых губно-губных звуков звонкий согласный «б» и глухой «п», из губно-зубных звуков звонкий согласный «в» и глухой «ф». Из носовых сонантов в этой группе согласных используется губно-губной «м». При этом данные согласные ведут себя по-разному в зависимости от позиции в слове, а именно анлаута – начала слова, инлаута – середины слова – интервокальной, постконсонантной и предконсонантной позициями и ауслаута – конца слова. Рассмотрим эти согласные в зависимости от места артикуляции по активному органу и от позиции в слове.

Звонкий ртовый губно-губной смычный согласный «б» (ср. др.-тюрк. *b* – *baş* ‘голова’, *beş* ‘пять’, *sub-suv* ‘вода’, *sabim* ‘моя речь’) встречается главным образом в начале турецко-месхетинских слов, здесь он представлен достаточно широко; напр.: *бала* ‘ребёнок; детёныш’, *баиш* ‘голова’, *бахар* ‘весна’, *билмах* [бильмах] ‘знать, ведать’, *бир* ‘один’, *буга* ‘бык’, *булмах* ‘находить’, *бүтүн* ‘весь, целиком, всё’. В середине слов «б» обычен в любой позиции; напр.: тур.-месх. *аба* ‘мама’, *баба* ‘отец’, *абай* ‘бабушка’, *бабай* ‘дедушка’, *биби* ‘тётя по отцу’, *бибер* ‘перец’, *араба* «телега», *гэбэ* ‘стельная (напр. корова)’, *дибинэ* ‘на дно (его)’, *йабани* ‘дикий’, *чорба* ‘суп, бульон’, *бөбрэк* // *бөгрэк* ‘почки’, *кабланмах* ‘покрываться’, *абла* ‘жена брата’, *кабурга* ‘ребро’, *кабух* ‘корка’, *каби* ‘его мешок’, *налбанд* ‘кузнец’, *өбур* ‘другой, иной’, *сэбэбли* ‘причинный’, *себзи* ‘морковь’, *табах* ‘тарелка’, *тэбси* ‘стол на трёх ножках’, *тэмбэл* ‘ленивый, медлительный’, *чобан* ‘чабан, пастух на отгонных пастбищах’, *чубух* ‘шерстобитная палочка’, *тобди* ‘клубок ниток’, *каббези* ‘тряпка для посуды’.

В турецко-месхетинском языке согласный «б» встречается и в ауслауте, хотя и произносится в оглушенном варианте. Во всяком случае носители языка этот звук в данной позиции представляют себе как глухой слабый «б», произносимый без придыхания. Попав в соседство с гласным звуком или звонким согласным, этот «б» восстанавливает свою звонкость, напр.: *каб* ‘посуда; мешок’ – *каби* ‘его посуда; его мешок’, *сэбэб* ‘причина’ – *сэбэби* ‘его причина’, *сэбэбли* ‘причинный’, *касаб* ‘мясник, торговец мясом’, *китаб* ‘книга’, *кэлиб* ‘форма, колодка’, *мектеб* [мэхтэб] ‘школа’. Кроме того, он очень частотен в конце слова как показатель деепричастия *-(ы)б/-(и)б*; напр.: *алыб* ‘взяв’, *сатыб алды* ‘купил’, *айахта туруб* ‘стоя на ногах’, *кахыб* ‘привставая на ногах’, *өсүб* ‘вырастая’. (Ср. в других тюркских языках деепричастие на =ып/=ип; напр.: тат. *алып*, *сатып алды*, *аякта торып*, *үсеп* с теми же значениями).

Глухой ртовый губно-губной смычный согласный «п» в языке турок-месхетинцев часто представлен в анлауте: тур.-месх. *парча* 'ткань', *пейнир* 'сыр', *пилав* 'плов', *писик* 'кошка', *пөрчүкли* 'морковь', *петек* 'пчела', *пада* 'стадо', *питик*, *пито* 'щенок', *пытбылдых* 'перепёлка', *пуар* 'родник', *пин* 'курятник', *пейхун* 'низенький столик', *пелтек* 'заика', *пейшене* 'лоб', *пармах* 'палец', *пуш* 'пузо', *пейкир* 'полотенце', *пейтамал* 'фартук'. Немало слов, в которых согласный «п» стоит в позиции инлаута; напр.: *карпуз* 'арбуз', *топуз* 'зубр', *кептер* 'голубь', *кирпи-иткен* 'ёж', *чапа* // *чаппа* 'тяпка', *цытард* 'искра', *ахлун* 'навоз', *киприк* 'ресницы', *топрах* 'земля, грунт', *капи* 'дверь', *копчи* 'пуговица', *кырпмах* 'моргнуть', *пепела* 'бабочка', *сипа* 'ослёнок', *кэлпэт* 'кусачки, плоскогубцы', *кәпәк* 'отруби'. В этой позиции глухой звук «п» чётко противопоставлен звонкому «б»; напр.: *капи* 'дверь' – *каби* 'его посуда; его мешок' – *кави* 'твёрдый, жёсткий'. Гораздо реже этот согласный встречается в позиции ауслаута; напр.: *тап* 'найди', *топ* 'мяч', *шарап* 'вино', *мектуп* 'школа', *чорап* 'носки', *картоп* 'картофель'. (Этот согласный в анлауте древнетюркских слов не встречается, он отмечен только в анлауте заимствованных слов; он обычен в середине и конце древнетюркских слов, напр.: др.-тюрк. *qarïu* 'дверь', *qar*= 'хватать, захватывать' [Кононов 1980: 63]).

Звонкий ртовый губно-зубной щелевой согласный «в» в языке турок-месхетинцев в позиции анлаута употребляется достаточно редко, можно назвать десяток-другой слов, где он представлен; напр.: *вар* 'есть, имеется', *вахыт* 'время, пора', *ве* // *вә* «и», *вермах* 'давать', *вурмах* 'бить'. Гораздо чаще этот согласный встречается в середине слов; напр.: *дәве* // *дәвә* 'верблюд', *йаван* 'постный', *кави* 'твёрдый, жёсткий', *сивирмах* 'сдирать, соскабливать', *тавар* 'овца, овцы', *тавли* 'жирный, упитанный', *хайван хавлыси* 'скотный двор', *чувал* 'мешок', *эв* // *әв* 'дом', *әвдә* // *әвдә* 'в доме; дома', *айва* 'айва', *шевтэли* 'персик', *жәвуз* 'орех', *савузи* 'морковь', *жәнавар* 'волк', *тавиан* 'заяц', *тава* 'сковорода', *шарвал* 'штаны'. Этот согласный довольно редок в конце слов, встретились буквально единицы; напр.: *ав* «охота», *эв* // *әв* 'дом'. (По нашим наблюдениям, этот звук не используется в анлауте древнетюркских слов, зафиксировано лишь слово *ver*= 'дать' как вариант *ber*=, в этой позиции он встречается лишь в заимствованных словах, зато не редок в инлауте и ауслауте: др.-тюрк. *av* 'охота', *avla*= 'охотиться', *avıç* 'горсть', *suu*, *suw*, *sub*, *suu* 'вода', *ev*, *ew*, *eb* 'дом, юрта').

В ряде случаев согласный «в», оказавшись между гласными, вторая из которых узкая, как бы растворяется в ней, исчезая, а на месте комплексов

-аву- // *-әвү-* // *-авы-* произносятся дифтонги *-ау-*, *-әу-* или *-авы-*, которые чередуются, образуя произносительные варианты; напр.: *ауч* – *авуч* 'ладонь', *каун* – *кавун* 'дыня', *каурмах* – *кавурмах* 'жарить', *таух* – *тавух* 'курица', *чәурмах* – *чәвурмах* 'поворачивать (с дороги)', *авы* – *авы* 'медведь'.

Глухой ртовый губно-зубной щелевой согласный «ф» в языке турок-месхетинцев довольно редкий звук, представленный в незначительном количестве заимствованных слов в разных позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте; напр.: *фасил* 'пора, сезон' (*кыш фасли* 'зимняя пора'), *фишина* 'вишня', *кафа* 'голова', *түфөк* 'ружьё', *ишфа* 'исцеление', *сыфат* 'морда', *таифа* «поколение», *түфрук* 'слюна', *уфах* 'мелкий', *чифтәләмах* 'лягаться', *зайифланмах* 'худеть, тощать', *алаф* 'сено, корм', *зайиф* 'худой, тощий', *тәрәф* 'сторона', *күф* 'плесень'. (Этот согласный в анлаутной позиции в древнетюркском встречается лишь в заимствованных словах, в тюркских же словах только изредка в инлауте и ауслауте как вариант *v*; напр.: др.-тюрк. *sufsa-* 'нашёптывать', 'лечитьзаговором', *ef* 'дом' как вариант *ev*).

Звонкий носовой губно-губной смычный сонант «м» широко представлен в языке месхетинцев в разных позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте; напр.: *мал* «скот», *миџ* «мозг», *мух* «гвоздь», *махсус* «особый», *мэльзамэ* «продукт», *меме* // *мэмэ* «сосок вымени», *омуз* «предплечье», *билмах* «знать, ведать», *алмамиш* «не взял», *эм* // *эм* «соси», *ам* // *ав* «лом», *сагым* «удой». Этот звук часто встречается в составе показателей грамматических категорий: показатель принадлежности 1-го лица ед. ч. – *атым* «мой конь», *атымын* «моего коня (род. п.)»; личный показатель 1 л. ед. числа – *гедэжэм* «я уйду», *галурум* «я приду», *галдим* «я пришёл» и пр. (Сонант «м» достаточной частотный звук в любой позиции в древнетюркском языке: *таџит* «шаг», *саџит* «удой». *сабит* «моя речь», *барта* «не уходи», *бартиш* «ушедший»).

Переднеязычными смычными согласными являются «т», «д», «н». Глухой ртовый переднеязычный смычный согласный «т» в языке турок-месхетинцев часто встречается в разных позициях; напр.: *тамар* «жила, кровеносный сосуд», *тавланмиш* «упитанный», *типи* «метель», *тивтик* «пух», *тут* «лови; держи», *тут* «шелковица», *џатмах* «лежать; ложиться», *џутум* «глоток», *џумурта* «яйцо», *балта* «топор», *ат* «лошадь», *от* «трава», *эт* // *эт* «мясо», *ит* «собака», *џогурт* «йогурт, кефир», *кат* «слой», *дост* «друг», *нухут* «горох; соя»; *кайна* «кипи» – *кайнат* «кипяти», *корх* «бойся» – *корхут* «пугай», *ах* «теки» – *ахыт* «заставь течь»; *корхти* «испугался», *ахти* «тёк», *батти* «погрузился», *басти* «наступил (ногой)», *битти* «покрыл», *гетти* «ушёл». (В древнетюркском языке встречается в любой позиции; напр.: *таш* «камень», *тиш* «зуб», *тирät-* «заставить дрожать»).

Звонкий ртовый переднеязычный смычный согласный «д» – частотный звук в любых позициях: тур.-месх.: *даг* «гора», *диш* «зуб», *доли* «град», *домуз* «свинья», *дуге* «тёлка», *дэве* «верблюды», *дэри* «кожа», *дөрдүнчи* «четвёртый», *дэдэ* «дедушка», *адам* «мужчина», *дагда* «на горе», *дагдан* «с горы, от горы», *гейдурмах* «одевать», *йедурмах* «кормить», *џылдыз* // *џулдыз* «звезда», *калдик* «остаток», *кендир* «бечёвка», *кидик* «козлёнок», *сүдли* «молочный», *өгдэ* «впереди», *өрдэк* «утка», *өгрэдилмах* «быть обученным», *эридилмах* «быть растопленным, расплавленным», *зердэли* «абрикос», *бугдай* «пшеница», *пада* «стадо», *кудух* «колодец», *архадаш* «друг», *кардаш* «брат», *кэмэнд* «аркан, лассо», *налбанд* «кузнец», *буд* «бедро, ляжка». (По утверждению А.Н. Кононова [Кононов1980: 63] и по нашим наблюдениям, звонкий «д» почти не употребляется в анлауте собственно тюркских слов, его можно встретить лишь в единичных словах; напр.: *дау* «клеймо, тавро», *devä* «верблюды», *didäk* «покрывало невесты», в основном он встречается в анлауте заимствованных слов, в тюркских словах он обычен в позиции инлаута и ауслаута; напр.: *tüd-* «задерживать», *tidiy* «препятствие, помеха»).

Звонкий носовой переднеязычный смычный сонант «н» неплохо представлен в языке месхетинцев, правда, в анлауте он несколько ограничен, но в середине и в конце слова используется часто; напр.: *нал* «подкова», *нахыр* «стадо», *нахыш* «орнамент», *не* «что», *нэрсэ* «нечто», *нерэ* «куда», *нем* «солончак», *нохта* «недоуздок», *нишан* «печать», *ана* «мать», *алынмиш* «взятый», *алтындан* «из-под», *багинэн багланмиш* «привязанный ремнём», *ичиндэ* «внутри чего-либо», *атын* «коня», *малын* «скотский», *бэн* «я», *сон* «конец», *тосун* «бычок», *туран* «стоящий», *узун* «длинный», *учүн* «для, за». (Этот звук практически не встречается в анлауте собственно древнетюркских слов, это *неу* «вещь, нечто», *не-ни* «что?» и его производные, зато в арабских, персидских и согдийских заимствованиях в анлауте он употребляется часто; обычен в инлауте и ауслауте тюркских слов; напр.: *топшиқ* «бусы, ожерелье», *сен* «ты»).

Звонкий ртовый переднеязычный смычный боковой сонант «л» в языке месхетинцев в анлауте встречается только в нескольких словах: *лазым* ‘нужно’, *ляйляк* // *лягьяк* ‘аист’, *лобьяа* ‘фасоль’, *лазут* «кукуруза», *лахана* ‘капуста’, *лэзэат* ‘вкус’. В середине и в конце слов он достаточно активен: *ала* ‘пёстрый’, *алты* ‘шесть’, *алт* ‘нижний’, *алынмах* ‘быть взятым’, *атылмах* ‘прыгать, подпрыгивать’, *багламах* ‘связывать, привязывать’ (от *баг* ‘ремень’), *алмалар* ‘яблоки’, *алмали* ‘яблочный’, *чигелек* ‘клубника’, *чархала* ‘свёкла’, *кинкилэ* ‘комар’, *матлы* ‘червь’, *тилки* ‘лиса’, *бала* ‘ребёнок; детёныш’, *балали* ‘имеющий детей’, *таллалар* ‘поля’, *атлар* ‘лошади’, *атли* ‘имеющий лошадей’, *цынтал* ‘котёнок’, *мал* ‘скот’, *ал* ‘возьми’, *бил* ‘знай’, *кыл* ‘волос на теле’, *чучул* ‘цыплёнок’, *гүзэл* ‘красивый’. В середине слова встречается также палатализованный согласный «ль»; напр.: *мальзэмэ* ‘продукт’, *кальпэт* ‘кусачки, плоскогубцы’. (В древнетюркском языке встречается в анлауте заимствованных слов [Кононов 1980: 63], в ДТС зафиксированы буквально единицы таких лексем: *la* – модальная частица, *laçin* ‘кречет; сокол’, *layzin* ‘свинья’; этот звук характерен для инлаута и ауслуата древнетюркского языка).

К переднеязычным щелевым согласным относятся «с», «з», «ш», «р».

Глухой ртовый переднеязычный щелевой свистящий согласный «с» присутствует в любой позиции слова, но особенно активен в анлауте и в инлауте; напр.: *сагмах* ‘доить’, *сагым* ‘удой’, *сатылмах* ‘быть проданным’, *сол* ‘левый’, *су* ‘вода’, *саман* ‘солома’, *соган* ‘лук (овоц)’, *сармусах* ‘чеснок’, *сач* ‘волосы’, *сахал* ‘борода’, *синэк* ‘муха’, *сычан* ‘мышь’, *писик* ‘кошка’, *тосун* ‘бычок’, *тэбси* ‘стол на трёх ножках’, *хаста* ‘болезнь’, *инсан* ‘человек’, *эски* ‘старый, прежний’, *баласи* ‘её ребёнок’, *касаб* ‘мясник’, *кыса* ‘короткий’, *бас* ‘наступи (ногой)’, *кес* // *кэс* ‘режь’, *кумыс* ‘кумыс’, *мэхсус* ‘особый’, *өс* ‘расти’, *урус* ‘русский’. (Свистящий согласный «с» весьма распространённый звук в древнетюркском, встречающийся во всех позициях: *say-* ‘доить’, *saç* ‘волосы’, *küsä-* ‘желать’, *qisil* ‘ущелье, теснина’, *qas* ‘кора; кожа’, *kes* ‘режь’).

Звонкий ртовый переднеязычный щелевой согласный «з» в языке месхетинцев весьма активно употребляется в разных позициях; напр.: *зайифланмах* ‘худеть, тощать», *заман* ‘время’, *зера* ‘копчик’, *зердэли* ‘абрикос’, *лазут* ‘кукуруза’, *үзүм* «виноград», *савүзи* // *себзи* ‘морковь’, *кузу* // *кузи* ‘ягнёнок’, *тезек* ‘кизяк’, *гызе* ‘десна’, *казан* ‘котёл’, *аш-казан* ‘желудок’, *гөзгү* ‘зеркало’, *аз* ‘мало’, *карпуз* ‘арбуз’, *кираз* ‘черешня’, *жөвүз* ‘орех’, *топуз* ‘зубр’, *каз* ‘гусь’, *из* ‘след’, *үз* ‘лицо’, *гөз* ‘глаза’, *богүз* ‘глотка’, *диз* «колени», *доххүз* ‘девять’, *туз* ‘соль’. (В анлауте древнетюркских слов встречается главным образом в заимствованиях; в ДТС отмечен лишь в единичных случаях: *zäränzä bot.* ‘сафлор красильный’, *zap zap bar-* ‘быстро идти’; обычен в других позициях: *uzun* ‘длинный’, *qizil* ‘красный’, *qiz* ‘девушка; дочь’, *sekiz* ‘восемь’).

Глухой ртовый переднеязычный щелевой шипящий согласный «ш» в начале слова зафиксирован всего в десятке слов; напр.: *шират* ‘сыворотка’, *шишмах* ‘распухать’, *шишэк* ‘двухлетняя овца-ярка’, *шевтэли* ‘персик’, *шаран* ‘вино’, *шүша* ‘стекло’, *шарвал* ‘штаны». Гораздо чаще он представлен в середине и в конце слов: *баглашмах* ‘вместе связывать; помогать связывать’, *отурмиш* ‘сел’, *ашух* // *ашук* ‘лодыжка’, *аш-казан* ‘желудок’, *башлух* ‘рулевой, кормчий’, *бешинчи* ‘пятый’, *бишмиш* ‘сваренный’, *бишүрмах* ‘варить’, *бошатмах* ‘освободить’, *гүлэшмах* ‘бодаться’, *диши* ‘самка’, *йашамах* ‘жить’, *кишмиш* ‘изюм’, *архадаш* ‘товарищ’, *карындаш* ‘брат’, *йолдаш* ‘путник, спутник’, *аташ* ‘огонь’, *баш* ‘голова’, *беш* ‘пять’, *диш* ‘зуб’, *дөш* ‘грудина’, *котош* ‘початок кукурузы’. (По данным А.Н. Кононова, этот согласный встречается в анлауте только заимствован-

ных древнетюркских слов [Кононов1980: 63], правда, в ДТС зафиксировано несколько собственно тюркских слов с анлаутным «ǰ», напр.: *ǰa* – название пёстрой птицы, похожей на цаплю, *ǰatıǰa* – название съедобной травы, *ǰap ǰap jedi* ‘ел, чавкая’, *ǰaǰ* = ‘сбиваться с пути’, *ǰiǰ* ‘вертел; палочка, которой едят лапшу’ и т.п.; «ǰ» обычен в инлауте и ауслауте; напр.: *ıǰaǰ* ‘мелкий’, *baǰ* ‘голова’ и пр.).

Звонкий ртовый переднеязычный дрожащий щелевой согласный «p» в языке месхетинцев в анлауте употребляется в немногих словах иностранного происхождения; напр.: *рахатланмах* ‘выдерживаться (о коне перед скачками)’, ‘отдыхать’, *рахатлух* ‘выдерживание (коня перед скачками)’, ‘отдых’, *рәнк* ‘цвет, масть’, *рәнкли* ‘какого-либо цвета или масти»; в собственно тюркских словах он в начале слов не употребляется. Активен этот согласный в середине и в конце слов; напр.: *атлар* ‘кони’, *алдылар* ‘они взяли’, *галур* ‘он придёт’, ‘который обычно приходит’. В инлауте и ауслауте данный согласный употребляется без ограничений; напр.: *картоп* ‘картофель’, *карпуз* ‘арбуз’, *армут* ‘груша’, *эрүк* ‘урюк’, *кираз* ‘черешня’, *хурма* ‘хурма’, *кара-бибер* ‘чёрный перец’, *кара-курт* ‘паук’, *туришы* ‘малосольный’, *ары* ‘оса’, *куйрух* ‘хвост’, *өрдәк* ‘утка’, *карга* ‘ворона’, *орах* ‘серп’, *дәре* ‘река’, *тырнах* ‘ноготь’, *йүрәк* ‘сердце’, *дирген* ‘вилы’, *гөрүм* ‘золовка’, *арын* ‘лоб’, *бурун* ‘нос’, *ахор* ‘сарай (для скота)’, *хыйар* ‘огурец’, *нар* ‘гранат’, *шекер* ‘сахар’, *тавар* ‘овца’, *катыр* ‘мул’, *котур* ‘чесотка’, *кептәр* ‘голубь’. (В древнетюркском языке этот согласный в анлауте собственно тюркских слов не используется, употребляется лишь в середине и конце слов: *ара* ‘промежуток’, *бар* ‘есть, имеется’ [Кононова 1980: 63]).

К переднеязычным смычно-щелевым согласным в турецко-месхетинском языке относятся аффрикаты «ц», «ч», «ж».

Глухой ртовый переднеязычный свистящий смычно-щелевой согласный «ц» (в древнетюркском языке не отмечен) в языке турок-месхетинцев sporadически встречается только в начале и середине слов; напр.: *целпамах* ‘теребить (шерсть)’, *цынтал* ‘котёнок’, *цытард* ‘искра’, *куцы-куйрух* ‘короткохвостый’, *куцы* ‘заноза’, *пуцкунламах* ‘быть растрёпанным, взъерошенным’.

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный «ч» употребляется достаточно активно, особенно в начале и середине слов, встречается также и в конечной позиции: *чаг* ‘шампур’, *чайыр* ‘луг’, *чамуш* ‘буйвол’, *чечланмах* ‘расплетаться’, *чох* ‘очень’, *чөкәлүк* ‘творог’, *чырых* ‘рванный’, *чәвүрмах* ‘поворачивать (с дороги)’, *чигелек* ‘клубника’, *чийан* ‘скорпион’, *чанчүр* ‘дикая слива’, *чучул* ‘цыплёнок’, *ачылмах* ‘открываться’, *ачух* // *ачых* ‘открытый’, *башичи* ‘рулевой, кормчий’, *бичах* ‘нож’, *бичилмиш* ‘отрезанный’, *гөгәрчин* ‘горлица’, *гечүрмах* ‘перегонять (на другое место)’, *гечи* // *кечи* ‘домашняя коза’, *качмиш* ‘убежал’, *кәчә* ‘войлок’, *бочеча* ‘паутина’, *кач-кач* ‘сорока’, *ач* ‘открой’, *бич* ‘отрежь; коси (сено)’, *гуч* ‘сила’, *гөч* ‘кочуй’, *ич* ‘внутренности’, *ич* ‘пей’, *үч* ‘три’, *коч* ‘баран-производитель’, *авуч* ‘ладонь’. (В древнетюркском языке достаточно распространённый звук в любой позиции; напр.: *сәсәк* ‘цветок’, *күс* ‘сила’).

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный «ж» употребляется в анлауте и инлауте без ограничений, причём в начале слов не столь активно, в конце слов не зафиксирован. Исторически турецкий язык относится к йот-языкам, как и язык древних огузов, это их характерный классификационный признак анлаута, напр.: *йер* ‘земля’ вместо *жер* у кыпчаков или *сир* у чувашей или якутов, *чер* у тувинцев, поэтому аффриката *ж* используется в языке месхетинцев главным образом в заимствованных (арабских или персидских) словах, но есть и исключения: *жан* ‘душа’, *жанавар* ‘волк’, *жантамур* ‘артерия’, *жсамуш* ‘буйвол’, *жсейран* ‘джейран’, *жинжар* ‘крапива’, *жсөвүз* ‘орех’, *жсигер* ‘печень’, *ажырых от* ‘сорняк’, *ажика* ‘аджика’, *әнжүр* // *инжир* ‘инжир’, *карынжа* ‘муравей’, *бажи* ‘се-

стра, *сахдужџи* ‘дружок’ (на свадьбе), *бажанах* ‘свойки (мужья сестёр)’, *ачажсах* ‘ключи’, *бажа* ‘чердак’, *зенжир* ‘цепь’, *жуужук* ‘цыплёнок’, *галэжсах* ‘он обязательно придёт’. (Звук «ж» не характерен для тюркских рунических памятников; в ДТС отмечен главным образом в анлауте заимствованных слов).

Самым распространённым среднеязычным согласным является ртовый щелевой сонант «й», встречающийся в любой позиции, причём он характерен и для начала слова, поскольку язык месхетинцев, как уже говорилось выше, относится к йот-языкам: *йабанџи* ‘иноходец’, *йаван* ‘постный’, *йаз* ‘лето’, *йаг* ‘сало, твёрдый жир’, *йагмур* ‘дождь’, *йайла* ‘отгонное пастбище’, *йахын* ‘близкий’, *йем* ‘еда, корм’, *йешил* ‘зелёный’, *йил* ‘год’, *йох* ‘нет’, *йумурта* ‘яйцо’, *йылдыз* // *йулдуз* ‘звезда’, *айна* ‘зеркало’, *айах* ‘нога’, *хыйар* ‘огурец’, *кайнамах* ‘кипеть’, *йайлачи* ‘кочевник’, *каймах* ‘сметана’, *койун* ‘овца’, *су койулан чайыр* ‘заливной луг’, *мийд* ‘мозг’, *сейрэк* ‘редкий; жидкий’, *суйух* ‘жидкость’, *ай* ‘луна, месяц’, *бугдай* ‘пшеница’, *тай* ‘жеребёнок’, *инагэ танайи коймах* ‘подпускать телёнка к корове’ (от *тана* ‘телёнок’), *балайи йедурмах* ‘кормить ребёнка’, *чорбайи бишурмах* ‘варить суп’. (Этот согласный обычен для древнетюркского языка в любой позиции: *jel* ‘ветер’, *jer* ‘земля’, *ajdiŋ* ‘лунный свет’, *ajyir* ‘жеребец’, *ajaq* ‘чаша’, *aj* ‘месяц, луна’, *baj* ‘богатый’).

В группу заднеязычных согласных согласных турецко-месхетинского языка входят «к», «г», «з», «х».

Глухой ртовый заднеязычный смычный согласный «к» встречается в турецко-месхетинском языке как в собственно тюркских, так и в заимствованных мягкорядных и твёрдорядных словах в любой позиции; напр.: *кавун* ‘дыня’, *карпуз* ‘арбуз’, *кабах* ‘тыква’, *кара* ‘чёрный’, *каш* ‘брови’, *кол* ‘рука’, *кишмиш* ‘изюм’, *кинкилэ* ‘комар’, *көпүк* ‘пена’, *кули* // *гүли* ‘индюк’, *тикен* ‘колочка’, *чочка* // *чочха* ‘свинья, чушка’, *тилки* ‘лиса’, *эмах* ‘сажать (овощи)’, *сэку* ‘топчан’, *коко* ‘булочка’, *чэкүч* ‘молоток’, *икки* // *ики* ‘два’, *эрүк* // *эрук* ‘урюк; слива’, *хедик* ‘кукурузный початок’, *чигелек* ‘клубника’, *петек* ‘пчела’, *синэк* ‘муха’, *инэк* // *инэк* ‘корова’, *писик* ‘кошка’, *өрдэк* ‘утка’, *хотик* ‘ослёнок’, *кемелек* ‘лук для стрельбы’, *ок* // *ох* ‘стрела’, *жуужук* ‘цыплёнок’, *корхах* // *коркак* ‘пугливый’. Причём в твёрдорядных словах этот звук реализуется в отодвинутых назад оттенках, но это не настоящий *q* (к), ибо в истории турецко-месхетинского языка звук *q* (к) трансформировался в увулярный *x*, как это видно из сравнения с древнетюркским языком; напр.: тур.-месх. *йох* ‘нет’ < др.-тюрк. *joq*, тур.-месх. *йахын* ‘близкий’ < др.-тюрк. *jaqin*, тур.-месх. *ох* ‘пуля’, ‘стрела’ < др.-тюрк. *oq* ‘стрела’.

Звонкий ртовый заднеязычный смычный согласный «г» в языке турок-месхетинцев употребляется главным образом в позиции анлаута, инлаута, реже в ауслауте мягкорядных слов, напр.: *гей* ‘надень’, *гейим* ‘одежда’, *генди* ‘сам’, *геридэ* ‘позади’, *гет* ‘уходи’, *гечи* // *кечи* ‘домашняя коза’, *гөгэрчин* ‘голубь’, *гөз* ‘глаз, глаза’, *гүзүн* ‘осенью’, *гүн* ‘солнце’, ‘день’, *гөрүм* ‘золовка’, *гүч* ‘сила’, *гал* ‘приходи’, *гамук* ‘кость’, *дизгин* ‘поводья’, *чигелек* ‘клубника’, *игнэ* ‘игла, иголка’, *дүге* ‘тёлка’, *дирген* ‘вилы’, *йенге* ‘невестка’, *йенги* ‘новый’, *өгэ* ‘вперёд’, *өгдэ* ‘впереди’, *сингир* ‘сухожилие’, *чэнгэ* ‘челюсть’, *эгирмах* ‘прясть’, *билги* ‘знак’, *бөгүн* ‘сегодня’, *дөгүш* ‘битьё’, *дэгүл* ‘не (применное отрицание)’, *йүзгэр* ‘ветер’, *йеген* ‘племянник’, *леген* ‘тазик’, *гүгүм* ‘ковш’, *ленгер* ‘поднос’, *өг* ‘передний’, *иг* ‘веретено’, *гөг* ‘нёбо’, *гөзг* ‘грудь’, *гөбег* ‘пупок’. (Согласный «г» в языке тюркских рунических памятников в анлаутной позиции не встречается Кононов 1980: 63], хотя в ДТС приводится слово *gü* – утвердительная частица, зафиксированная в малой надписи Кюль-Тегина; согласный обычен в инлауте и ауслауте мягкорядных слов: *kögär* = ‘становиться си- ним’, *beg* ‘правитель, вождь, бек, князь’).

Звонкий носовой заднеязычный смычный согласный «ң» в месхетинцев вообще не употребляется. В тех случаях, где исторически в позиции инлаута и ауслаута был в тюркских словах «ң», здесь используется обычный «н»; напр.: др.-тюрк. *aiñ* – тур.-месх. *атын* ‘твой конь’, др.-тюрк. *jañaq* – тур.-месх. *йанах* ‘щека’, др.-тюрк. *jañi* – тур.-месх. *йенги* ‘новый’, др.-тюрк. *juñ // jüñ* ‘перо птицы; пух; хлопок’ – тур.-месх. *йүнк* ‘шерсть’.

В турецко-месхетинском языке имеется два увулярных согласных: «х» (глухой звук) и «г» (звонкий звук).

Глухой ртовый увулярный щелевой согласный «х» употребляется в основном в твёрдорядных словах в позиции анлаута; напр.: *хайван хавлыси* ‘скотный двор’, *хазыр* ‘готовый’, *хазырламах* ‘приготовить’, *харам* ‘запретный’, *хаста* ‘болезнь’, *хасылламах* ‘выделывать кожу’, *хала* ‘тётя (сестра матери)’, *хожа* ‘хозяин’, *хотик* ‘ослёнок’, *хыйар* ‘огурец’. В начале и середине мягкорядных слов в языке месхетинцев он встречается весьма редко; напр.: *хедик* ‘приготовленный початок кукурузы’, *хечө* ‘затылок’, *мэхэл* ‘пора, сезон’. Обычен в середине твёрдорядных слов: *ахор* ‘сарай’, *ахыл* ‘ум’, *ахыр* ‘конец’, *йахын* ‘близкий’, *лахана* ‘капуста’, *нахыр* ‘стадо’, *нухут // нохат* ‘горох; соя’, *чархала* ‘свёкла’, *отхана* ‘сеновал’, *танахана* ‘телятник’, *сахал* ‘борода’, *чухур* ‘яма’, *пеишун* ‘столик на трёх ножках’, *ахпун* ‘навоз’, *ихтийар* ‘пожилой’, *сахдужу* ‘дружка (на свадьбе)’, *арха* ‘спина’, *архадаш* ‘друг’, *дастархан* ‘скатерть’, *дохуз // доххуз* ‘девять’, *бахарын* ‘весной’, *вахыт* ‘время’, *йахмах* ‘жечь, сжигать’. Часто встречается в ауслауте твёрдорядных слов: *айах* ‘нога’, *куйрух* ‘хвост’, *кабах* ‘тыква’, *ох // ок* ‘пуля; стрела’, *тавух* ‘курица’, *саманлух* ‘сеновал’, *хожалух* ‘хозяйство’, *артух* ‘отходы’, *корхах* ‘пугливый’, *мух* ‘гвоздь’, *бах* ‘смотри’, *ахмах* ‘течь; вытекать’, *бахмах* ‘смотреть’, *йахмах* ‘жечь, сжигать’, *вермах* ‘давать’, *кесмах* ‘резать’, *гөрмах* ‘видеть’. Как уже отмечалось выше, в середине и конце слов «х» обычен на месте древнего увулярного смычного звука «q». (В языке тюркских рунических памятников этот звук вообще не встречается, в ДТС он фиксируется в анлауте заимствованных слов в более поздних памятниках главным образом на арабской графике и там же в некоторых тюркских словах вместо начального «q»; напр.: *çiž* у Махмуда Кашгарского вместо *qiz* ‘девушка; дочь’, *çišqa* вместо *qisqa* ‘короткий’ [ДТС: 637б]).

Звонкий ртовый увулярный согласный «г (ғ)» представлен только в щелевом варианте, причём встречается в начале (как вариант твёрдорядного «к», произносимого ближе к увулярному «қ»), в середине и конце слов. При этом в мягкорядных словах во всех позициях имеет заднеязычный вариант произношения, а в твёрдорядных – увулярный вариант в начале и середине слов. В конце же твёрдорядных слов произносится как заднеязычный вариант; напр.: *гули // күли* ‘индюк’, *газ // каз* ‘гусь’, *гызе* ‘десна’, *ага* ‘уважаемый старик’, *агач* ‘дерево’, *бага* ‘кормушка для скота’, *богуз* ‘глотка’, *буга* ‘бык’, *соган* ‘лук (овоц)’, *карга* ‘ворона’, *оглан* ‘парень’, *огул* ‘сын’, *эшэгин* – род. п. от *эшэк* ‘осёл’, *багырмах* ‘кричать’, *узага* ‘вдаль’, *бугдай* ‘пшеница’, *кабурга* ‘рёбра, ребро’, *айах билеги* ‘голень’, *кумган* ‘кувшин’, *йорган* ‘одеяло’, *каргыш* ‘проклятье’, *өгрэн* ‘учись’, *баг* ‘ремень’, ‘сад’, *даг* ‘гора’, *йаг* ‘сало, жир; масло’, *саг* ‘подои», *чаг* ‘шампур’. В середине слов «г», оказавшись между гласными, не исчезает в отличие от турецкого литературного и разговорного языков.

Как показал анализ звукового строя языка турок-месхетинцев, язык во многом унаследовал черты звукового строя древнетюркского языка, особенно в области вокализма, анализ выявил здесь никакого иноязычного влияния, никакой интерференции грузинского языка, вопреки ожиданиям некоторых специалистов. Система

консонантизма тоже сохраняет в общем черты древнего тюркского языка. Показателен начальный «*j* (*ü*)», характерный признак языка огузского типа. В то же время в инлауте тюркских слов в рунических памятниках, относимых обычно к языку древних огузов и уйгуров, употреблялся «*d* (*ð*)» – *adaq* ‘нога’ вместо *ajaq*, *adaq*, *azaq* ‘нога’ других тюркских языков, но в языках современных огузов, а также уйгуров – *ajaq* ‘нога’. Однако интересно, что «*d* (*ð*)» сохраняется в тур.-месх. *өрдәк*, ‘утка’ < др.-тюрк. *ördäk* // *ödiräk*; ср. тур. *ördek*, туркм. *ördek*, азерб. *ördäk* и тув. *өдүрек*, хак. *өзірек*, тат. *үйрәк* ‘утка’ (последние слова с метатезой). Современные огузские языки как классификационный признак имеют в большом количестве слов инициальные звонкие согласные «*d* (*ð*)» и «*g* (*ɟ*)», чего не было в памятниках древнетюркской письменности. Как и турецкий язык, месхетинско-турецкий утратил согласный «*ŋ*», заменив его обычным «*n*». В заметном количестве слов появилась аффриката «*ʃ*», а также несвойственная древнему тюркскому языку свистящая аффриката «*ç*».

Таким образом, по своим основным классификационным признакам язык месхетинцев относится к огузским языкам сельджукской подгруппы и близок к восточноанатолийским говорам турецкого языка [Грунина 2010: 397–406], во всяком случае имеет сходные черты. Месхетинцы так же говорят *айах* вместо тур. *ayak* ‘нога’, *йох* вместо *yok* ‘нет’, *кузи* вместо *kuzi* ‘ягнёнок’, *кар йағди* вместо *kar yağdı* ‘снег пошёл’ и т.п. Наличием согласных «*x*» и «*g*», гласного «*ə*» язык месхетинских турок несколько напоминает азербайджанский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика 1983 – Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Кононов 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–XIX вв. – Л., 1980.

Грунина 2010 – Грунина Э. А. Диалекты турецкого языка // Диалекты тюркских языков: Очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010.

Rassadin, Valentin I. The sound system of the language of the Meskhetian Turks

Summary. The article analyzes the phonology of Meskhetian Turkish – one of unstudied Turkic languages. The article is based on the linguistic material written down by the author in 2009–2010 from the native speakers of Meskhetian Turkish who lives in Kalmykia. Our research resulted in a detailed description of the Meskhetian Turkish vowel and consonant systems. Our distributional analysis is illustrated on a representative number of examples. We have also compared the Meskhetian Turkish and the Old Turkic sound systems in order to elicit ancient inherited features and Oghuz innovations in Meskhetian Turkish.

Key words: Meskhetian Turkish phonology, vocalism, consonantism, Oghuz innovation

**СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧАСТИЯ
С ПОКАЗАТЕЛЕМ -GAN В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ**

М.Э. Дубровина, г. Санкт-Петербург, Х.С. Мухитдинова, г. Ташкент

Резюме. Авторы на конкретном узбекском материале (используя также факты некоторых других тюркских языков) стремятся показать, что функциональные возможности формы *-gan* и аналогичных ей форм в других тюркских языках намного шире, чем у причастий русского языка. В результате авторы предлагают продолжить работу по поиску подходящего термина для таких форм тюркских языков.

Ключевые слова: узбекский язык, словоизменение, инфинитные формы, причастия, глагольно-именные формы, глагольные имена, функциональные формы глагола.

Несложно заметить, что многие термины, применяемые к различным грамматическим формам, существующим в тюркских языках, пришли в тюркологию из грамматической терминологии европейских языков, и прежде всего из русской грамматики. В результате, к морфологическим образованиям, лишь чем-то напоминающим явления русского или другого европейского языка, прилагается соответствующий привычный термин. Так произошло и с термином «причастие». В настоящей статье рассматривается традиционно именуемая «причастием» узбекская глагольная форма с показателем *-gan* и ее производные. Прежде всего необходимо выяснить основные функции этих форм как в узбекском, так и в некоторых других тюркских языках, потом перейти к осмыслению таких тюркских глагольных форм и с терминологической точки зрения.

Дело в том, что состояние современной тюркологической науки, бесспорно, требует от исследователя более последовательного отношения к терминам, которыми он оперирует. Сущность обозначенной проблемы заключается в том, что функции причастия, скажем, в русском языке и многих причастий в тюркских языках различны.

Тюркологи единодушно понимают под причастием специфическую глагольную форму, сочетающую в себе одновременно признаки глагола и признаки прилагательных. [см.: Рассадин 1978: 185; Хисамова 2006: 226.] Такое определение полностью соотносится с определением причастий, принятым среди русистов. По их мнению, «причастие это именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, проявляющийся во времени» [Ахманова 1966: 363; ср.: Виноградов 1947: 272.]

Обобщая имеющиеся толкования рассматриваемого термина, можно сделать вывод о том, что под «причастием» в современном языкознании (в частности и в тюркологии) принято понимать, во-первых, те формы, которые образованы от глагольных основ, во-вторых, формы, которые передают признак предмета, т.е. выступают в адъективной функции и в высказывании являются определением.

Кроме того, исследователи исходят из того, что в природе русских причастий строго заложено агентивное значение, т.е. грамматическим «агенсом» действия, выраженного причастием, является предмет, названный определяемым словом. Таким образом, связь между определением и определяемым осуществляется на основе залоговой семантики.

Как показывает фактический материал, приведенное толкование не совсем соответствует тому, что мы имеем, в частности, в узбекском языке. Во-первых, особенность формы *-gan* состоит в том, что она может быть определением при словах, называющих не только субъект и прямой объект, но и косвенный объект действия, а также время и место. На это обстоятельство указывал также С.Н. Иванов, когда исследовал схожие формы турецкого языка. Он пришел к выводу, что «определяемое при турецких причастиях может обозначать не только субъект или объект действия, выраженного причастием (как это имеет место в русском языке), но также место и время действия» [Иванов 1977: 35]. Все эти факты говорят о том, что отношения в определительном словосочетании устанавливаются на иной, чем залоговая, основе. В связи с этим можно утверждать, что агентивное значение у рассматриваемой формы узбекского языка, как и у многих других тюркских «причастий», явно отсутствует, что отличает последние от русских причастий. Отношения между действием и определяемым предметом могут быть самыми различными, а зачастую становятся известными только на основании всего контекста.

Во-вторых, как узбекская форма *-gan*, так и многие функционально тождественные формы других тюркских языков (например, тур. *-dik*, *-yacak*, якут. *-ap*, *-быт*) кроме адъективной функции, способны передавать «опредмеченное» действие, т.е. выполняют субстантивную функцию.

Таким образом получается что, причастиями называют все те глагольные формы тюркских языков, которые в речи способны употребляться в атрибутивной функции [Иванов 1977: 35; Андерхилл 1987: 325.], не обращая внимания на то, что функциональные возможности этих форм намного шире тех причастий, которые имеются в русском и других европейских языках. Возвращаясь к узбекскому языку, можно констатировать, что в этом языке имеется развитая система глагольных форм, которые тюркологи обычно называют причастными [см.: Насилов В. 1940: 129; Дыренкова 1940: 145; 1941: 124; Кононов 1960: 204; Баскаков, 1952: 423–424.]. Наиболее употребительной среди таких форм является форма с аффиксом *-gan*.

Одним из первых тюркологов, который тщательно изучил и описал эту форму, был С.Н. Иванов. [Иванов 1959.] Необходимо обратить внимание на то, что он не называл эту и другие формы причастиями, он отметил, что «форма на *-ган* по своим грамматическим особенностям чрезвычайно своеобразна и не имеет прямых соответствий в индоевропейских языках» [Иванов 1959: 3.]. Именно этим объяснял ученый наличие большого количества разногласий и противоречивых точек зрения на эту форму. Например, Н.К. Дмитриев, описывая форму *-ган* кумыкского и башкирского языков, колебался между терминами «причастие» и просто «форма на *-ган*». Разные взгляды связаны, несомненно, с тем разнообразием грамматических и синтаксических функций, которые имеет рассматриваемая форма.

В узбекском языке форма с аффиксом *-gan* в адъективной позиции указывает на признак, связанный с прошедшим действием (*kelgan mehmon* 'приходивший / пришедший гость'; *qo'rqqa odam* 'боявшийся человек'; *ekkan dehqon* 'засеявший [поле] земледелец'); её производная форма *-(a)yotgan* выражает

признак, реализующийся в настоящем, а форма *-y(a)digan* – в будущем времени. В последнем случае следует отметить, что в русском языке нет причастия, которое выражало бы будущее время. Данное значение передаётся, как известно, другими глагольными формами. Сравните перевод узбекских причастных словосочетаний на русский язык: *yoziladigan asarlar* ‘произведения, которые будут написаны’; *qilinmaydigan ishlar* ‘невыполнимые работы’ или ‘дела, которые не будут выполнены’. Наличие причастных форм со значением будущего времени – это явление, как известно, общетюркское; например: тур. *-yacak* (*kal-kacak tren* ‘поезд, который отправится’), якут. *-ыах* (*сиэх кииһи* ‘человек, который будет есть’).

Причастие *-gan* в узбекском языке является частотной функциональной формой и, как было отмечено, может употребляться как в *атрибутивной* функции, так и в *субстантивной*. Говоря о последней, некоторые тюркологи полагают, что в этом случае мы имеем дело с субстантивированным причастием [Баскаков 1952: 423], другие убеждены, что в субстантивной функции форма *-gan* ведет себя как имя действия, масдар [Ушаков 1956: 18.]. Здесь важно видеть разницу между явлением *окказиональной субстантивации* и *субстантивным использованием* рассматриваемой глагольной формы. При *окказиональной субстантивации* форма *-gan* в определенном контексте начинает называть предмет, тем или иным образом связанный с представленным в виде признака действием. В данном случае эта форма не становится именем существительным, но ведет себя в контексте как имя существительное, *окказионально* (т.е. только на момент высказывания) выражая информацию о предмете как носителе признака. В русском языке также отмечается субстантивация причастия, когда оно выступает в функции имени существительного; например: *Говорящие вдруг умолкли*.

Когда же речь идет о субстантивном использовании формы *-gan*, то в этом случае форма сигнализирует о *факте* совершения действия, а не о предмете, наделенном признаком, который возникает в результате исходного действия. В русском языке в аналогичных ситуациях обычно используется оборот «то, что кто-то сделал»; например: *я знаю о том, что ты натворил; я уверен в том, что ты не расквашешься*. Но особенность рассматриваемых тюркских форм заключается в том, что они не являются и чистыми именами действия, как полагают некоторые исследователи [Ушаков 1956: 18.], поскольку в этом случае игнорируется выполняемая ими адъективная функция. Необходимо осознать, что тюркские формы являются *двухфункциональными*: они выступают как в роли глагольных атрибутивов, так и в роли глагольных субстантивов. При этом обе функции, по всей видимости, наличествуют в качестве равноправных с функциональной точки зрения.

Действительно, в узбекском языке все формы с аффиксом *-gan* могут *окказионально субстантивироваться* и принимать аффиксы множественности, падежа и принадлежности, при этом они свободно выполняют синтаксические функции имени существительного.

1. Функция подлежащего:

Cho'kayotgan cho'pga yopishar ‘Утопающий держится за соринку’;
Aytganing – kumush, aytmaganing oltin ‘Сказанное – серебро, не сказанное – золото’.

В развёрнутых оборотах:

Ikki kemaning boshini ushlagan suvga g'arq bo'lar. 'Тот, который держится за две лодки, утонет'; *Yoridan ayrilgan yetti yil yig'lar, elidan ayrilgan o'lguncha yig'lar* 'Тот, который остался без возлюбленной, будет оплакивать [горе] до семи лет; тот, кто остался без родины, будет плакать до самой смерти'.

2. Функция дополнения –

а) функция прямого дополнения:

Elini hurmat qilganni el ham izzat qiladi 'Народ обожает того, кто уважает (уважающего) свой народ'; *Zahmat bilan topganingni o'zingdan ayama, mehnat bilan yiqqaningni boshqalar uchun asrama* 'Найденного с трудом не жалея для себя, собранного с трудом не сохраняя для чужих';

б) функция косвенного дополнения:

Gapni gapir uqqanga, jonni jonga suqqanga 'Говори понимающему тебя и сердечно тебя слушающему (тому, кто понимает, и тому, кто тебя сердечно слушает)'; *Qo'rqqanga qo'sha ko'rinar* 'Тому, кто боится, всё вдвойне видется'; *Dalada ishlayotganlarga issiq ovqat, choy tashidi* 'Он доставлял работающим на поле горячую пищу, чай'.

3. Функция определения:

Umrida hech gul ko'rmay yig'lab o'tganlarning haqqi ham senda, /

Har bahorni yig'lab qarshilab ketganlarning haqqi ham senda

(Н.Олимжон) 'Ты в долгу перед теми, которые, рыдая, перешли (в мир иной), ни разу в своей жизни не увидев цветов. / Ты в долгу и перед теми, которые ушли из жизни, встречая со слезами каждую Весну'; *So'rashayotganlarning fe'l-atvori, tarbiyaviy darajasi, ichki kechinmalari u bilan ko'rishuvchiga shundoqqina bilinib turadi.* 'Характер, уровень воспитания, внутренние переживания тех, кто общается, будут только так (таким образом) известны тому, кто встречается с ними'.

Однако, как было сказано выше, рассматриваемые формы в узбекском языке (и также в других тюркских языках) способны употребляться в *субстантивной* функции, т.е. представлять действие в некоем предметном образе. В этом случае носитель языка уже отходит от собственно причастного использования этих форм, он с помощью этих форм сообщает о факте совершения действия: *Jahon iqtisodi va diplomatiya universiteti qayerda joylashganini aytib berolmaysizmi?* 'Вы не можете сказать мне, где находится университет Мировой экономики и дипломатии?' В этом примере словоформа *joylashganini* употребляется не как субстантивированное причастие «находящийся», а как глагольное имя «опредмеченного» действия, близкого к русскому отглагольному существительному «нахождение». Именно наличие такой субстантивной функции отличает тюркские «причастия» от индоевропейских, в частности от русских.

В узбекском языке формы с показателем *-gan* в таком субстантивном, но не в субстантивированном виде ведут себя в высказываниях как имена существительные: они способны выступать в тех же синтаксических функциях, что и существительные и принимать аффиксы принадлежности и падежей. Надо отметить, что то же показывает сравнение с другими тюркскими языками; например: тур. *Onun da benden memnun olduğunu hissediyorum* 'Я чувствовал, что он тоже доволен (букв. его «бытие довольным») мной'; ...*annemle gitmediğine pişman oldum* 'Я раскаялась, что не пошла (букв. в своем «нехождении»)с матерью'; якут. *Уйбаан сылдыбытын кини кээпсээбэтэх* 'Он не рассказывал о том, что было с Иваном'; *Кыыспын кытта көрсүбэтэхпиттэн* (отриц. ф. *-быт*)

олус хомойобун Я очень огорчаюсь от того, что не встретился со своей дочерью [Грамм. якут. 1982: 231–232].

В узбекском языке исследуемая форма в высказывании может выступать в функции косвенного дополнения: *Vuyruqlarning ko'pini xizmatkorlar Yormatning o'zi to'qiganiga ishonardilar* (Oybek) 'Рабочие были уверены, что большинство распоряжений выдумал (букв. уверены в выдумывании) сам Ярмат'; *Kolxozchilar Olimjonning cho'kich bilan tosh teshigini tozalayotganiga tikilib turishdi* 'Колхозники внимательно смотрели, как Алимджан расчищал киркой отверстие в камне (букв. на расчищение отверстия в камне)'; *Sizni uchrata olganimdan juda xursandman* 'Я очень рад, что успел вас встретить' (словоформа *uchrata olganim-dan* скорее соотносится с русским существительным *встреча*, а точнее с оборотом типа «от своего встречания», «от того, что я встретил»); *Jalolov, kolxozchilar ichida unga ishonchsizlik bildirayotganidan jahli chiqqan boshladi* 'Джалалов начал сердиться на то, что колхозники между собой выражали ему недоверие (букв. от сообщения; от того, что они сообщали)'; *Ba'zi qizlar nikoh vaqtida uning shoshganligidan kulishgan ekan* 'Некоторые девушки, оказывается, смеялись во время свадьбы над тем, что она поспешила'.

Форма *-gan* именно в субстантивном использовании, а не в субстантивированном, как нередко полагают, способна выражать различные обстоятельства; например –

а) обстоятельство времени:

U ishlaganida ham, yurganida ham doim xayol surardi 'Он и когда работал, и когда ходил, всегда мечтал о чём-то'; *Bu joylarni quyosh chiqqanda ko'ring!* 'Повидайте эти места тогда, когда восходит солнце!'; *Tong otmasdan yo'lga tushamiz* 'Мы отправимся в путь на заре (букв. пока не наступил рассвет)'; *Kelayotganimda sinfdoshimni uchratdim* 'По дороге (букв. когда я шел сюда) я встретил одноклассника'; *Tarix muzeyiga borganimda ko'rganlarimdan esda qolganlarini gapirib berdim*. 'Я рассказал (всё) то, что я запомнил (букв. что осталось в памяти) из увиденного мною в музее истории (букв. когда я ходил в музей истории)'.

Надо отметить, что в обстоятельственном значении помимо падежных конструкций активно употребляются и послеложные конструкции, образованные на базе формы *-gan*: *Muloyim qo'llarda ivib, suvga aylangandan keyin go'zal qizlarning supasiga yonboshlashni buncha yaxshi ko'rar ekan bu ko'kat!* (Oybek) 'Как, оказывается, любит эта трава, после того как размокнет и превратится в сок в нежных руках, ложиться на густые брови красавиц девушек!'

б) функция обстоятельства причины:

Bezovta qilganim uchun kechirasiz. (So'zl.) 'Извините за беспокойстве'. *Kelganingdan (Kelganing uchun) xursandman.* (So'zl.) 'Рад [из-за того], что пришел'. *Xotini bu muqaddimani hazil gumon qilganligi uchun qiyqirib chapak chaldi.* (A.Qahhor. "Notiq"). 'Поскольку его жена заподозрила, что эти вступительные слова являются шуткой, криком аплодировала'. *Traktorchi tanqid qilganiga san'atkor asti chiday olmas edi.* (A. Qahhor. "San'atkor"). 'Артист никак не [мог] смириться [из-за того], что его критиковал тракторист'.

в) функция обстоятельства сравнения:

Zal suv quygandek jim-jit edi 'В зале было тихо, как водой полито'; *Uning qora zulfi par yostiqlarning turli tomoniga tartibsiz suratda to'zg'ib, quyuq jingila kiprik ostidagi tim qora ko'zlari bir nuqtaga tikilgan-da, nimadir bir narsani ko'rgan kabi... Qop-qora kamon, o'tib ketgan nafis, qiyiq qoshlari chimirilgan-da, nimadir bir narsadan cho'chigan kabi... To'lgan oydek g'uborsiz oq yuzi bir oz qizillikka*

aylangan-da, kimdandir uyalgan kabi...(A.Qodiriy) ‘Её чёрные локоны разбросаны в разные стороны пуховой подушки беспорядочно, чёрные как ночь глаза под густыми пушистыми ресницами глядят в одну точку, будто увидели что-то... Тёмно-чёрные, совсем тонкие, изогнутые дугой брови чуть-чуть нахмурены, будто побаиваются чего-то... Чистое и белое, как полная луна, лицо чуть-чуть покраснело, будто стесняется кого-то...’

Случаи употребления форм с показателем *-gan* в функции обстоятельства места в современном узбекском языке зарегистрировать не удалось.

Указанные выше функции присущи также и многим другим тюркским языкам. Например, функционально близкие формы турецкого языка — форма *-dik* и форма *-yacak*, также становятся базой для образования различных обстоятельственных форм и конструкций [см. подробно: Кононов 1956: 446–452].

Таким образом, на основании материала узбекского языка становится понятным, что использование термина «причастие», по крайней мере, для таких глагольных форм, как форма *-gan* не совсем корректно, так как этот термин не раскрывает их грамматической природы и не отображает всего функционального многообразия, которое свойственно исследуемым формам.

Среди современных исследователей нередко можно услышать, что термин это всего лишь «название», а определение и наполнение его может быть разным в зависимости от различий в конкретных языках. Поэтому нередко в трудах тюркологов можно видеть, что исследователь использует термин, а затем дает ему определение, соответствующее функциям описываемых им конкретных форм конкретного языка. На наш взгляд, однако, важность любого термина заключается в том, чтобы он, во-первых, правильно описывал сущность и функции языкового явления, а во-вторых, стремился к некоей универсальности и понятности для исследователей любых языков.

Исходя из всего сказанного выше предлагается обозначать глагольные формы типа узбекской формы *-gan* термином «субстантивно-адъективная форма», сокращением которой является аббревиатура САФ. Этот термин обоснован и уже широко используется некоторыми тюркологами [Гузев 1990: 122–126; Дениз-Йылмаз 2006: 61–80], поскольку он отражает как семантические свойства рассматриваемых глагольных форм (представление действия как в образе предмета, так и в образе признака), так и их синтаксические особенности (способность выступать в высказывании как в функции подлежащего или дополнения, так и в функции определения).

ЛИТЕРАТУРА

Андерхилл Р. Причастия в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. – М.: Прогресс, 1987.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык II. Фонетика и морфология. Часть I (части речи и словообразование). – М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М; Л.: Учпедгиз, 1947.

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982.

Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. – СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2006.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М.; Л., 1940.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.; Л., 1941.

Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола / Уч. пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975, 1977.

Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-gan* и ее производные). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978.

Ушаков Е.И. Синтаксические функции формы на *-gan* в современной уйгурском языке (на материале языка уйгуров, живущих в Синьцзяне) / Автореф. дисс... канд. н. – М., 1956.

Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. – Казан. 2006.

Dubrovina, Margarita.E., Muhitdinova, Hadicha S. Typological analysis of the participle *-gan* in the Uzbek language.

Summary. Analyzing the Uzbek participle *-gan* in a Turkic comparative perspective we tend to show that the functionality of this Uzbek form (and that of the analogous forms in other Turkic languages) is much wider than that of Russian participles. The authors propose to continue working on establishing an appropriate term for these Turkic forms.

Key words: grammar of Turkic languages, inflection, the Uzbek language, participle, verbal nominal forms, infinitive forms, functional forms of the verb

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КОРПУСА
ХАКАССКОГО ЯЗЫКА**

А.В. Шеймович, г. Москва

Резюме. В статье освещается ход работы по созданию корпуса текстов хакасского языка и снабжения его научным аппаратом, а именно – инструментами морфологического анализа. Эта работа ведется в рамках масштабного проекта по созданию корпусных ресурсов языков народов России, в частности корпусов на малых тюркских языках РФ¹, к которым и относится хакасский язык.

Ключевые слова: корпус, корпусная лингвистика, аннотирование корпуса, морфологическое аннотирование, морфологическая разметка, морфологический анализатор.

1.0. О проекте создания хакасского корпуса

Корпусная лингвистика – одно из наиболее перспективных направлений в современной прикладной лингвистике. Оно основано на использовании языковых электронных корпусов и корпусных технологий. Корпус языка – это собрание в электронной форме текстов на данном языке, специально отобранных составителями так, чтобы создать представительную выборку текстов различных жанров и направлений. Языковой материал, организованный в виде корпуса, позволяет максимально быстро получить ответы на вопросы, требующие обработки значительных массивов текстов, ускорить эту обработку и многократно повысить эффективность исследования. Он позволяет решать такие задачи, которые в прошлом лингвисты практически не ставили в силу их трудоемкости или невыполнимости. Это различные виды количественных исследований или, например, задачи, связанные с диахроническим исследованием языка. В идеале корпус языка – это собрание не только текстов, но и звучащей речи: это могут быть полевые записи диалектов, аудио- и видеоматериалы (фольклор, записи лекций, теле- и радиопередач). Например, в корпусе может быть представлен не только текст героического сказания, но и его звучащая запись в аутентичном исполнении.

Хакасский корпус, как и большинство корпусов проекта, создается впервые, до сих пор хакасский язык никакого электронного фонда не имел, поэтому сейчас еще нельзя говорить о широком охвате текстов на этом языке. Материалом для корпуса пока служат литературные тексты художественного жанра,

---

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН «Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» (направление – создание и размещение в интернете корпусов текстов на тюркских языках России, разработка корпусных технологий).

оцифрованные и приведенные к стандартному формату: героическое сказание «Алтын Тайчы», героические эпосы «Ай-Хуучин», «Алтын Арыҕ», богатырское сказание «Ах Чибек Арыҕ»; хакасские народные сказки и легенды, пословицы и поговорки; повести, рассказы, пьесы и стихи хакасских писателей и поэтов А. Халларова, В. Кобякова, В. Татарова, В. Майнашева, В.Г. Шулбаевой, Г. Кичеева, М. Баинова и др.; газета «Хакас чирі» («Хакасская земля»).

В распоряжении составителей корпуса есть также оцифрованная версия Большого хакасско-русского словаря на 22 тыс. слов под ред. О.В. Субраковой.

1.1. Что такое морфологическая разметка корпуса

Параллельно с построением корпуса начата работа по созданию морфологического анализатора (или парсера) для хакасского языка. Эта работа также является частью более масштабной задачи. Как известно, эффективным рабочим инструментом корпус может являться только при условии его лингвистического аннотирования (то есть в нем должны быть указаны морфологические, синтаксические, семантические и иные свойства сегментов текста). Мы начинаем свою работу с морфологического аннотирования (разметки). Такая разметка позволит быстро находить в корпусе материал, удовлетворяющий запросу пользователя. Например, можно будет автоматически определить принадлежность словоформы к той или иной лексеме, понять, с каким множеством основ употребляется тот или иной аффикс. Подобная информация может пригодиться для решения широкого круга вопросов, выходящих за рамки грамматики. В перспективе перед нами стоит задача создания универсального морфологического анализатора для тюркских языков. Поэтому создание морфологического анализатора для хакасского можно рассматривать как первый шаг на пути к ее выполнению.

Морфологическая разметка текста состоит в выделении словоформ и в приписывании каждой из них информации об исходной форме слова и о совокупности ее грамматических признаков.

Морфологическая информация, приписываемая словоформе, состоит из следующих групп помет:

1. Основа, которой принадлежит словоформа (указывается «словарный вид» лексемы);
2. Принадлежность лексемы к той или иной части речи;
3. Множество грамматических признаков данной словоформы, или словоизменительные характеристики (напр., падеж существительного, время глагола) [см.: Ляшевская и др. 2005: 114].

Морфологическая разметка содержит информацию о словоизменительных, но не о словообразовательных признаках лексемы. Иначе говоря, программа-парсер будет вычленять в слове лишь те аффиксы, которые имеют грамматическое значение (падеж, лицо, число, время, наклонение, принадлежность и т.п.) и пренебрегать теми, которые выполняют деривационную и семантическую функцию. Например, в слове *палыхчыларыбыстың* 'наших рыбаков' словообразовательным является афф. *-чы* (показатель деятеля), он рассматривается как часть основы и не учитывается при морфологическом анализе. Парсер проанализирует слово как

палыхчы-лар-ыбыс-тың

рыбак – афф. мн.ч. – афф. принадл. 1л. мн.ч.-афф. род.п.

1.2. Характеристики языка, релевантные для морфологической разметки

Особенности морфологической разметки вытекают из характеристик языка. Типологически хакасский язык принадлежит к языкам агглютинативного типа, т.е. обладает признаками, которые кажутся весьма привлекательными для разработчика морфологического анализатора (особенно в сравнении с языками флективного типа). Вот основные из них:

1) развитая система словоизменяющих аффиксов, большинство из которых грамматически однозначны, т.е. одним аффиксом выражается один грамматический признак. Случаи совмещения в одном аффиксе двух значений отсутствуют, однако наблюдается незначительная грамматическая омонимия (см. ниже);

2) единый тип склонения и спряжения – в отличие от флективных языков типа русского и других европейских, где слова, принадлежащие к одной части речи, изменяются весьма различными способами. Например, при создании французского spellera было выделено более 200 словоизменяющих классов глаголов в рамках трех групп, фиксируемых традиционной французской грамматикой;

3) отсутствие значимых чередований в основах, четкая фонетическая обусловленность использования алломорфов.

Иначе говоря, к основе в строгом порядке присоединяются однозначные стандартные аффиксы, границы морфем отчетливы, фонетические изменения на стыках морфем подчиняются строгим правилам. Однако вышеперечисленные «конструктивные достоинства» агглютинативного языка компенсируются количеством упомянутых межморфемных сандхи (фонетических изменений на стыках морфем), о которых речь пойдет чуть ниже, а «развитая система словоизменяющих аффиксов» и их грамматическая однозначность приводят к тому, что, например, парадигма имени состоит более чем из 600 мест. Конечно, не все формы употребительны, не все реализуются с одинаковой частотой (частотных – не более 100 для имен существительных), но это – разрешенные для данного языка цепочки морфем, которые автоматический анализатор обязан учитывать.

2.0. Этапы создания морфологического анализатора

2.1. Построение словаря морфем

Для построения морфологического анализатора требуется провести инвентаризацию всех словоизменяющих морфем языка. Совокупность аффиксов, выражающих все грамматические категории, существующие в языке, составит инвентарь (словарь) морфем. Список морфем извлекается вручную из грамматики языка. Каждому аффиксу в словаре должно быть приписано свое грамматическое значение (напр., *-лар* – афф. мн. числа, *-да* – афф. местного падежа, *-бын* – афф. 1л. ед. числа ...) и отмечено, с каким типом основ и других аффиксов сочетается данный аффикс.

Корпус словоизменяющих аффиксов, выделенных на текущем этапе работы, см. в Приложении (с. 57–61).

2.2. Построение словаря основ

В соответствии словарю морфем ставится словарь основ, в котором будут содержаться полнзначные слова (основы) в начальной (словарной) форме – леммы. Словарь основ автоматическим образом извлекается из Большого хакасско-русского словаря (Новосибирск, «Наука», 2006) с использованием технологий системы управления базами данных StarLing. Импорт текстового файла словаря в StarLing и поэтапное создание на его основе многоуровневой лексико-грамматической базы данных описаны в работе С.А.Крылова «Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии» в разделе «Преобразование текста в стандартно организованную базу данных» [Крылов 2008: 649–650]. С использованием технологий той же системы StarLing планируется конвертировать в базу данных и инвентарь морфем хакасского языка [Крылов 2008, с. 650].

2.3. Операции над словарями основ и морфем

Построение морфологического анализатора сводится к следующим формальным операциям над словарями основ и морфем:

2.3.1. Выделение в «словаре основ» частей речи в соответствии с типами словоизменения

Согласно сложившейся в тюркологии грамматической традиции мы (вслед за Н.А.Баскаковым [Хакасско-русский словарь, 1953]) выделяем в хакасском языке три части речи: имена, глаголы и незначаменные части речи (частицы, послелого, союзы и т.п.).

Все части речи (за исключением незначаменных, являющихся неизменяемыми) характеризуются набором грамматических признаков, каждый из которых выражается определенными формальными показателями (аффиксами). Совокупность этих показателей определяет тип словоизменения и словоизменительный класс данной части речи². Например, для хакасского глагола грамматические признаки – это лицо, число, наклонение, время и т.п.; для имени – число, принадлежность, падеж, лицо. Конечно, это не значит, что в хакасском совершенно отсутствует общепринятое деление имени на более мелкие разряды: существительное, прилагательное, наречие (которое Н.А.Баскаков причисляет к разрядам имени), числительное, местоимение. Однако дифференциация между именными разрядами выражена слабо, особенно между существительными, прилагательными и наречиями: одно и то же слово может трактоваться как существительное, прилагательное или наречие в зависимости от синтаксической функции, выполняемой им в предложении: существительное может выступать в роли определения: *тас тура* ‘каменный дом’; прилагательное может выполнять в предложении любую функцию: *кічглер ойнапчалар* ‘маленькие (мальши, дети) играют’; многие наречия являются застывшими падежными формами имен (*таңда* ‘завтра’ – местный п. от *таң* ‘заря, рассвет’); числительное, приняв субстантивный словообразовательный аффикс, становится существительным, либо, присоединив атрибутивный аффикс, – прилагательным: *үс* ‘три’ – *үзöлең* ‘трое’ – *үзінчі* ‘третий’. Главным же с точки зрения автоматиче-

² Как уже было сказано выше, для агглютинативных языков каждой части речи (и соответствующему ей типу словоизменения) в большинстве случаев соответствует лишь один словоизменительный класс.

ского морфоанализа является то, что при таком переходе слов из разряда в разряд они сохраняют единый тип склонения, что дает формальное основание морфологическому парсеру считать их принадлежащими к одному словоизменительному типу и к одной части речи.

2.3.2. Классификация именных и глагольных основ из «словаря основ» в соответствии с их фонетическими характеристиками, которые определяют фонетический облик следующих за основами словоизменительных аффиксов³.

Основные фонетические закономерности

Важной фонетической закономерностью хакасского языка, отражающейся на нашей работе, является закон сингармонизма, действующий в большинстве агглютинативных языков. Этот закон заключается в уподоблении гласных (а иногда согласных) в рамках одного слова по одному или нескольким фонетическим признакам, таким, как ряд, подъём или огубленность. Сингармонизм по ряду и огубленности характерен для вокализма большинства тюркских языков.

В хакасском языке сингармонизм проявляется в том, что все гласные слова уподоблены по ряду гласному первого слога основы и могут быть либо заднеязычными (*a, ы, y, o*), например: *харах-тар-ыбыс-та* ‘в наших глазах’, либо переднеязычными (*i(u), e, y̆, ö*) *кирек-тен-деңер* ‘по делам’. Гласные основы оказывают влияние и на качество согласных в слове (более переднюю или более заднюю их артикуляцию). Например, в хакасских словах согласные *x, z* употребляются только с задними гласными (*хыр* ‘крыша’, *торгы* ‘шёлк’), а согласные *k, z* – только с передними (*күн* ‘день’, *тиги* ‘тот’).

В хакасском присутствует также сингармонизм по признаку огубленности, заключающийся в том, что гласные в слове могут быть либо губными (*y, y̆, o, ö*), либо негубными (*a, e, ы, i (u)*). Однако эта закономерность в хакасском проводится непоследовательно и распространяется только на основу слова и то лишь по линии узких гласных, не затрагивая аффиксы (*пулуң* ‘угол’ – *пулуңы* (вин. п.); *хузурух* ‘хвост’ – *хузурухты* (вин.п.)), а потому губной сингармонизм нерелевантен для выделения типов основ, диктующих выбор фонетических вариантов словоизменительных морфем.

Кроме сингармонизма в языке имеется еще ряд фонетических закономерностей, релевантных для морфологического анализатора. К ним относятся:

1) Выпадение узких гласных (*i, u, ы, y, y̆*) в позиции перед согласным *n* после присоединения аффикса на гласные *ы, i*, например: *пурун* ‘нос’ – *пурны* < *пуруны* ‘его нос’;

2) Выпадение в интервокальной позиции конечного *z, z* основы перед гласным словоизменительного аффикса принадлежности, например: *суз* ‘вода’ – *суу* (< *сузу*) ‘его вода’; *көг* ‘песня’ – *көд* ‘его песня’ (< *көги*);

3) Выпадение начального *z, z* аффикса после основы на *-z, -z, -ң*: *көг* ‘песня’ – *көг-е* ‘песне’ (< *көг-ze*); *суз* ‘вода’ – *суз-а* ‘воде’ (< *суз-za*); *таң* ‘заря’ – *таңа* ‘заре’ (< *таң-za*);

4) Ассимиляция согласных, как в основах, так и в аффиксах (после глухих – глухие, после звонких – звонкие):

³ Необходимо оговориться, что здесь мы рассматриваем только те фонетические закономерности, которые проявляются орфографически, т.к. морфологический анализатор работает только с письменными текстами.

а) прогрессивная ассимиляция (уподобление последующего согласного предыдущим) ярко проявляется в вариативности звуков *л/н/т* в аффиксах мн.ч.:

- после основ на гласные (*а, ы, и, е, о, у, ö, ү*) и на звонкие согласные *-г, -з, -й, -л, -р* употребляется афф. мн.ч. *-лар/-лер* (*таг-лар, кизи-лер*);
- после хакасских основ на глухие (*-т, -с, -х, -к* и т.д.) и заимствованных из русского языка основ на звонкие (*-б, -в, -г, -д, -ж, -з*) употребляется афф. мн.ч. *-тар/-тер* (*ат-тар, хус-тар, завод-тар*);
- после основ на сонорные *-м, -н, -ң* употребляется афф. мн.ч. *-нар/-нер* (*хум-нар, күн-нер*);

б) к явлениям регрессивной ассимиляции относится озвончение глухих согласных *к, т, с, п, х* в интервокальной позиции на границе основы и аффикса, например: *ат* 'имя' – *ады* 'его имя'; *сас* 'волос' – *сазым* 'мой волос'; *тап* 'находить' – *табыл-* 'быть найденным; найтись'.

Примеры выделенных типов основ

В соответствии с вышеперечисленными фонетическими закономерностями были выделены несколько типов основ, сочетающихся с различными фонетическими вариантами словоизменительных аффиксов. Вначале основы были разделены по сингармоническому принципу на две группы: заднерядные и переднерядные; затем основы, входящие в каждую из этих групп были классифицированы по типу конечного звука – гласного или согласного, требующего после себя различного звукового оформления всей цепочки словоизменительных аффиксов.

1. *Основы, заканчивающиеся на заднерядные гласные и сочетания «заднерядный гласный + разные типы согласных»*

- 1.0. Основы на заднерядный гласный (Vback) *а, ы, о, у* (*тура*);
- 1.1. Основы на заднерядный гласный + носовой *м, н* (Vback + *м, н*) (*чон*) + чередование в основе, т.н. беглый гласный, напр. *мойын/мойн-*;
- 1.2. Основы на заднерядный гласный + носовой *ң* (Vback + *ң*) (*таң*);
- 1.3. Основы на заднерядный гласный + сонант *р, л, й* (Vback + *р, л, й*) (*чар, хол, тахнай*);
- 1.4. Основы на заднерядный гласный + *з* (Vback + *з*) (*суз*) + чередование в основе, напр. *суз/су* интервокальной позиции;
- 1.5. Основы на заднерядный гласный + глухой *т, п, х, ш, с, ф, ч, ц* [либо оглушающийся *б, в, г, д, ж, з* русских заимствований] (Vback + *т, п, х, ш, с, ф, ч, ц*) (*ат, харах, колхоз*) + чередование в основе – озвончение глухих в интервокальной позиции: *п/б, с/з, х/г, т/д* в случае начального гласного аффикса.

2. *Основы на переднерядные гласные и сочетания «переднерядный гласный + разные типы согласных»*

- 2.0. Основы на переднерядный гласный (Vfront) *е, и, ö, ү* (*тöгө*);
- 2.1. Основы на переднерядный гласный + носовой *м, н* (Vfront + *м, н*) (*күн, килин*) + чередование в основе, т.н. беглый гласный, напр. *килин/килн-*;
- 2.2. Основы на переднерядный гласный + носовой *ң* (Vfront + *ң*) (*тöң*);
- 2.3. Основы на переднерядный гласный + сонант *р, л, й* (Vfront + *р, л, й*) (*кöл*);
- 2.4. Основы на переднерядный гласный + *з* (Vfront + *з*) (*кöз*) + чередование в основе, напр. *кöз/кö* в интервокальной позиции;
- 2.5. Основы на переднерядный гласный + глухой *к, т, п, ш, с, ф, ч, ц* [либо оглушающийся *б, в, г, д, ж, з* русских заимствований] (Vfront + *к, т,*

n, ш, с, ф, ч, ц) (*түк*) + чередование в основе – озвончение глухих в интервокальной позиции: *n/б, с/з, к/г, т/д* в случае начального гласного аффикса.

Для некоторых из перечисленных случаев потребуется «размножение» словарных основ в словаре с учетом фонетических чередований [напр., интервокального озвончения (пп. 1.5, 2.5) – *нас-/наз-* (*нас* ‘голова’ (им.п., ед.ч.) – *назым* ‘моя голова’ им.п., афф. принадл. 1л. ед.ч.) или выпадения узкого гласного основы перед *n* (пп. 1.1, 2.1): *пурун-/пурн-* (*пурун* ‘нос’ (им.п., ед.ч.), *пурны* ‘его нос’ им.п., афф. принадл. 3 л. ед.ч.)].

2.3.3. *Постановка в соответствие каждому из выделенных типов основ комплекта служебных морфем*

Каждому из выделенных фонетических типов основ ставится в соответствие определенный набор словоизменительных аффиксов из словаря морфем со всеми их значениями (омонимичным морфемам д.б. приписаны все возможные значения).

Если на вокализм аффиксов в хакасском языке, исходя из закона сингармонизма, влияет главным образом основа слова, то на их консонантные варианты, согласно правилам прогрессивной ассимиляции, помимо основы оказывают влияние также и предшествующие аффиксы. В хакасском языке, как и в других агглютинативных языках, существует жесткий порядок следования морфем. К корню сначала присоединяются аффиксы словообразования – лексического, а затем грамматического, – затем к основе присоединяются словоизменительные аффиксы в следующем порядке (для имени): аффиксы числа, принадлежности, падежей, лица, например:

тура - цах - тар - ыбыс - ха ‘нашим домикам’
дом – афф.– мн.ч.– принадл.–дат. падеж
уменьш. 2л.ед.ч.
(лекс. сл.-обр.)

Поэтому помимо сочетаемости основ и аффиксов должна быть проработана фонетическая сочетаемость аффиксов между собой для каждого возможного их комплекта.

Данные о сочетаемости каждого аффикса с двумя соседними – справа и слева, – как и данные о сочетаемости аффиксов с основами разного фонетического типа вносятся в словарь морфем языка.

Таблицы примеров сочетаемости типов основ и фонетических вариантов аффиксов, а также сочетаемости аффиксов друг с другом приводятся в Приложении.

Введя эти данные в систему StarLing, после процесса обработки текстов корпуса мы сможем получить его морфологическую разметку с грамматической омонимией.

3. *Об инструментах создания хакасского корпуса и его морфологической разметки*

Отдельно следует сказать о технологиях, применяемых при создании морфологически аннотированного корпуса хакасского языка. Это интегрированная информационная среда StarLing, созданная С.А. Старостиним, во всех отношениях удовлетворяющая задачам корпусной лингвистики, таким как создание и

редактирование лингвистических корпусов, а также снабжение их удобным справочным аппаратом. Этот инструмент уже апробирован при создании систем морфологического анализа для двух языков – русского и английского: на основе «Грамматического словаря русского языка» А.А. Зализняка и англо-русского словаря В.К. Мюллера. В настоящее время система StarLing успешно используется российскими лингвистами при построении корпусов языков различных семей и их морфологической разметке.

Механизмы работы системы StarLing и инструменты, которые она предоставляет составителям корпусов и баз данных, описаны в работах С.А. Крылова [Крылов 2008; 2011].

4. Снятие грамматической омонимии

Для корпуса флективного языка, такого как русский, снятие морфологической омонимии – это довольно большая работа, которая не обходится исключительно автоматическими средствами и требует немалых усилий человека [см.: Ляшевская и др. 2005: 113]. В агглютинативных же языках (в частности в хакасском) грамматическая омонимия сравнительно невелика, однако она есть. Так, например, в именной парадигме существуют омонимичные аффиксы исх. и твор. падежей для основ на гласные и сонорные (-наң/-нең); аффиксы напр. падежа для основ на заднеязычные гласные омонимичны аффиксам сказуемости 2 л. мн.ч. для основ того же вида (-зар/-зер); омонимичными являются также аффиксы сказуемости и принадлежности 1 и 2 л. мн.ч. для основ на гласные и звонкие согласные (-м/-ым/-ім, -быс/-біс, -ң/-ың/-ің, -ңар/-ңер/-ыңар/-іңер).

При использовании системы StarLing снятие морфологической омонимии в корпусе становится полуавтоматической процедурой. Если морфологическую омонимию можно разрешить с помощью синтаксического контекста, то «возможен вывод на экран всех записей, удовлетворяющих тому или иному условию, задаваемому в терминах синтаксических фильтров. После такой фильтрации задача снятия морфологической омонимии упрощается (и т.о. убыстряется) в несколько раз, как показывает практика морфологической разметки русскоязычных корпусов» [Крылов 2011: 651].

5. Значение создания корпусов для малых языков России

Создание корпусов малых языков, которых достаточно много на территории Севера, Сибири, Дальнего Востока России, имеет особое значение. Корпус фиксирует уходящие или находящиеся под угрозой исчезновения малые языки и сохраняет их фонд хотя бы для науки и культуры. Корпус – это также способ повысить жизнеспособность и способствовать модернизации относительно крупных языков России, которым вымирание не грозит, но которые, например, недостаточно представлены в интернете (или вообще в нем не представлены). Создание корпуса является хорошим стимулом к расширению сферы употребления языка, его, так сказать, экспансии в интернете. На основе современных кор-

пусных технологий впоследствии можно получить механизмы, без которых немислима жизнь языка в интернете, такие как поисковые системы, системы автоматического перевода, средства электронной проверки текстов. Хотелось бы отметить, что при полноценной морфологической разметке лингвистического корпуса (в случае его достаточного объема и репрезентативности) в качестве бонуса можно получить электронный спелл-чекер для рассматриваемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А.Баскакова. – М., 1975.
- Крылов С.А.* Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии // *Orientalia et classica*. Тр. Ин-та восточных культур и античности. Вып. XIX. Аспекты компаративистики. 3/ Ред И.С. Смирнов.– М.: РГГУ, 2008. – С. 649–668.
- Крылов С.А.* Использование системы StarLing при создании морфологически аннотированного корпуса современного монгольского языка. – *на правах рукописи*.
- Ляшевская О.Н., Плунгян В.А., Сичинава Д.В.* О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. – М., 2005. – С. 111–135.
- Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // *Национальный корпус русского языка: 2003–2005*. – М.: Индрик, 2005. – С. 6–20.
- Сиразитдинов З.А.* Алгоритмическая грамматика словоизменения башкирского языка / <http://mfbl.ru/bashdb/agram/agram.htm>
- Сичинава Д.В.* К проблеме создания корпусов русского языка // *Научно-техническая информация*, сер. 2, № 11, 2002. – С. 25–31.
- Хакасско-русский словарь* / Под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006.
- Хакасско-русский словарь* / Под ред. Н.А. Баскакова, с прилож. грамматического очерка хакасского языка Н.А.Баскакова. – М., 1953.

Sheymovich, Aleksandra V. Morphological tagging of the Khakas corpus

Summary. This paper describes the creation of an electronic corpus of the Khakas language and an attempt to develop a morpheme analyzer for Khakas. This research is a part of the project of the Russian Academy of Sciences on the creation of electronic corpora of languages of the Russian Federation, including corpora of Turkic minority languages such as Khakas.

Key words: corpus of a language, corpus linguistics, annotation of a corpus, morphologic annotation, morphologic analyzer

Таблица 3

Сочетаемость аффиксов лица и падежных аффиксов простого склонения

Афф. лица Афф. падежа		1 л. ед.ч.					2 л. ед.ч.			3 л. ед. и мн.ч.	1 л. мн.ч.					2 л.мн.ч.		
		мын	мін	бын	бін	пын/пін	зың	зиң	сын/сін	∅	мыс	міс	быс	біс	пыс/піс	зар	зер	сар/сер
Осн.	∅																	
Род.	ның	+					+				+					+		
	нің		+					+				+					+	
	тың	+					+				+					+		
	тің		+					+				+					+	
Дат.	а			+			+					+				+		
	е				+			+					+				+	
	ға			+			+					+				+		
	ге				+			+					+				+	
Вин.	ха			+			+					+				+		
	ке				+			+					+				+	
	ны			+			+					+				+		
	ні				+			+					+				+	
Местн.	ты			+			+					+				+		
	ті				+			+					+				+	
	да			+			+					+				+		
	де				+			+					+				+	
Исходн.	та			+			+					+				+		
	те				+			+					+				+	
	даң	+					+				+					+		
	дең		+					+				+					+	
	наң*	+					+				+					+		
	нең*		+					+				+					+	
Направит.	таң	+					+				+					+		
	тең		+					+				+					+	
	зар**			+			+					+				+		
	зер**				+			+					+				+	
Творит.	сар**			+			+					+				+		
	сер**				+			+					+				+	
	наң*	+					+				+				+			
	нең*		+					+				+				+		

Таблица 4

Сочетаемость аффиксов лица
и падежных аффиксов притяжательного склонения

Афф. принадл. Афф. лица		1 л. ед.ч.			2 л. ед.ч.			3 л. ед.ч.				1 л. мн.ч.				2 л. мн.ч.				
		м	ым	ім	ң	ың	ің	ы	і	зы	зі	быс	біс	ыбыс	ібіс	нар	нер	ынар	інер	
1 л. ед.ч.	мын	+	+		+	+														
	мін	+		+	+		+													
	бын							+		+					+		+			
	бін								+		+					+		+		
	пын											+		+						
	пін												+		+					
2 л. ед.ч.	зың	+	+		+	+		+		+					+		+			
	зің	+		+	+		+		+							+		+		
	сың											+		+						
	сің												+		+					
3 л. ед. и мн. ч.	∅																			
	1 л. мн.ч.	мыс	+	+		+	+													
		міс	+		+	+		+												
		быс							+		+					+		+		
		біс								+		+					+		+	
		пыс											+		+					
піс													+		+					
2 л. мн.ч.	зар	+	+		+	+		+		+					+		+			
	зер	+		+	+		+		+							+		+		
	сар											+		+						
	сер												+		+					

**КАК НАЗЫВАЛИ РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО
САМИ ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ**

И.Л. Кызласов, г. Москва

Резюме. Фрагмент с орхонским алфавитом из урочища Тойок выявляет начальную слоговую природу его знаков и многовековое развитие проторунического письма. В тюркских языках и текстах (от древнеуйгурских до башкирских и татарских) сохранилось исконно тюркское обозначение слога *üsik*, некогда бывшее и наименованием рунических знаков. Древность термина подтверждает публикуемая руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан), которая к тому же указывает на манихейскую сибирско-тюркскую традицию молитвенного письма на скалах.

Ключевые слова: древнетюркское наименование рун, история алфавита, сибирско-тюркское манихейство, молитвенные наскальные надписи.

В начале 1992 г. при сравнении двух раннесредневековых манускриптов из урочища Тойок (Турфанский оазис), содержащих учебные записи орхонского алфавита, мне удалось понять построение этой рунической азбуки, не искусственно создаваемое нашей наукой (подчиняющей порядок рун размещению латинского или кириллического алфавита), а изначально присущее ей самой. Поскольку в алфавитном ряде всегда содержится история любой письменности, следующим шагом явилось выделение пройденных руникой этапов, приведших к формированию орхонского письма. Вполне закономерно эти наблюдения над внутренними особенностями (а не внешними, как было в науке прежде) породили совершенно новый взгляд на происхождение азиатских рунических письменностей в целом и орхонского письма в частности. Открывшийся строй письма позволил проследить свойства, присущие прототипу орхонских и енисейских рун, частично восстановить его облик. Впервые наши наблюдения были опубликованы в 1994 г., а позднее включены в статью о древнейших особенностях письменной культуры тюркских народов, отразившихся в рунических памятниках Южной Сибири и Центральной Азии [Кызласов 1994: 105–142; 1998: 75–81; ср.: 2005а: 441–443]¹.

Тогда же, разрабатывая иную тематику, я попутно встретил в «Древнетюркском словаре» связанный с письменностью термин, суть которого удивительно точно увязывалась и с древней природой азиатского рунического письма, и в большой мере отражала те самые этапы его развития. Я выписал его на карточку с пометкой

---

¹ В 1992 г. я подал изложение гипотезы на конкурс появившегося тогда Фонда Сороса. Этот шаг также оказался формой публикации – вышли статьи авторов, в одночасье изменивших свой подход к происхождению рун, и ныне я могу судить о том, кто был экспертом Фонда. Правда, начавшись с новых животворных позиций, эти разработки ушли в старое, давно высохшее русло. Из наших тюркологов, изучающих ранне-средневековые письменные памятники, мои наблюдения были отмечены и привлечены к более глубоким исследованиям одной лишь Л.Ю. Тугушевой [2001: 13–15].

«Вот как называли руны!». Эта карточка пролежала 20 лет, и лишь сейчас, неожиданно, благодаря полевому поиску археологов, было получено прямое подтверждение давней догадки.

Напомню, что согласно тойокским рукописям, число рун, составлявших алфавит, значительно превосходило количество букв, употреблявшихся в орхонском письме: В. Томсон, как известно, выделил для него 38 знаков, в то время как в азбуке их оказалось 46 или 48. Опираясь на архаизм енисейских письмен, нельзя было не заметить, что орхонская письменность оказалась наиболее реформированным и в типологическом отношении самым новым порождением многовекового развития. В целом длительная эволюция рунического письма постепенно формировала в нем алфавитный принцип (один знак – один звук), однако в полной мере так и не реализовавшийся. Из употребления вытеснялся исконно присущий рунам с неведомой древности слоговой принцип письменности. Сокращение числа знаков в орхонском письме было произведено за счет отказа от рун, обозначающих слог или придания им однозвучного значения. В отличие от письменной практики, в силу косности и сакральности алфавитного ряда многие архаичные руны сохранялись в нем до конца. Характер оставшихся в азбуке знаков силлабического письма – былого общего предка орхонского и енисейского – позволил заподозрить два пройденных им этапа слогового развития: изначальной записи открытого, а затем – закрытого слога.

Сохраненный носителями азбучный ряд также ясно указывает на то, что руническое письмо не было изобретено в тюркоязычном мире, а было некогда заимствовано извне уже в готовом виде. Обоснование всего этого изложено в указанных публикациях (особо подробно в книге 1994 г.), было расширено и углублено наблюдениями Л.Ю. Тугушевой [2001: 12–15], но здесь увело бы нас в сторону.

Решить поставленный в заголовке вопрос позволила краткая наскальная надпись, обнаруженная в Восточном Казахстане алматинским археологом А.Е. Рогожинским еще в 1985 г., а затем в 2008 г. повторно изученная им же на месте, в урочище Койтубек в юго-восточных отрогах Курчумского хребта (рис. 1), и изданная в новой прорисовке и хорошем фотоснимке [2010: 330, 331, рис. 1].

История изучения памятника на раннем этапе, приведенная А.Е. Рогожинским [Аманжолов 2003: 203, 204; Базылхан 2008: 121], не могла привести к успеху, т.к. представленная тогда тюркологами прорисовка не была точной. Ныне, благодаря доброжелательно предоставленным мне Алексеем Евгеньевичем для изучения и использования фотоснимкам, точной прорисовки и подробному описанию, надпись может быть понята. Необходимо дать полную публикацию и разбор этого краткого, но весьма важного письменного памятника.

По словам не раз изучавшего подлинник первооткрывателя (ср.: [Рогожинский 2010: 331]), «надпись нанесена на грань скалы (0,8 x 1,2 м) отрицательного падения, ориентированную на юг; поверхность скалы шероховатая, серого цвета, местами слабо патинирована; камень имеет слоистую структуру. Вертикальная строка из 12 знаков расположена в правой части плоскости. Нижние два знака частично перекрывают неясное изображение, слева – разновременные изображения козлов и тамгообразного знака. Длина всей строки 50 см, высота знаков 5–9 см. Два верхних и шесть нижних знаков выполнены в технике выбивки, остальные четыре знака глубоко (до 2 мм) прорезаны на поверхности. Нижние знаки выполнены грубо: вокруг основных линий некоторых из них имеются сколы различной формы и глубины, которые, возможно, относятся к какому-то

перекрываемому неясному изображению. Верхние два знака исполнены более тщательно, длинная горизонтальная линия второго сверху знака имеет ровные края и, возможно, была выполнена техникой глубокой резьбы.

Рис. 1. Расположение Курчумского хребта. Основание геодезической сетки по широте равно 150 км.

Слева от строки почти параллельно ей глубоко выбита вертикальная линия, условно отделяющая надпись от остальных рисунков, и в той же технике – S-овидный знак, развернутый влево на 90°; от левого изгиба знака вниз отходит короткая линия с округлым утолщением на конце. Правая часть знака перекрывает фигурку неопределенного животного ниже его головы. По характеру выбивки S-овидный знак с линией (тамга?) сходен с нижними знаками надписи, но выполнен грубее и выбивка глубже. Слева от тамги находится фигура козла, которую перекрывают процарапанные неглубоко линии, одна из которых прерывается изображением козлов на плоскости выполнены неглубокой выбивкой, в ряде случаев различимы следы орудия; в манере изображения животных присутствуют черты сакского «звериного стиля». Очевидно, фигуры животных появились на памятнике раньше надписи и тамгообразного знака.

Расположение знаков надписи в микрорельефе скальной поверхности позволяет предполагать, что создание эпиграфического текста происходило снизу вверх: два верхних знака смещены немного влево относительно знаков остальной строки; верхний знак, выполненный гравировкой, оканчивается на краю выступа. Думается, первоначально все знаки строки были выполнены гравировкой и лишь позже нижние из них и два верхних оказались подновлены и повторно выбиты более грубым инструментом, следы которого в виде сколов сохранились вокруг линий верхнего граффито, перекрывая его в трех случаях. Соответственно, позже надписи тем же инструментом была глубоко выбита линия слева от строки и S-овидный знак».

Текст (рис. 2): **ОГЪМ>D↘EY>IN**

Транскрипция: *üs(i)kl(i)g {ä} (a)jurtīm*

Перевод: Я велел изъясняться письменно.

Разбор. 1–5. Прилагательное на *-lig*, образованное от существительного *üsik* – редкой фонетической разновидности более распространенной формы в памятниках иной системы письма – *üzik, üžük* ‘слог, буква’ [ДТС: 627, 631], ‘чтение буквы в алфавите’, «и каждая ‘буква алфавита’ называется... *üzük*» [МК 2010: 106]. Словесное образование *üsiklig* в надписи Койтубек в других текстах отмечено как *uziklig, üžiklig* и в написании *üžükliŷ* в значении ‘со слогом, с буквой’ [ДТС]. В нашем случае при буквальном переводе ‘Я велел рассказывать с буквами (~ с наличием букв)’ можно думать, что речь идет о ‘высказывании посредством букв’, т.е. письменно.

6. Руна, изначально обозначающая звук *a* или *ä*, не имеет здесь фонетического значения и служит словоразделительной отметкой. Эта ее функция (как и производное применение при окончании текста) систематически проявляется в надписях алтайского варианта енисейского письма – как в России, так и в Монголии [Кызласов 2003: 101; 2004: 110–113, рис. 5] – и, вслед за ним, отмечена в наскальной эпиграфике Киргизии и Казахстана [Кызласов 2005б: 48, 49; 2005в; Рогожинский, Кызласов 2004; 2011].

7–12. Глагол *aj-* ‘говорить, рассказывать; разъяснять, толковать’ [ДТС: 25] применен здесь в понудительном (побудительном) залоге (показатель *-ur-*), прошедшем времени 1 лица ед. числа (*-tiim*). Этот залог в литературе называется двойко (по-третьему, каузативный) потому, что в тюркских языках означает весьма широко понимаемое вмешательство одного субъекта в действие другого – «от энергичного приказа до индифферентного попустительства», что зависит от смысла предложения и по-русски передается сочетаниями двух глаголов, первый из которых может быть ‘заставлять, приказать, велеть, принудить, побудить, позволять, допустить что-либо сделать’ [Аманжолов 1969: 68–72; Кононов 1980: 178–182]. В нашем лаконичном случае субъект действия выражен грамматически – аффиксом 1 лица при глаголе-сказуемом. Лица, которым надлежит выполнить свое действие, в наскальной фразе вовсе не обозначены. С какой силой следует воспроизвести по-русски изъяснение воли писавшего, определить из содержания самой краткой надписи невозможно. Однако приём преодоления таких сложностей кратких рунических надписей известен. Он давно осмыслен, сформулирован [Кызласов 1994: 173, 180–203; 2005а: 431–435] и многократно проверен на практике [Кызласов 2003 и др.]: единственно верно читать любую краткую надпись не обособленно, саму по себе, а при учете смысла всех иных начертаний подобной категории. В отношении граффито Койтубек необходимо учесть причины нанесения на скалы азиатских рунических надписей.

Совокупность их содержания и послужит тем историко-культурным контекстом, который определит суть лаконичной строки.

Палеография. Текст выполнен таласским алфавитом. На это указывает характерный облик двух рунических знаков. Первая же руна надписи (*ü/ö*) показательно широко начертана, она вписывается в квадрат, т.к. правый отводок достигает низа основного ствола, в то время как в иных азиатских рунических письменностях (енисейской и орхонской), за счет изначальной высоты левого древка, руна вбирается в вертикальный прямоугольник - **ᠨ**. На таласское письмо указывает и последняя руна – только в нём руна-круг **О** означает *m*. Алфа-

витному определению способствует и облик 10-й руны строки: $\hat{\alpha} t^1$. Такие буквенные знаки присущи только енисейскому и таласскому алфавитам. Строка нанесена вертикально, снизу вверх, что связывает ее с традицией, особенно типичной для енисейских наскальных начертаний Горного Алтая. Надпись урочища Койтубек ныне самый восточный памятник таласской письменности.

Применение для единой строки двух разных техник нанесения знаков, выбивки и резьбы, получило объяснение в приведенных выше точных наблюдениях А.Е. Рогожинского. В верхней, резной части строки можно видеть, что часть букв, судя по порядку нанесения образующих их борозд, выписана слева направо ($D j^1$, λu , Γi), а часть – справа налево ($\hat{\alpha} t^1$, Ψr^1). Такой разницей обычно не свойственен камнеписным руническим надписям.

Рис. 2. Прорисовка надписи Койтубек, выполненная и предоставленная А.Е. Рогожинским.

В нашем случае нельзя уверенно судить, право- или левосторонней системой письма автор надписи овладел изначально при своем обучении грамоте. Однако вероятно, что руническое письмо не было первым освоенным им в жизни.

Орфография. Правописание надписи в одном случае отличается от строгих норм классического рунического правописания полногласным написанием – в аффиксе прошедшего времени 1-го лица обозначена узкая гласная Γi . Именно излишнее по классическим нормам обозначение узких гласных отличает, как выяснилось, манихейские рунические надписи. Подобная орфография привнесе-

на в руническое письмо со стороны – из алфавитного построения и практики манихейской письменности [Кызласов 1996: 124–126; 1997].

Другая примечательная особенность написания – применение руны для ∇ a/ä в качестве словоразделительного знака (см. разбор руны б).

Историко-культурное значение. Здесь следует, во-первых, показать принадлежность надписи Койтубек к известному разряду наскальных молитвенных отметок, свойственных для северного, сибирско-тюркского манихейства, в IX–X вв. распространявшегося на запад, во-вторых, прояснить более общее значение краткого наскального текста, раскрывающего глубокую древность письменной культуры тюркских народов.

Религиозные причины нанесения на скалы рунических надписей енисейского письма были первоначально показаны в отношении многочисленных кратких начертаний Саяно-Алтайского нагорья, затем – Северо-Западной и Центральной Монголии [Кызласов 1994: 187–199; 2001; 2003а; 2003б; 2004; 2005а: 446–447; 2006 и др.]. Последующее продвижение сложившегося в Южной Сибири манихейского обычая оставлять письменные отметки о молениях, свершенных у скал, было вызвано распространением самих тюркоязычных миссионеров с их енисейской письменностью, что прослежено по камнеписным строкам Кыргызстана и Казахстана (включая памятники таласского письма) [Рогожинский, Кызласов 2004; 2011; Кызласов 2005б; 2005в]. К этому кругу надписей принадлежит и публикуемое граффито. Отсюда наиболее приемлемая ее датировка близка к X в.

До прочтения резов урочища Койтубек в наскальных надписях уже не раз отмечались свидетельства воздействия на паству манихейских проповедников. В наших горах есть прямые воззвания, которые сложно истолковать иначе: $\nabla \rightarrow \text{э м}$ (a)rz(i)m {a} «Мой Святой (~ отшельник!)» (Алтай, Ялбак-Таш VIII). Покаяния, вызванные обличениями духовников, отмечены, например, лаконичными написаниями на горе Лисичьей в Хакасии: $\Gamma \text{Л} \text{X} \rightarrow \text{Y} \text{X} \text{1} \nabla \uparrow \text{S} : \text{N} \rightarrow \text{A} \text{C} \text{33} : \nabla \text{1} \text{33} \text{S} \text{N}$ öz (a)d (a)pa (a)dγ(a)č m(e)n (a)zud (a)lp b(e)r(i)md(i)nk(i) «(Я –) Оз Ат-апа-адгач (?), грешный (букв.: заблудший) витязь, пребывающий в долгу (перед Всевышним (?))» (Лисичья I); $\text{I} \rightarrow \text{M} \text{O} \text{I} \text{B} \text{I} : \text{I} \rightarrow \text{H} \text{X} \uparrow \text{A} \text{1} \text{H}$ q(a)rčud (~ q(o)p čoq) b(i)t(i)m(i)š sōk(ü)š(ü)η (a)r(i)m(i)š «Капчук (~ презреннейший – букв.: совсем презренный) написал (это) (и) твоя хула очистилась» (Лисичья II). Есть и указания из первых рук на бытность таких назиданий: $\Gamma \text{H} \text{Y} \rightarrow \text{X} \text{H} \text{N} \text{1} \text{Y}$ (e)rp(ä)n t(i)d(i)m (e)r(i)(t)ti «Я осудил (~ отверг) (его), сказал (наставление) и он искупил (грехи ~ очистился)» (Ялбак-Таш VII)².

² Отношу к автографам манихейских проповедников и две надписи на приречных скалах правого берега Среднего Енисея. В пещере горы Тепсей третья из вырезанных строк гласит:

: $\nabla \nabla \text{C} \text{L} \text{X} : \text{N} \text{X} \text{Y} \text{N} \text{9} \text{H} \text{X} : \text{H} \text{Y} \text{S} \text{N} \text{I} : \text{H} \text{N} \text{S} \text{H} \text{I}$
 $\rightarrow \text{X} \text{Y} \text{X} \rightarrow \text{D} \text{Y} \text{S} \text{N} \text{I} : \nabla \text{Y} : \text{Y} \text{Y} \text{H} \text{I} \text{Y}$

siz(i)ni sözl(ä)ti b(i)tijür b(e)n uqγ(a)lī k(i)sil(e)rkä söz (a)η(a)ju b(e)rd(i)m «Сомневаясь, я был вынужден говорить. Теперь же я написал (это), после того, как постиг. На пользу людям я слово постиг». Первое для науки имя такого проповедника, достигшего церковного чина благодаря своей праведности (своему духовному богатству), встречаем на утесе Городовая стена:

Всё это позволяет, как думается, понять вырезанные на скалах прямые призывы, адресованные верующим их духовниками: **ГҮ** (e)ḡi «Очистись (~ искупи грехи)!» (Ялбак-Таш XI), **ГҮ:ИҢЯ** büt (e)ḡi «Уверуй и очистись (~ искупи грехи)!» (Ялбак-Таш XVI), как и косвенные свидетельства – обращенные пастырем к богу просьбы о третьих лицах (т.е. о пастве): **ҮҮАЕХЕРҖҮ** (e)ḡ (a)tī j(e)v(i)g č(e)ḡ {ä} «Его имя мужа-эра Йевиг. Избавь (~ освободи) (его) (от греха)!» (Алтай, Адыр-Кая I) или лаконичнее – **ҮҮЕЕҮГҖҮ** (e)ḡ (a)tī (e)l j(e)g(ä)n {ä} «Его имя мужа-эра Греховный Йеген (освободи его от греха!)» (Ялбак-Таш XIII), **ҮҮЕГҖҮ** (e)ḡ (a)tī j(i)n (a)ḡi «Его имя мужа-эра – Плотская Скверна (освободи его от греха)» (Алтай, Кургак II), **ҮҮҮИГҖҮ** (e)ḡ (a)tī t(e)k(ä)š {ä} «Его имя мужа-эра – Текеш (освободи его от греха!)» (Казахстан, Жаксылыксай I).

Приверженцы сибирского манихейства оставили множество рунических письмен на скалах, что закономерно указывает на особое их отношение к письменному слову при обращении к богу [Кызласов 2001: 256, 257]. Вместе со строками, связывавших успех моления с нанесением надписи (**ҮҮИГҖҮИГҖҮ** isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (божий) написал (это) и (стал) здоров» – Тува, Хая-Бажи X, Е 24/10), на горных обнажениях многократно встречены предельно краткие написания, завершающиеся словами **ҮҮХИЯ** (алтайское начертание) или **ҮҮХИХ** (классическое енисейское письмо) «(Это) я написал, а то и состоящие лишь из этого единственного слова (в переводе – двух слов).

Однако, для обсуждаемой темы, пожалуй, наиболее показательны *надписи*, отмечающие *сказанное* (в переводе лишь предположительно поясняемое мною): **ҮҮХИҢЯҮҮЕЕҮҮҮҮ** sül(ä)n j(e)g(ä)n b(e)n t(e)d(i)m «Я, Сюлен Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)» (Ялбак-Таш X) и **ҮҮХИҢЯ** b(e)n t(e)d(i)m «Я произнёс (молитву) (о чем и написал)» (Алтай, Текпенек).

Теперь, благодаря надписи Койтубек мы совершенно точно знаем, что написания на скалах не только входили в осознанную религиозную практику воцерковленного населения, но и намеренно насаждались среди паствы осознанными и волевыми указаниями самих сибирско-тюркских манихейских проповедников. Обрядовый канон закономерно и потому неизбежно обеспечивался распространением среди людей рунической грамотности.

Ни один известный раннесредневековый тюркский по языку термин для письма и письменных знаков не отражает в такой близкой мере изначальную природу и основное направление эволюции азиатского рунического письма как слово *üsik~üzik~üzük*, совмещающее в себе понятие и слога, и буквы (А.М. Щербак [2005: 56] выстроен иной ряд: *üzäk~üzik~üzük*). Входя в парное

ҮҮИГҖҮ (стк. I)

ҮҮИГҖҮ (стк. II) **ҮҮИГҖҮ**

(стк. I) (A)lp sol [b(e)n]. In (a)ly(i)p ab(a)ḡa T(ä)ḡri (A)na Kēm Q(a)tun q(a)b(i)š(i)p jēg (a)sīy qīlur biz. (A)t jir b(i)z (стк. II) Vaj b(a)r (e)t(t)(i)m (стк. I) «(Я –) Алп Сол. Когда положен предел греховному (и) Небо и Владычица Мать Кем (река) соединяются в гармонии, мы (все), приносим благую пользу и достигаем сана (~ званий). (стк. 2) (Так (и) я стал богат».

сочетание *üzik akšar* [ДТС: 631], слово, вне всяких сомнений, указывает на свое собственно тюркское происхождение. Соседствуя, и тем уточняя смысл наименования письменного знака, принятого в буддийской культуре (тюрк. *akšar* < санск. *aksara*), *üzik* исключает чужое влияние на характер своего появления. Следует думать, что понятие слога появилось в тюркоязычных обществах ранее их знакомства с брахми. Как, можно думать, и раньше распространения в них глагола *biti-* и его производного *bitig* ‘книга, письмо, надпись’ (имевшего и сохранившего обобщающее значение ‘письмена’, но не ‘письменный знак’, и не ‘буква’), возводимых к китайскому наименованию писчей кисти (ср. образования от *bitig* [ДТС: 103, 104])³. Недаром в уйгурских текстах встречаем *uzik bitig*, как и подобную пару с согдийским заимствованием *uzik nom* [Малов 1951: 202, 203, 439].

В известных науке раннесредневековых текстах слово *üzik~üzük* выступает отглагольным существительным. Однако выясняя его этимологию, можно понять, что первично оно выступало отглагольным прилагательным. Отмеченные в письменных памятниках формы *üzük* и *üziklig* [ДТС: 630] возводят весь последующий фонетически разнообразный и смысловой ряд слова к глаголу *üz-* с изначальным значением ‘рвать, отрывать, вырывать’⁴ [ДТС: 629]: *üzük, üzik* ‘оторванная, вырванная (часть слова)’ (ср. омоним *üzük* ‘разорванный’) > *üzük, üzik⁵, üsik* ‘слог’ > слоговой письменный знак > буква алфавита > *üziklig, üziklig, üsiklig* и, одновременно, от той же именной основы *üzük, üzik, üsik* > *üzüklä-* ‘читать по слогам’. Надо думать, многообразие форм согласного первого слога укажет лингвистам на эволюционные и региональные особенности жизни этого корня в речи ранних тюркских народов.

Здесь следует вникнуть в другое. Перед нами – по-настоящему древний специальный термин тюркских языков, указывающий на осознанное выделение слога, т.е. на развитое фонологическое восприятие и систематизацию потока речи. Иными словами, разбираемый термин – верный след *доарабской тюркской филологии*. Встретив его в тексте рунического письма, мы узнаём, наконец, и то, как *сами тюркоязычные народы* именовали эту письменность и составляющие ее знаки. Сравнив их обозначение современной наукой (руны, руническое, Runenschrift, «Runen»-Schrift, runic или, особо точное и показательное, runiform) и

³ См. смысловые и фонетические изменения при заимствовании тюркского *üzük* в монгольские языки, не имевших слогового письма: ‘буква, письмена, калям’ [Владимирцов 1989: 399], ‘перо (для писания)’ [МРС 1957: 477, 487], ‘буква, слово’, ‘язык, разговор, беседа’ [Щербак 2005: 56]. Ранняя (XIII в.) и сохранявшаяся форма слова – *üsüg*, ойратская (XVII в.) – *üzüq*. В современном монгольском понятия разошлись: *үзэг* стало означать ‘перо’, а *үсэг* ‘буква; алфавит, письмо, письменность’ [МРС 1957: 477, 487; Кара 1972: 27, 153, прим. 22, 162, прим. 206, 172, прим. 42].

⁴ Этот глагол в саяно-алтайских тюркских языках (алтайском, хакасском, тувинском, тофаларском) и в лобнорском языке имеет глухую форму *üs-*, закономерно озвончающуюся между гласными [Катанов 1903: 1311, 1314; Малов 1951: 441; 1956: 182 (*үз-*), 183 (*үс-*); Севортян 1974: 621; Рассадин 2007: 140-143]. Не к этому ли явлению и ареалу восходит форма *üsik* > *üsiklig*, встреченная в надписи Койтубек?

⁵ В некоторых ранних текстах уйгурского письма написание переднерядного *ü* соответствовало *u* заднего ряда и облик слова оказывался *uzik* (‘буква, слог; текст’, см. так называемую «Биографию Сюань-цзана», предположительно относимую к первой половине XI в. [Тугушева 1991: 24, 380]), ср. также выше приведенную форму *uziklig* (разбор, 1–5).

открытое ныне обозначение их *доарабской древнетюркской филологией*, легко увидим, что сегодня нами характеризуется их *внешний вид* (к тому же в сравнении с известным *европейскому* образованию, но чуждым самому азиатскому письму явлением, что и принуждает нас постоянно уточнять: «древнетюркское»), в то время как предками был образован термин, отражающий суть устройства древнего слогового письма, термин, изменивший свое наполнение одновременно с эволюцией содержания самих письменных знаков.

От рунического письма слово *üzik-üzik-üzük* все в том же значении ‘слог, буква’ было передано письменной культуре уйгуров, затем литературной речи караханидов [ДТС: 631] и чагатайской среднеазиатско-тюркской образованности⁶ – вместе с рядом фонетических и морфологических особенностей древнетюркского письменного языка и даже его орфографии. Можно думать, что вместе с письменной культурой уйгуров слово проникло к монгольским народам в Чингисову эпоху.

Несмотря на то, что в большинстве живых тюркских языков слово *üzük* (*üzik* и т.п.) сохраняет значение ‘часть, кусок, обрывок’ [Севортян 1974: 621, 622], в речи ряда народов оно продолжает означать ‘буква, алфавит’. В алтайском *üzük* в значении ‘азбука, букварь’ зафиксировано тюркологами и миссионерами в конце XIX в. [Словарь 2005: 417; Радлов 1963: столб. 1895 – телеутское и команское], в современном литературном языке так называют и словарь [Рассадин 2008: 65]. Книжное, неизвестное в диалектах парное сочетание *üzük бичик* ‘вертикальное письмо’ целиком заимствовано [Щербак 2005: 56], именуется только монгольское письмо и происходит из западно-монгольской разговорной лексики (*үзүг* ‘буква’, *үзүк бичиг* ‘письменность’ [Рассадин 2008: 65, 66]); для алтайского слова *бичик* также известно значение ‘буква’ [РАС 1964: 487]. В тувинском нужно нам слово в конце XIX в. отмечено в форме *üzük* со значением ‘буква, письмена’ [Катанов 1903: 1311]. В современных текстах облик слова иной – *үжүк* (‘буква, алфавит’), оно имеет много производных, характеризующих грамотность, и обретая семантическую самостоятельность, расходится по звуковому облику с *үзүк* ‘разрыв, разорванный’ [ТРС 1968: 444–446], чего, видимо, не существовало во времена Н.Ф. Катанова [1903: 1311] (ср.: *üzük* [Малов 1951: 441]). Неслучайно первый тюрколог-тувиновед, относя *üzük* к монголизмам, видел в нем озвончение монгольского ‘с’ между двумя гласными – процесс, свойственный тувинскому, как и прочим южносибирским тюркским языкам [Катанов 1903: 121, 124, 125]. Парное сочетание *үжүк-бичик* ‘грамота (умение читать и писать), письменность’ (ср. алтайское выражение) также пришло из монгольских языков [Татаринцев 2000: 222], хотя, помимо фонетических критериев, надо бы понять и природу очевидного различия, ибо в монгольских встречаем порядок слов обратный алтайскому и тувинскому: *бичиг үсэг* [МРС 1957: 70, 71; ср.: РКС 1963: 62].

Как видим, монгольскую природу слова *üzük-үжүк*, вернувшегося к саяно-алтайским тюркам в позднем средневековье, выявляет и его сузившееся значение ‘буква, алфавит’, утратившее прямую связь с изначальным смыслом рунической и уйгурографической письменной культуры. Но на удивление именно эта связь сохранилась в двух живых тюркских языках, весьма удаленных ныне от монгольской речи. Вся относящаяся к письменности лексика в башкирском языке арабская, порожденная мусульманской культурой – *алифба* и т.д. Но слог именуется легко узнаваемо для нас – *ижек*. От этого слова образовано много

⁶ Различия фонетических форм на письме см.: [Bang, Gabain 1931: 332. Anm. 5].

производных форм, т.е. оно вполне активно [БРС 1958: 198; РБС 1964: 790]. Все эти лексические особенности находят близкие соответствия и в татарском языке, где слово имеет иной фонетический облик – *ижек*, но также несет значение ‘слог’ и образует связанные с ним производные ‘делить слово на слоги’, ‘читать по слогам’ и т.п. [РТС 1984: 579]. Видеть в башкирском и татарском словах монголизмы (пришедшие в период Орды или позднее) мешает само приведенное значение *ижек~ижек*, совершенно несвойственное монгольским языкам (в монгольском ‘слог’ – *үгийнүү*, калмыцком – *ниилвр*), зато изначально присущее тюркской книжной речи, создавшей термин ‘слог’ в раннем средневековье или еще в древности. И само слово, и его первоначальное значение, несмотря на изменения письменной культуры и алфавитных систем, прошло внутри тюркоязычной среды до современности. Такой феномен требует глубокого осмысления. Прежде всего, он указывает на преемственность высокой образованности, длившуюся в среде тюркских народов веками и занимавшую обширные географические пределы⁷.

Насколько могу судить, наша тюркологическая наука, по крайней мере с конца XIX в. воспринимавшая слово *үзүк~үжүк* в живых тюркских языках как монгольское заимствование (ср. его отсутствие в словаре Э.В. Севортяна), не связывала его этимологию с глаголом *үз-* ‘рвать, отрывать и т.п.’⁸ (см. *үс-* у Н.Ф. Катанова [1903: 1314] и неясность основы в *üzük* для С.Е. Малова [1951: 441], прекрасно знавшего работы российских и немецких предшественников и современников). По-видимому, не способствовала выяснению происхождения слова и его значительно более ранняя уйгурская форма *üzük*, хотя правописание того времени нередко выделяло основу, отделяя от нее аффиксы словообразования и словоизменения [Малов, 1951: 202, 203; Фрагменты 1980: 126]. Нет интересующего нас значения слова *üzük* (и его вариантов) также и в словаре Дж. Клосона [Clauson 1972: 279, 280, 285–287] и книге М. Эрдала, вобравшей новые публикации памятников уйгурского письма [Erdal 1991: 866].

Монголо-тюркская часть словаря «Мукаддимат ал-адаб» показывает, что слово *üzük* уже в XIII–XIV вв. использовалось в монгольском языке не только в значении ‘перо для письма, калам’, но и ‘чернильница’, а в выражении *orqiba üzükütü* сохраняло смысл ‘буква’ (‘отбросил букву от буквы’), в глагольной же форме во фразе *üzüklebe kelimeyi* речь могла идти и о слогах – ‘слагал слово по складам’ [Поппе 1938–1939: 203, 271, 383, 508]. Во всем этом явно проступает уйгурское лексическое наследие. Самого слова *üzük* тюркская часть словаря не

⁷ Как показывают «Codex Cumanicus» (создан между 1330 и 1362 гг.) и армяно-кыпчакский судебник «Төре битиги» (1519–1594 гг.) в языке западных кыпчаков относящиеся к письменности собственно тюркские формы слов *bitig* и *biti-* сохранились без всякого монгольского воздействия [Kuun 1981: 301; Документы 1967: 387; Гарковец 2006: 8–11, 13–15]. Монгольское произношение не коснулось этих слов и в чагатайском языке XIII–XIV вв. [Поппе 1938–1939: 118, 521]. Команский источник В.В. Радлова для слова *үзүк* мне отыскать не удалось. [Можно думать, что в Словаре Радлова опечатка, следует читать «куманд.» = кумандинский. – Прим. редакции].

⁸ В.В. Радлов [1963: стлб. 1895, 1896] начал словарную статью «үзүк» с пояснения «von үз+к» и сопоставления слова с монгольским. По-видимому, такой взгляд касался только трех из выделенных им значений слова (‘оторванный кусок, промежуток; пролив, узкое место реки; отрывочный, недостаточный’), оставляя в стороне еще одно – ‘азбука, букварь’, совершенно самостоятельное в семантическом отношении при отсутствии сквозного взгляда на разветвившуюся в древности историю слова.

содержит – письменная лексика в ней уже арабская. Однако опуская неясное место текста, в переводе которого на тюркский есть слово *üzük* (которое С.Е. Малов сначала понимал как ‘перстень’ [Поппе 1938–1939: 120, 429], но с годами стал склоняться к значению ‘грамота’ [Малов 1951: 441]), мы всё же найдем в чагатайском интересующую нас основу – во фразе ‘писал буквы’ применен глагол *üşükledi* [Поппе 1938–1939: 383, 559]. Выходит, в поздний период в тюркских языках существовал еще один фонетический вариант слова – *üşük*, в значении ‘письменность’.

Понять собственно тюркское происхождение давнего и столь долго живущего слова *üzük-üzäk-üzük-üzük-üsik* помогло лишь осмысление истории рунического алфавита, заключенной в его уцелевших записях турфанского урочища Тойок, а его применение в отношении самих рунических письменных знаков – публикуемая здесь на скальной надпись из Казахстана.

Сегодня перед нами единственное документально установленное наименование рун самим тюркоязычным населением раннего средневековья – *üsik*. Однако учитывая этимологию слова и распространенность звонкого варианта основы, можно думать, что по отношению к руническому письму применялось и имя *üzük* или *üzük*. Возможно, в словах *üşük-üşük* отражено раннесредневековое уйгурское произношение, распространившееся с влиянием письменной речи, как в пространстве, так и во времени.

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. – М.: Наука, 1969. – 103 с.

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. – 366 с.

Базылхан Н. Древнетюркские письменные памятники Казахстана // Тюркология. Туркестан, 2008, № 5-6. – С. 117–122.

БРС 1958 – Башкирско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. – 804 с.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика / 2-е изд. – М.: Наука, 1989. – XII + 437 с.

Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. – М.: Русская деревня, 2006. – 89 с.

Документы 1967 – Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты каменец-подольской армянской общины) / Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И. Грунина. – М.: Наука, 1967. – 430 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII + 676 с.

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). – М.: Наука, 1972. – 227 с.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань: Типолитография Имп. Казанского ун-та, 1903. – XLII + 1540 + LXIV с.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Наука, 1994. – 327 с.

Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124–136.

Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3. – С. 163–184.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998, № 1. – С. 71–83.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003а. – 109 с.

Кызласов И.Л. Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек: Центр издательского развития, 2003б. – С. 43–52.

Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 104–122.

Кызласов И.Л. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. – М.: Восточная литература, 2005а. – С. 427–449.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология, 2005б, № 2. – С. 46–55.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек, 2005в. – С. 54–67.

Кызласов И.Л. Духовное развитие Южной Сибири в свете енисейской эпиграфики // Средневековая археология евразийских степей. – М. – Йошкар-Ола: Марийский гос. университет, 2006. – С. 19–39.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Малов С.Е. Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1956. – 197 с.

МРС 1957 – Монгольско-русский словарь / Под общей ред. А. Лувсандэндэва. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1957. – 715 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I–III / Труды института востоковедения АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1938–1939, т. XIV – VI + 566 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий / 2-е изд. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963 – 540 с.

РАС 1964 – Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – XXXIV + 875 с.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольский языков. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. – 164 с.

РБС 1964 – Русско-башкирский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 985 с.

РКС 1963 – Русско-калмыцкий словарь / Сост. Б.Б. Басангов. – Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1963. – 339 с.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Принт-S, 2010. – С. 329–344.

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // Кр. сообщения Ин-та археологии РАН. – М.: Наука, 2004, вып. 216. – С. 41–46

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Руническая надпись из ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2011. – С. 330–334.

РС 1984 – Русско-татарский словарь / Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Русский язык, 1984. – 734 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Словарь 2005 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В.И. Вербицкий. 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 496 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000, т. I. – 341 с.

ТС 1968 – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.

Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзяна. – М.: Наука, 1991. – 591 с.

Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 176 с.

Фрагменты 1980 – Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзяна. Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л.Ю. Тугушевой. – М.: Наука, 1980. – 175 с.

Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. – СПб.: Наука, 2005. – 195 с.

Bang W., Gabain A. von. Türkische Turfan-Texte. V. Aus buddhistischen Schriften // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. XIV. Berlin, 1931. – S. 323–356.

Clauson G. sir. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – LXVII + 987 p.

Erdal M. Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991, vol. I, II. – XIV + 874 s.

Kun G. Codex Cumanicus. – Budapest, 1981. – 55 + CXXXVIII + 395 p.

Kyzlasov Igor' L. The genuine ancient Turkic name for the runiform alphabet.

Summary. Toyok manuscripts written in the Runic alphabet witness its syllabic character and reflect its historical development in the course of many centuries. Only one native Turkic word reflects these processes from antiquity to our days. We have found it in one Runic inscription on a rock in West Kazakhstan; it is a prayer which belongs to Siberian-Turkic Manichaeism.

Key words: the native Turkic name for the runiform script, history of the alphabet, Siberian-Turkic Manichaeism, prayers' rock inscriptions

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

О ПЬЕСЕ МЕЛИХА ДЖЕВДЕТА АНДАЯ «ЗАКЛЮЧЕННЫЕ»

Оганова, з. Москва

Резюме. В статье делается попытка на примере пьесы «Заключенные» проанализировать новаторство художественного метода одного из наиболее известных современных турецких драматургов Мелиха Джевдета Андая. Даются общие выводы о сюжетной организации, способах изображения внутреннего мира героев и многогранной проблематике пьесы.

Ключевые слова. Современная турецкая драматургия, новаторство художественного метода, сюжетная организация, психологические характеристики героев, многогранность проблематики, одиночество

Известный турецкий поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик Мелих Джевдет Андай (1915–2002) оставил заметный след в истории современной турецкой литературы, задав новый вектор развития как турецкой поэзии, так и драматургии. Совместно со своими товарищами – известными поэтами Орханом Вели и Октаем Рыфатом, М.Д. Андай стал вдохновителем нового поэтического движения «Странное» («*Garip*»). Изданный в 1941 г. одноименный сборник стихотворений этих молодых поэтов по сути явился литературным манифестом, постулирующим их концепцию поэтического творчества, заключающуюся, прежде всего, в отказе от чрезмерной усложненности, рафинированности, формализованности и шаблонности турецкой поэзии в семантическом, структурном, ритмико-рифмическом плане. Не менее заметна роль М.Д. Андая в области драматургии. Каждая из десяти написанных им пьес: «Змея» («*Yılan*»), «Ревнивцы» («*Kıskançlar*»), «Осторожно, злая собака!» («*Dikkat köpek var!*»), «Бессмертные» («*Ölümsüzler*») и др. иллюстрирует оригинальность творческого метода драматурга и достойна стать предметом отдельного исследования. Однако наиболее успешными и в то же время наиболее дискуссионными по праву являются драмы «Заключенные» («*İçerdekiler*», 1965) и «Игра в микадо» («*Mikadonun çöpleri*», 1967). Написанные после более чем десятилетнего периода творческой «инкубации», они произвели на читателей и зрителей эффект разорвавшейся

бомбы, прежде всего благодаря абсолютно новой для турецкой драматургии подаче художественного материала.

В настоящей статье впервые предпринята попытка исследовать особенности сюжетной организации, способов изображения внутреннего мира героев и проблемное поле пьесы «Заключенные».

Действие пьесы происходит в тюрьме, где находится заключенный под стражу школьный учитель. Из глухих намеков становится понятно, что заключенного подозревают в написании манифеста, содержание которого, по всей видимости, носит революционный характер. Первое действие представляет собой диалог Заключенного и Комиссара (персонажи этой пьесы не названы), в котором последний стремится всеми правдами и неправдами выбить из Заключенного признание в том, что тот якобы осуществлял антигосударственную деятельность.

Пытаясь добиться своей цели, Комиссар использует различные методы воздействия: он то угрожает Заключенному, то ведет себя по-дружески, то пытается вызвать к его логике и здравому смыслу.

Диалог снова и снова возвращается к возможному свиданию Заключенного с женой. Комиссар умело играет на чувствах и инстинктах арестанта, который после долгих месяцев заключения готов на все, лишь бы побыть наедине с женщиной; сальные намеки и нездоровое воображение Комиссара еще больше будоражат сексуальные желания Заключенного, парализуют способность последнего здраво мыслить и принимать адекватные решения. Комиссар же, в собственной сексуальной жизни которого явно существуют серьезные проблемы, испытывает откровенный, прямо-таки патологический интерес к чужой интимной жизни и предлагает Заключенному собственный кабинет для свидания с женой в обмен на то, чтобы понаблюдать за происходящим.

Второе действие начинается с прихода в тюрьму Девушки (сестры жены), которая по воле случая вынуждена заменить заболевшую жену Заключенного. Девушка чиста и непорочна, она испытывает искреннюю симпатию и сочувствие к Заключенному. Ее не коснулась та «болезнь», которая искалечила душу комиссара и которой, оказывается, не в силах сопротивляться Заключенный. Придя из другого мира – и в прямом, и в переносном смысле, она попадает в комнатунку-клетку, где Комиссар и Заключенный, страдающие нереализованными сексуальными желаниями, ведут неравный бой со своими демонами. Комиссар в предвкушении «клубнички» удаляется, оставляя Заключенного и Девушку наедине. Поначалу спокойная, даже приветливая беседа этих двух героев перерастает в неистовое действие, когда сжигаемый страстным желанием Заключенный, идя на поводу у своих животных инстинктов, оказывается во власти своих греховных желаний: он цинично пристает к беззащитной Девушке, пытаясь изнасиловать ее. Потрясенная Девушка отчаянно сопротивляется. После короткого «затмения» Заключенный приходит в себя, ему даже удается наладить с родственницей прерванный душевный разговор.

Пьеса заканчивается тем, что Комиссар начинает колотить в дверь кулаками, под его напором замок ломается и блюстителю порядка врывается в кабинет как «необузданное животное». Девушку после грязных намеков выдворяют вон. Комиссар принуждает Заключенного снова сесть за стол и начинает допрос с начала.

Образы персонажей в представлении читателя складываются уже с самых первых страниц пьесы благодаря достаточно большому паратексту (паратексты, посвященные описанию внешности Комиссара и Заключенного, занимают в совокупности одну печатную страницу). Так, из описания внешности Комиссара в

начале первой сцены мы узнаем, что ему лет пятьдесят, он бодр, одет достаточно неряшливо, без лоска, перебирает папки на столе и одновременно угощается каленым горохом из блюдечка, стоящего рядом; смотрит на настенные часы, сверяет их с наручными [Anday 2004: 11]. Характерно, что на протяжении всей пьесы Комиссар неоднократно бросает взгляд на часы, словно подгоняя рабочее время. В дальнейшем Комиссар к поеданию этой традиционной турецкой закуски добавляет еще одно действие: постоянно перетасовывает колоду карт («Он встает из-за стола, достает из внутреннего кармана колоду игральных карт и бродит по кабинету, перемешивая их» [Там же: 12 и сл.]). Этот своеобразный обряд, который Комиссар выполняет несознательно, автоматически, происходит достаточно часто.

Итак, Комиссар представлен человеком, не слишком заботящемся о своем внешнем виде; очевидно, он скучает на работе, пытаясь создать видимость деятельности. Его манипуляции с каленым горохом и игральными картами свидетельствуют об определенной неврастеничности героя, его неуверенности в себе. «Бытовые реалии» в пьесе несут и еще одну немаловажную функцию: Комиссар инстинктивно пытается выдать за свой быт совершенно «безбытное» существование, его полное отсутствие. В этом плане интересно сопоставить пьесу «Заключенные» с некоторыми наиболее значимыми пьесами театра абсурда: взаимодействие с предметами, когда-то ранее являвшимися собой часть быта, для героев драмы абсурда – почти единственное и главное занятие. Например, в пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» «манипуляции Владимира и Эстрагона с ботинками и шляпой, как и их манипуляции с едой, скорее напоминают о цирке с жонглированием и трюками. Предметы будто бы переходят в разряд реквизита, который профанирует бытовое пространство» [Сальникова 2005: 49].

Тесный кабинет для допросов коррелирует с маленьким, ограниченным мирком самого Комиссара. В его жизни нет просветов и надежды на какие-то положительные изменения, способные положить конец опостылевшей рутинной деятельности. Главная его мечта – уйти на пенсию и уехать в Бразилию, чтобы стать там частным детективом, потому что, как он слышал, в Бразилии частные детективы хорошо зарабатывают.

Интересно обратить внимание еще на одну деталь: из паратекста же мы узнаем, что действие происходит в субботу. Очевидно, Комиссар не на очень хорошем счету у начальства, раз вынужден в выходной день просиживать штаны на работе без особой на то надобности. Такое положение дел подтверждается и дальнейшим телефонным разговором Комиссара с начальством, из которого очевидно, что его руководители недовольны затянувшимся допросом Заключенного. Комиссар заискивающим голосом берет всю вину на себя, выпрашивает у начальства еще два дня на то, чтобы все-таки «расколоть» арестанта.

Образ Заключенного резко контрастирует с образом Комиссара с первых страниц текста: из паратекста, посвященного описанию внешности и внутреннего состояния Заключенного, мы узнаем, что ему приблизительно тридцать пять лет; у него лицо человека, полностью порвавшего связь с внешним миром, замкнувшегося в себе. Он не испуган, спокоен. Бросается в глаза, что он только что побрился и тщательно причесался.

Как мы видим, несмотря на то, что Заключенный находится в тюрьме уже больше года и его единственным собеседником является опротивевший Комиссар, арестант с вниманием относится к своему внешнему виду, регулярно проводит необходимые действия для поддержания своего человеческого облика. На протяжении всей пьесы указания паратекста подкрепляют у читателя впечатление о том, что Заключенный – личность гораздо более развитая и гармоничная,

нашедшая свое место в профессиональном (работает учителем в школе) и социальном плане (женат уже семь лет и несмотря на то, что у них с женой нет детей, очевидно, достаточно счастлив в браке). Эта устойчивость в реальном мире обуславливает достойное поведение Заключенного в тюрьме, крепость его морально-нравственных установок, решимость не сдаваться и не унижаться.

Из второго действия, однако, читателю становится ясным, каких нечеловеческих усилий стоит Заключенному сохранять человеческое лицо в этих нечеловеческих условиях. За внешними приятными манерами, холодной вежливостью и уравновешенностью Заключенного скрываются демоны, которые в критический момент вырываются наружу. Как мы позже узнаем из признания Заключенного Девушке, он был уже близок к тому, чтобы сдать. Попытка изнасилования сыграла для Заключенного роль своеобразного «катарсиса», шоковой терапии, после которой он, по собственному признанию, только укрепился в собственной правоте и силе [Anday 2004: 73].

Психологические характеристики героев углубляются при помощи многочисленных ремарок, предваряющих реплики и способствующих передаче эмоционального состояния участников диалога в каждый конкретный момент: «хладнокровно», «с усмешкой», «замыкаясь в себе», «испуганно» (о репликах Заключенного); «с интересом», «выходя из себя», «срываясь на крик», «неожиданно успокаиваясь» (о репликах Комиссара).

Значительная роль в диалогах отводится реминисценциям из жизни героев. Так, из воспоминаний Комиссара мы узнаем, что его семейная жизнь не удалась, она омрачается конфликтами с сыном, частыми скандалами с ревливой женой и пр.; неуверенно чувствует он себя и на профессиональном поприще. Быть может, он пришел на работу в субботу и по собственному желанию, чтобы помозолить глаза начальству и в очередной раз продемонстрировать свое трудовое рвение? А может, чтобы быть подальше от собственной семьи?

Характерно распределение реминисцентных вставок в пьесе. Воспоминания из жизни Комиссара концентрируются в первом действии. Комиссар, так сильно страдающий от одиночества, раскрывает свою душу перед Заключенным, сообщает тому достаточно интимные лирические детали своего прошлого и настоящего, делится планами на будущее. Очевидно, что других желающих поддерживать разговор с Комиссаром нет. Так, может быть, Комиссар пришел в субботний день на работу, просто чтобы еще раз пообщаться с Заключенным?

Заключенный же, напротив, в присутствии Комиссара достаточно молчалив, говорить его заставляет лишь необходимость. Когда Комиссар пытается выпытать у своего визави интимные подробности его жизни, тот достаточно резко его обрывает: «Что, снова допрос начался?» На это Комиссар удивленно восклицает: «Какой допрос? Да мы просто беседуем, дорогой». Заключенный откровенничает только с Девушкой во втором действии (до и после «затмения»), доводя ее своими трогательными рассказами до слез. Поэтому все реминисцентные вставки из жизни Заключенного включены в художественную ткань только второго действия. Показателен рассказ Заключенного о его нелегком детстве: он рано потерял отца, семья очень нуждалась; однажды мать под напором сына, желающего быть не хуже других, отдала последние деньги на то, чтобы он – тринадцатилетний подросток – смог пойти с друзьями в кино развлечься. Осознавший всю грубость и глупость своего поступка, юноша отказался от увлекательной прогулки и вернулся к матери. Между ними состоялась пронзительная сцена примирения: оба они – и мать, и сын – плакали навзрыд [Anday 2004: 70–71]. На основе этого воспоминания становится понятным, что вся эта жесткость, суровость, молчаливость Заключенного, – лишь оболочка, за которой прячется

его сентиментальная, ранимая, трепетная душа. Такой психологический портрет Заключенного поддерживается также эпизодом с кошкой. Подробный анализ реминисцентных вставок пьесы дан в статье известного турецкого исследователя современной турецкой драматургии Севды Шенер [Şener 2003: 172–182].

Образ Девушки прописан слабо, она является лишь вспомогательным персонажем,двигающим сюжет. На основании небольшого паратекста и анализа ее поведенческих реакций в нестандартной ситуации можно заключить, что Девушка испытывает большую нежность и жалость к Заключенному, хочет сделать все от её зависящее, чтобы хоть как-то подбодрить его. Несмотря на свой юный возраст, она предстает достаточно мудрой, чтобы правильно оценить сложившуюся ситуацию: моментально прощает Заключенного, считая, что «он пережил кризис», продолжает с нежностью беседовать с ним, принимает решение не рассказывать о случившемся сестре. Драматург выносит Девушку как бы за скобки образной системы не случайно. Его главной задумкой было сконцентрироваться на образах главных действующих лиц.

Даже краткий анализ психологических образов Комиссара и Заключенного позволяет сделать вывод, что при высвечивании характеристик главных персонажей М.Д. Андай многократно прибегает к приему бинарной оппозиции: неряшливый (К.) – с заботой относящийся к своему внешнему виду (З.); невежественный (К.) – образованный (З.); нервный (К.) – спокойный (З.); неуверенный в себе (К.) – испытывающий чувство собственного достоинства, уверенный в себе (З.); заискивающий (К.) – презирующий (З.) и др.

Благодаря этому словесная дуэль Комиссара и Заключенного не теряет своего накала ни на минуту; эмоциональный рисунок диалогов стремительно меняется буквально с каждой фразой. Уже в самом начале их допроса-беседы становится очевидным, что Комиссар «превосходит» Заключенного лишь благодаря тем должностным полномочиям, которыми наделен. Однако Заключенный зависим от Комиссара только физически; в эмоциональном плане он безусловно более зрелый, более самостоятельный, имеющий в жизни более прочные точки опоры. Комиссар, несмотря на свое достаточно ограниченное сознание, это отчетливо понимает и оттого злится еще больше. Страж порядка никак не может заставить Заключенного признать свою вину, но еще больше он страдает из-за того, что не может переломить своего соперника в эмоциональном плане. Вот почему Комиссар так часто начинает срываться на крик, нервничать. Заключенный совершенно очевидно презирует своего визави, но вынужден мириться с тем, что вот уже в течение года это его единственный собеседник. Это понимает и Комиссар: он хотел бы вести себя более достойно, солидно, но ему никак не удается перевести игру на свою половину поля. Несмотря на то беспокойство, которое у Комиссара вызывает очевидное превосходство Заключенного, блюстителю порядка все же нравится его – пусть и не добровольный – собеседник. Заключенный каким-то образом скрашивает безрадостное существование и неуспешную профессиональную деятельность Комиссара. Порой Комиссар просто восхищается Заключенным, не стыдясь открыто в этом признаться: «Есть в тебе какая-то магия. Человеку рядом с тобой хочется быть честным» ... «А ты ведь не пал духом... Ты стоял как скала, к каким только методам я ни прибегал, чтобы заставить тебя заговорить, все напрасно... Я постепенно понимаю, что проиграл»... «Но почему-то у меня не получается на тебя сердиться. Скорее, ты мне любопытен». В определенные моменты в словах Комиссара просачивается жалость к Заключенному. Он снова искренен с ним: «С тобойстряслась беда, сунул свой нос в политику... Да какое тебе дело, брат! Ты что, можешь изменить

мир? Что, кроме тебя, у нас в стране не осталось больше патриотов?» [Anday 2004: 24–29].

Это эмоциональное превосходство Заключенного приводит к тому, что временами он меняется с Комиссаром местами, беря бразды правления в свои руки. Вот показательный пример:

З.: Вы что, специально протянули мне пачку сигарет? Чтобы ударить:

К.: Нет.

З.: Действительно только для того, что предложить мне сигарету?

К.: Да.

З.: А зажигалку? Зажигалку вы мне протянули действительно для того, чтобы я прикурил сигарету?

К.: Да.

З.: Раз так, то...

К.: (садится в кресло, рассеянно) Почему я тебя ударил... Ты ведь это хотел спросить?

(Молчание)

К.: Смотри-ка. Это ведь я должен тебя допрашивать, а получается, что ты допрашиваешь меня ... [Там же].

Дав общее представление о сюжетной структуре пьесы и характерах ее главных героев, попытаемся суммировать изложенное и в то же время выявить ту основную идею, которую, на наш взгляд, стремился донести до читателя / зрителя сам М.Д. Андай.

«На поверхности» – без преувеличения сенсационный для турецкого читателя / зрителя сюжет. Насколько нам известно, М.Д. Андай впервые в турецкой драматургии поднял и настолько откровенно попытался проанализировать проблему давления на человека его грязных инстинктов. В то же время нельзя не отметить, что несмотря на весь накал страстей во втором действии, драматург не переступает черту дозволенного и не смакует интимные подробности в угоду популярности (такой цели он и не ставил!).

Сюжетная организация пьесы отчетливо иллюстрирует словесное мастерство М.Д. Андая-драматурга. По сути сюжетный каркас поддерживается одним эпизодом – попыткой изнасилования. За вычетом этого события художественное пространство пьесы бессобытийно. Нужно отметить, однако, что длительные диалоги, заполняющие собой все первое действие, при своей внешней «статичности» служат катализатором основного события. Они представляют собой своего рода «эмоциональное обоснование» патологических действий и поступков Комиссара и Заключенного. Собственные внутренние проблемы героев выплескиваются в конечном итоге в буйство их грязных инстинктов и желаний. Однако эти действия ими воспринимаются по-разному. Для Комиссара затеянный спектакль – лишь один из способов расцветить свое тусклое существование; для Заключенного – изгнание дремавшего змея, выброс отрицательных эмоций. «Просветление» Заключенного после сцены с изнасилованием отчетливо коррелирует в пьесе с его воспоминанием из детства (эпизод с матерью), который поспособствовал ему в переоценке ценностей, вывел на новую ступень самосовершенствования. Однако проблематика пьесы отнюдь не ограничивается исследованием роли либидо в жизни человека. По нашему мнению, драматург стремился прежде всего исследовать проблему одиночества (физического и эмоционального) человека в современном обществе, представить свое видение этой проблемы.

Для раскрытия этого проблемного слоя в пьесе немаловажную роль играет смена (перемена?) ролей. Уже упомянутый нами перевертыш «палач – жертва» из первого действия – лишь внешнее проявление глубоких психологических процессов, переживаемых участниками диалога. На протяжении всего первого действия у читателя настойчиво возникает вопрос: а кто же действительно и в какой мере является жертвой? Кто является заключенным?

Конечно, этот вопрос нельзя рассматривать прямолинейно и полагать, что заключенный – это тот, кто сидит в тюрьме, кто лишен свободы физически. Комиссар, как и арестованный, утратил связь с окружающим миром, он также заключен в стенах маленькой комнатки, заперт в бессмысленности собственного существования. Если учитель, находящийся в тюрьме за распространение идей, идущих вразрез с идеями местного правительства, не может вырваться, потому что связан по рукам и ногам физически, то Комиссар находится в плену у обстоятельств, он пленник в гораздо более широком смысле. Ему хочется выбраться из этого заключения, освободиться, именно поэтому он не раз говорит о том, что после выхода на пенсию отправится в Бразилию и станет там частным детективом. Бразилия в данном контексте – все тот же нереальный мир, несбыточная мечта. Вряд ли Комиссар даже представляет себе, где находится эта страна.

М.Д. Андай в завуалированной форме задает вопрос, разве тот, кто все время выполняет рутинную, постылую, зачастую никому не нужную работу, не является сам заключенным. Разве тот, кто не может «отпустить» свое сознание, так сказать, раскрепоститься в сфере личных взаимоотношений, например, с супругой и сыном, с коллегами, не является заключенным? Разве тот, кто является жертвой одиночества, не является заключенным? Здесь уже явно звучат проблемы экзистенциального характера.

Во втором действии пьесы происходит еще одна значимая смена ролей. Заключенный – пусть и неосознанно – примеряет на себя функции палача теперь уже в отношении Девушки. Он запер дверь на ключ и волен (или, точнее сказать, неволен) творить, что пожелает. Если в первом действии Заключенный выступал палачом Комиссара в эмоциональном плане, то здесь он, испытывая чувство псевдопревосходства (сродни тому же, которое испытывает по отношению к нему Комиссар), уже является палачом в физическом смысле. Палачом, но снова жертвой – своих сексуальных желаний!

Таким образом, при более глубоком прочтении пьесы становится очевидным, что трагедия героев пьесы проистекает из того, что оба они являются *жертвами одиночества*: Комиссар – одиночества эмоционального, Заключенный – физического. Развивая эту мысль М.Д. Андая дальше, можно предположить и вывод, к которому, мы уверены, и стремился привести своего читателя / зрителя драматург: тот, кто одинок, становится тираном.

В завершение интересно проанализировать перевод заглавия пьесы на русский язык. Принятое в отечественной традиции заглавие – «Заключенные» – не передает, к сожалению, той многогранности проблемы, которую вынес в заглавие М.Д. Андай. Дело в том, что слово «*içerdekiler*» дословно переводится как «те, кто внутри». Соответственно другой, философский ракурс исследования проблемы (являются ли те, кто внутри, поистине заключенными?) остается вообще вне проблемного поля русского заглавия. Попутно заметим, что русский перевод лишает заглавие и его завораживающей роли, поскольку для турецкого читателя / зрителя в заглавии априори содержится некая интрига (внутри чего?), в то время как в русском варианте акценты расставлены однозначно и не предполагают дополнительных трактовок. В связи с этим можно было бы подумать

над более адекватным переводом названия этой пьесы об одиночестве и заключении.

Заслуживает внимания тот факт, что в характере исследования проблемы одиночества у М.Д. Андая турецкие литературоведы уловили отзвуки мировоззрения Ж.П. Сартра «Мой ад – это другие», постулируемого драматургом в его пьесе «За закрытыми дверями» (варианты названия «За закрытой дверью», «Взаперти», 1943) [Yüksel: 50], что, в частности, позволило ученым квалифицировать пьесу М.Д. Андая как «драму абсурда» [Yüksel: 50; Belkis 2003: 262]. В настоящей статье мы не ставили себе целью дать однозначную оценку пьесы «Заключенные» с точки зрения ее соотнесенности с традициями европейской абсурдистской драмы, наметим здесь лишь возможное русло дальнейшего специального исследования этой проблемы. Пьеса М.Д. Андая, как драгоценный камень, сверкает каждый раз по-разному в зависимости от того, какой стороной ее повернуть.

ЛИТЕРАТУРА

Сальникова Е.В. Английские предтечи абсурда. // Театр абсурда. Сб. статей и публикаций. – СПб., 2005. – С 31–49.

Anday Melih Cevdet. İçerdekiler. Toplu oyunları – 2. – İstanbul, 2004 – S. 7–75.

Belkis Özlem. Kaleminden Sahneye. – İstanbul: YGS yayınları, 2003. – S. 2.

Şener Sevda. Melih Cevdet Anday'ın oyunlarında anı-öyküler // Şener Sevda. Gelişim sürecinde Türk tiyatrosu. – İstanbul: Alkım Yayınevi, 2003/ – S. 172–186.

Yüksel Ayşegül. Melih Cevdet Anday: Apollon'dan esinlenmiş bir tiyatro ozanı // Yüksel Ayşegül. Çağdaş Türk tiyatrosundan on yazar. – İstanbul: Mitos Boyut yayınları. – S. 49–52.

Oganova, Elena A. About Melih Cevdet Anday's play "The ones inside"

Summary The author of the article is making an attempt to define the novelty of the artistic method in the drama "The one's inside" created by one of the most prominent modern Turkish playwrights Melih Cevdet Anday. The narrative organization of the play, the ways of reflecting heroes' inner world, the problems referred to by the play are also commented on.

Key words: Modern Turkish dramaturgy, novelty of the artistic method, narrative organization, heroes' inner world, solitude

СБОРНИК МУАММА НА ОСМАНСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.А. Джураев, г. Ташкент

Резюме. В статье даются сведения о сборнике стихов, написанных в жанре муамма и принадлежащих перу поэтов Османской империи. Автор также сравнивает общие особенности и своеобразие стихов муамма османско-тюркских поэтов с муамма поэтов Мавераннахра и Хорасана, живших в средние века, и делает выводы по этим вопросам.

Ключевые слова: поэзия, муамма, османские поэты, Хорасан, Мавераннахр

В XV–XVI вв. в Хорасане, а затем в Мавераннахре и Персии, которые входили в состав империи Тимуридов, массовое распространение приобрел новый поэтический жанр, известный под названием *муамма* (узб., тадж. *муаммо*). «В литературе *муаммо* выступает в качестве поэтического жанра, состоящего из одного бейта – фарда или четверостишия, иногда – *кыта* и даже в составе *газели*, откуда посредством различных правил по намекам требуется выявить определенное имя или что-либо другое. По утверждению всех теоретиков этого жанра, *муамма* – «поэтическая речь» (*каломи мавзун*); читатели должны догадаться о заключенном в нем имени и понять заключенный подтекст. При расшифровке *муамма* знаками и намеками служат приемы художественного мастерства, формы и названия букв алфавита, численное значение букв, знаки зодиака, форма цифр, грамматические правила, семантико-лексические особенности слов и т.п.» [Захидов 1970: 8–9].

О популярности муамма свидетельствует тот факт, что в Герате не редко были поэтические вечера, на которых обсуждались вопросы, связанные с выбором и обоснованием правил написания и прочтения (расшифровки) нового и сложного во всех отношениях литературного жанра. Тогда же появились первые сборники-диваны муамма (обычно такие сборники носили название *рисала* или *муаммайат*), а также научные трактаты, посвященные канонам муамма.

Сборники муамма можно подразделить на две группы. В первую входят только *муамма*, посвященные 99 именам Аллаха и пророка Мухаммеда. Во вторую группу сборников входят *муамма*, составленные в алфавитном порядке. Как известно, в *диванах*, состоящих из газелей, газели должны располагаться в алфавитном порядке. В этом случае обращается внимание на последнюю букву каждого бейта газели. А в *диванах*, составленных из стихов *муамма*, обращается внимание на первую букву имени, которое скрывается в строках муамма. Еще одна особенность второй группы: согласно правилам составления *диванов*, в первую очередь в сборник включают стихи *хамд* (стихи, славящие Аллаха), затем – *наты* (стихи, в которых восхваляется пророк Мухаммед), *менкабет* (восхваление четырех халифов – Абу Бекра, Омара, Османа и Али), *муслибат* (восхваление сподвижников пророков и святых) и другие. Нужно заметить, что в некоторых сборниках стихи размещены не в алфавитном порядке.

Постепенно муамма, к становлению и развитию которого причастны выдающиеся мастера поэтического слова (Алишер Навои, Абдуррахман Джами и др.), приобрело широкую популярность и нашло своих поклонников в Индии и османской Турции.

Впервые муамма на языке тюрков-османов, согласно имеющейся информации, появились в XVI в. Например, в книге «Divan edebiyatında muamma», составленной Али Нихадом Тарланом, самые ранние муамма датируются второй половиной XVI в. [Tarlan 1936]. По свидетельству ученого, более других в жанре муамма преуспел Эмри Челеби (ум. в 1577 г.), о чем упоминает в своих мемуарах его сын, Хасан Челеби. Последователем Эмри Челеби считают Кыналы-заде Али Челеби, муамма которого снискали всенародное уважение.

По свидетельству Али Нихада Тарлана, Эмри Челеби и Кыналы-заде Челеби глубоко изучали теорию муамма, изложенную в трудах Хусайна Нишапури. Сурури Мустафа Эфенди (ум. в 1552 г.) написал комментарии к трактатам Хусайни и Абдуррахмана Джами. Джами посвятил теории муамма четыре трактата. К сожалению, А. Тарлан не уточняет, к какому именно трактату написал комментарии Сурури. Весьма важно замечание А. Тарлана о том, что как в персидской поэзии того времени, так и в османско-тюркской вошло в обычай написание муамма, посвященных именам падишахов, эмиров, выдающихся мыслителей, ученых и т. д. [Tarlan 1936: 4–5].

А. Тарлан наряду с этим дает сведения о правилах составления стихов муамма. Несмотря на то, что приведенные примеры к правилам были на османско-тюркском языке, имена авторов не были указаны, не были проанализированы стихи муамма вышеуказанных поэтов и не приведены сведения о других поэтах этого жанра.

Изучая рукописи, в которые вошли муамма, мы встретили один сборник стихов, написанных в этом жанре, на османско-тюркском языке.

Сборник муамма хранится в настоящее время под инвентарным номером 328 в фонде Абдуллы Челеби библиотеки Сулеймания в Стамбуле. Стихи написаны каллиграфическим почерком – *насталик* – среднего размера, на высококачественной бумаге *хафтранг* (восьмицветная). Имена авторов муамма и имена, которым муамма посвящены, выделены красными чернилами.

В сборник вошли муамма Эмри Ахмада Челеби, Ханнолу-заде Али-эфенди, Хашими Бурсави, Убайди и Фуруги-эфенди. Включены также два стихотворных трактата, принадлежащих Шахобиддину Муаммаи. Известно, что в Мавераннахре и Хорасане по сложившейся традиции сборники муамма сопровождались трактатами, посвященными жанру муамма, которые облегчали читателю расшифровку скрытого смысла.

Муамма Эмира Ахмада Челеби, вошедшие в сборник, разделены на две части. Первая из них начинается под заголовком «از آن شارح معمایات امری احمد چلبی» («المعمای») и завершается месневи, состоящим из 14 бейтов, первая строка которого следующая: «صنوبر دلاور جنگ ایدر تنها بر اژدرله». В рассматриваемый раздел вошло 126 муамма, изложенных в форме месневи на османско-тюркском языке. Размеры муамма не превышают одного бейта (л. 80а–88а). Расположены стихи хаотично, т. е. не в алфавитном порядке.

Во второй раздел, или вторую часть, под тем же, что и предыдущая часть, названием вошли муамма, которые изложены Э. Челеби на персидском языке (всего 71 муамма в форме месневи по одному бейту; л. 88б–92а). Размещены муамма в алфавитном порядке от первой буквы до буквы «و», однако на некоторые буквы муамма не составлены.

Следующие за буквой «вав» муамма расположены хаотично. Завершается раздел серией муамма под заголовком «خارج از رساله», посвященных ряду имен: «و معدله», «سلطنه», «ضلال», «مدالله تعالى», «بهادرخان», «سلطان حسين», «ابوالغازى»; «حسن شاه», «على العلمين», имени «شاه ابوالفتح بدیع الزمان» и еще 13 персонам. Не исключено, что эти муамма принадлежат неизвестному хорасанскому поэту.

Муамма Ханнолу-заде Али-эфенди помещены в сборнике под заголовком «معمايات حنالوزاده على افندی نورالله مرقدہ» (всего 97 муамма, л. 956–1006). Муамма изложены в стиле месневи и не превышают размера одного бейта. Автор придерживался алфавитного порядка, если по какой-то причине пропускал букву, то очередность переходила к следующему алфавитному символу.

Муамма Хашими Бурсави даны под заголовком «معمايات هاشمی برسوی». Ему принадлежат 27 муамма (л. 101а–102б). Муамма размещены хаотично.

Муамма Убайди следуют под заголовком «معمايات عبيدى رحمه الله تعالى». Ему принадлежат 123 муамма (л. 103а–110б).

Муамма Фуруги-эфенди размещены хаотично под заголовком «معمايات فروغی افندی». В сборник вошло 16 муамма (л. 110б–111б).

В книге, составленной Али Нихадом Тарланом, содержится скупая информация об Эмри Ахмаде Челеби и Ханнолу-заде Али-эфенди, имя которого А. Тарлан трансформировал в Кыналы-заде в соответствии с нововведениями в турецком языке.

В «Камус ал-алам» Сами содержатся сведения о двух османских поэтах, творивших под псевдонимом Фуруги и живших в тринадцатом веке хиджры. Первый из них – Ахмед из Бурсы, был ученым суфием.

تیرینه سینه می طوتار می سپر
یورکی اولمسه دمیر دین اگر

Настоящее имя второго – (Хаббатуллах) Ибтидаи, он прослыл как муфтий из Сирии. Впоследствии, приехав в Багдад, Ибтидаи служил при дворе знатного человека того времени, Атауллаха-эфенди. Вел жизнь суфия, сочинял блистательные стихи в жанре муамма. Ему принадлежит следующий бейт:

نهال قدر دلجویگ سنگ شاخ گل تر در
دهانگ تازه غنچه رخوک گلبرگ غبر دور

В обсуждаемой рукописи об этом авторе муамма, за исключением того, что он подписывался «Фуруги-эфенди», нет более ни слова. Достаточных сведений о поэтах, писавших под псевдонимом Фуруги, в «Камус ал-аламе» тоже нет [Sami: 3398]. Несмотря на это, мы предполагаем, что второй поэт может быть Фуруги, стихи которого вошли в изучаемый нами сборник. Основываясь на этом предположении, можно сказать, что его имя Хаббатуллах, он из Сирии и неплохо писал стихи.

Если сведения в «Камус ал-алам» подтвердят наши предположения о втором авторе, то Фуруги будет признан автором не только прекрасных муамма, но и газелей.

К сожалению, о прочих авторах муамма ничего конкретного установить не удалось. Несмотря на это, по общему характеру и индивидуальному своеобразию муамма, вошедших в рукопись, можно прийти к следующим выводам: во-первых, предлагаемые сборником муамма соответствуют одному бейту и, во-вторых, все они, без исключения, созданы в стиле месневи. Кроме того, исследуемые муамма содержат намеки и полунамеки, свойственные поэзии Мавераннахра и Хорасана.

Содержание муамма излагается, как правило, от имени лирического героя, безнадежно влюбленного, воспевающего верность и призывающего к милосер-

дию. В отдельных случаях автору муамма удается передать в одном бейте сложную гамму психологических переживаний, но вместе с тем требования, предъявляемые к жанру муамма, сохраняются.

В подтверждение рассмотрим муамма Эмри Челеби, посвященное имени «Омар».

اولدی چون سرداری خوبان اول صنم
لازم اولدی اول ماه بیحد علم

Луно[ликой] придется огорчаться безгранично,
Так как та возлюбленная стала впереди всех красавиц.

В двестишии речь идет о смертельной зависти красавицы, которую затмила более совершенная красота.

Согласно правилам жанра муамма, на основании намеков строки «*لازم اولدی*» («Луно[ликой] придется огорчаться безгранично») обращаем внимание на слово «ماه» («луна»). На его основе по правилам *терадюф* и *иштирак*¹ выбираем слово «*قمر*» и делаем его «безграничным», то есть отбрасываем первую букву по правилу *искат*². Остается часть «*مر*». Теперь еще раз обращаем внимание на ту же строку: «*لازم اولدی اول ماه بیحد علم*» («Луноликой придется огорчаться безгранично»). По намекам можно понять, что для «луно[оликой]» («ماه») слово «علم» должно быть «безграничной». Точнее говоря, от слова «علم» по правилам *искат* отбрасывается первая буква. И эта отброшенная буква присоединяется к полученной выше части от слова «*قمر*» – «*مر*». В результате получается имя «*عمر*» (*Омар*).

Муамма Ханнолу-заде Али Эфенди посвящено имени «Ахмад».

شوق وصالگله ای در نایاب
خون دل اولدی دامن احباب

От желания встречи с тобой, о несравненная жемчужина,
Окрасились кровью сердец подола близких друзей.

В двестишии лирический герой, обращаясь к красавице, утверждает, что сердца всех близких ему людей от желания увидеть её лицо переполнились кровью. И эта кровь окрасила их подола.

Основная нагрузка муамма падает на вторую строчку бейта. В ней говорится «*خون دل اولدی دامن احباب*» («Окрасились кровью сердец подола близких друзей»). Исходя из намеков, мы обращаем внимание на изафетное сочетание «*خون دل*» (*хуни дил*). Из него нам надо будет получить синоним слова «*خون*». Этим словом является «*دم*» (*дам*), в котором первая и последняя буквы, согласно намеку, по правилу *калб*³ меняются местами. В результате появляется сочетание «*مد*» («мад»). Недостающие к имени «Ахмад» буквы («а» и «х») изымаются из слова «*احباب*» (*ахбаб*), на что указывает изафетное сочетание «*دامن احباب*» (*домани ахбаб*). Это делается на основе приема *искат*. От слова «*احباب*» отбрасывается часть «*باب*», и оставшаяся часть присоединяется к сочетанию «*مد*» («мад»). В результате находим имя «*احمد*» (*Ахмад*), которое было скрыто в муамма.

¹ В правилах *терадюф* и *иштирак* намекается на использование омонимов и синонимов, а также на омоформы определенных слов. Например, если в муамма приводятся такие слова, как *шамс*, *куёш*, *офтоб*, *мехр*, «*айн*», то подразумевается «солнце», если слова «*ой*», «*камар*», «*мох*» – это слово «луна» [См: Захидов 1970: 22].

² По правилу *искат* отбрасывается одна или несколько букв из слова, заключающего в себе определенный смысл [Захидов 1970: 23].

³ Согласно приему *калб*, места букв, слогов или слов изменяются по определенному порядку, либо без него [Захидов 1970: 23].

Следующее муамма посвящено имени «Акмал»:

هلاکمه هوسی اولمسه او زلف نگون
دروندن ایلییدی غایت جفایی برون

‘Дай бог, чтобы смерть моя не была бы мечтою для красавицы,
Которая приносит беспредельную внутреннюю боль, что сильнее внешней’.
Герой бейта жалуется, что любимая причиняет ему массу незаслуженных страданий.

Действие бейта разворачивается вокруг слова «هلاکمه» (*халокима*). Носителями намека являются слова «دروندن» (*даруни* ‘внутренний’) и «برون» (*берун* ‘внешний’). Тот, кто понял намек, опускает первую и последнюю буквы «о» («х») слова «هلاکمه». В результате остается часть «لاکم». Оставшиеся буквы по правилу *калб* переставляются на нужные места. В результате получаем имя «اکمل» (*Акмал*).

Перед вами муамма Хашими Бурсави, посвященное имени «Али»:

مست عشق اولسه عجیمی دل زار
کورینور چشمه هر دم لب یار

Не обидно, если пьянеет бедная душа,
И всегда возникают перед взором губы любимой.

Смысл бейта сводится к тому, что человеку, опьяенному любовью, день и ночь чудятся алые губы любимой.

Ключевой тезис бейта заключен в выражении «کورینور چشمه» (*гёрюнюр чешме*). По намекам этого сочетания нам следует подобрать синоним к слову «چشمه» (*чешме*). Это будет «عین» («айн»). Слово «айн» одновременно обозначает и букву «ع» («айн») и «источник». Недостающие буквы к имени Али, согласно намеку «کورینور چشمه هر دم لب یار» (*гёрюнюр чешме хер дам лаби яр*), отбираются на основе правила *интикад*⁴ от первых букв слов «لب» (*лаб*) и «یار» (*яр*). Соединив рекомендуемые буквы, получим имя «علی» (*Али*).

Далее предлагаем ознакомиться с муамма Убайди, посвященным имени «Раджаб»:

تیغ و تیری حصار بدنه وار نچه
برج دلدۀ اولدر هر یری مقدار نچه

Она нанесла раны по крепости тела ножом и мечом.

Наравне с каждым из этих ударов оставит и раны в душе.

Муамма Убайди, как и предыдущие, построено на любовных переживаниях. Здесь описываются раны, нанесенные влюбленному со стороны возлюбленной.

Автор прямо указывает на то, что определяющим словом в бейте является слово «برج» (*бурж*). Достаточно расставить буквы в приведенном выше слове, следуя правилу *калб*, чтобы получить скрытое в бейте имя «رجب» (*Раджаб*).

В заключение можно сделать вывод: нет никаких сомнений в том, что в средневековой Турции, вслед за Мавераннахром и Хорасаном, появилась плеяда поэтов, овладевших в совершенстве жанром муамма. Турецкие поэты, как и их восточные коллеги, писали муамма на двух языках, которые

⁴ По правилу *интикад* из некоторых слов фразы, высказываемой в виде намека, выбираются определенные буквы. Например, если во фразе имеются слова «первый», «лицо», «голова», «корни» и т.д., то берется первая буква [Захидов 1970:19].

затем пополняли различные сборники, или диваны. В стихах муамма, написанных османско-тюркскими творцами, имеется и поэтический смысл, и особенности жанра муамма, то есть авторы, уделяя особое внимание поэтическим сторонам жанра, не умаляли смысл стиха.

ЛИТЕРАТУРА

Захидов Л. «Рисалаи муфрадот» Алишера Навои и его муамма / Автореф. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1970.

Ali Nihad Tarlan. Divan edebiyatında muamma. – İstanbul: Burhaniddin matbaası, 1936.

Сами Шемседдин. Камус ал-алам. Т. 5. – Стамбул: типография «Мехрон», 1314 г.х.

Dzhuraev, Dzhahaliddin A. A collection of *muamma* in Ottoman Turkish

Summary. The article contains information on a book of poems in the genre *muamma* written by poets of the Ottoman Empire. The author also compares the characteristic features of Ottoman Turkic *muamma* with those written by Māwarā‘ an-nahr and Chorasan poets who lived in the Middle Ages.

Key words: poetry, *muamma*, Ottoman poetry, Khorasan and Māwarā‘ an-nahr poetry.

УДК 82.0

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РОМАНА

С.Ш.к. Шарифова, г. Баку

Резюме. В статье рассматривается вопрос о возникновении романистики у восточных народов. Сопоставляются существующие три теории. Автор выдвигает теорию поэтапного развития романа у восточных народов, при котором происходит замещение местных жанров крупной прозы жанром романа.

Ключевые слова: восточная литература, проза, жанр, роман, санскритский роман, роман *хекаят*.

Говоря о генезисе романа как особого жанра в Азии, можно сказать, что его начало приходится на конец XIX – начало XX века. Одной из главных причин к обращению восточных народов к жанру романа стало привнесение элементов капиталистических отношений в жизнь общества того времени [Шарифова 2009: 10–11]. В самом начале рассматриваемого периода доминировавшая арабоязычная литература еще продолжала разрабатывать темы, сюжеты и использовать известные художественные средства, известные ранее. Процесс перехода позднесредневековой литературы традиционного, канонического типа к литературе нового и новейшего времени в регионе получил развитие лишь в XIX в., тогда как аналогичные процессы в странах Европы пришлись на XIV–XV в. [Кирпиченко 2003: 3].

В литературоведении можно встретить три подхода по вопросу о генезисе романа у восточных народов. Согласно первому подходу романистика на Востоке имеет глубокие корни, восходящие к санскритскому роману. Санскритский роман объединил в себе традиции древнеиндийской «полуфольклорной, обрамленной повести и рафинированного искусственного эпоса» [Гринцер 1980: 19]. В древнеиндийской литературе жанры с романским началом проявили себя в форме катха и акхьяика. Между названными жанрами существуют различия как по форме, так и по содержанию: «произведения акхьяика должны были иметь дело с реально случившимися событиями (т.е. быть, как бы мы сказали, историческими или полуисторическими сочинениями), а катха – с придуманным, фиктивным сюжетом» [Гринцер 1980: 19]. Катха и акхьяика имеют много общего с литературными эпосами, но в отличие от них не заимствуют свое содержание из фольклора, героических легенд и мифов. Катха и акхьяика объединяло то, что они «противостояли обычным произведениям санскритской литературы, которые непременно опирались на традиционную мифолого-эпическую основу» [Там же].

Следует также отметить, что в санскритском романе отсутствует фабульный интерес, что связано с влиянием поздней эпической поэзии. Вместе с тем, в произведении Шри Дандина «Дашакумарачарита» (Daśakumaracarita – Приключения десяти царевичей) фабульный интерес четко выражен. Композиция произведения близка к обрамленной повести. Отличие заключается в том, что в на-

званном произведении эпизоды дополняют основное повествование о судьбе главного героя Раджаваханы, что придает роману сюжетное единство.

В Индии романы средневекового писателя Бана «Харшачарита» (Harsha-Charita – Жизнь Харши) и «Кадамбари» (Kadambari) пользуются популярностью до настоящего времени. По своим характеристикам первое произведение напоминает исторический роман или роман-хронику, второе – роман-сказку.

Распространенную в мировом литературоведении точку зрения на возникновение восточного романа в XIX в. по влиянию европейского романа разделяют многие специалисты [Гринцер 1980: 5]. Так, Т.А. Дубянская пишет, что историю индийского романа «обычно ведут с 70-х гг. XIX в., когда в Северной Индии начали выходить переводные романы и стали создаваться первые оригинальные прозаические произведения – в основном дидактические повести и нравоучительные жизнеописания» [Дубянская 2008: 3].

Согласно второй точке зрения об обусловленности восточного романа западным «роман на Востоке возникает чуть ли не на пустом месте, имея за плечами лишь весьма аморфную и к тому же текущую по другим жанровым руслам местную повествовательную традицию» [Гринцер 1980: 4].

В литературоведении существует и третий подход к проблеме генезиса восточного романа. Он состоит в том, что наличие романа как жанра у некоторых восточных народов приходится на более ранний период, чем XIX в., и он основан на местных прозаических традициях. Например, И.С. Брагинский причисляет к классическим китайским романам «Речные заводи» Ши Найаня (XVI в.) [Брагинский 1971: 361–362]. Е.М. Мелетинский возникновение китайского романа датирует XVIII в. и связывает это с появлением произведения «Сном в красном тереме» Цао Сюэциня [Мелетинский 1983: 269]. Г.Н. Поспелов же, относит «Сон в красном тереме» к «обширному нравоописательному повествованию», выделяя последнее в качестве самостоятельной жанровой группы [Поспелов 1971: 198].

Некоторые исследователи, романное начало фиксируют и в поэмах Низами Гянджеви. В.М. Жирмунский пишет: «Поэмы гениального азербайджанца Низами (около 1140–1203 гг.), написанные по-фарситски особенностями напоминают его французского современника Кретьена де Труа, создателя этого жанра на Западе» [Жирмунский 1979: 40]. В своей работе В.М. Жирмунский дает сравнительный анализ произведений Кретьена де Труа и Низами Гянджеви, придя к неординарному заключению: «Низами в соответствие с более развитыми формами общественной жизни на мусульманском Востоке обнаруживает гораздо более зрелую и исторически продвинутую форму развития жанра, чем его французский современник. В то время как у Кретьена рыцарски-авантюрный и фантастический элемент временами еще заслоняет искусство психологического анализа и аристократические сословные формы в значительной степени определяют характер развития любовной темы, Низами в «Лейли и Меджнун» создает роман «высокой любви» как всепоглощающего, индивидуалистического чувства, освобожденного от узких рамок феодальной концепции, сосредоточиваясь целиком на изображении внутренних перипетий этого чувства» [Жирмунский 1979: 40]. Подобные взгляды известны и специалистам в азербайджанском литературоведении. Так, Г. Гулиев в монографии «Этапы формирования и развития азербайджанского романа» [Гулиев 1984: 237] обосновывает приложимость жанрообразующих признаков романа (личностное начало, изображение частной жизни героя, «неадекватность героя его судьбе», выдвижение на первый план любовной коллизии, стилистическая многомерность и т.п.) к поэмам Низами

Гянджеви «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» и «Искандер-наме». Аналогичный тезис Г. Гулиев последовательно отстаивает в докторской диссертации «Проблемы формирования и развития азербайджанского романа».

Таким образом, возникновение романа у восточных народов условно можно разделить на два этапа. На первом, под влиянием западной литературной традиции, а также благодаря привнесенным капиталистическим элементам, формируются произведения с романским началом, в которых активно используются местные повествовательные жанры. В качестве примера можно привести жанр *адбхут-кадамбари* (волшебный, фантастический роман), известный индийской литературе. На структуру и поэтику *адбхут-кадамбари* наложили отпечаток классический санскритский роман и арабо-персидская дастанная проза на урду. Родоначальником жанра был Л.М. Халбе (1831–1905), которому принадлежит роман «Муктамала» (1861). В азербайджанской литературе «переходной» жанровой формой стал роман *хекаят*. В последующем создаются романы, жанровые характеристики которых соответствуют европейской литературной традиции, т.е. происходит «замещение» местных жанров крупной прозы жанром романа.

ЛИТЕРАТУРА

Брагинский И.С. Роман (на Востоке) // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971, Т. 6.

Гринцер П.А. Две эпохи романа // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. – М: Наука, Главная редакция Восточной Литературы, 1980.

Гулиев Г. Этапы формирования и развития азербайджанского романа. – Баку: Элм, 1984.

Дубьянская Т.А. Развитие романа на хинди в конце XIX – первой трети XX в. /Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979.

Кирпиченко В.Н. Новая и современная литература Египта (XIX–XX вв.). – М.: ИВ РАН, 2003.

Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983.

Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М., 1971.

Шарифова С.Ш. Генезис азербайджанского романа: жанровые характеристики романа-хекаята и «маленького романа». – М.: Независимое литературное агентство, 2009.

Sharifova, Salida Sh.k. The genesis of the oriental novel

Summary. This article raises the problem of the genesis of the novel in the literature of oriental nations. The author analyses the three existing theories and puts forward a hypothesis of a gradual development of the genre of the oriental novel.

Keywords: oriental literature, prose, the genre of the novel, Sanskrit novel, framed story.

**РОМАН ШЕМСЕДИНА САМИ «ЛЮБОВЬ ТАЛАТА И ФИТНАТ»
И ТУРЕЦКАЯ ГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ**

Т.А Аникеева, г. Москва

Резюме: Роман Шемседдина Сами (1850–1904) *Таашшук-и Тал'ат ве Фитнат* («Любовь Талата и Фитнат», 1872) считается одним из первых образцов турецкого романа. С *хикайатами* и некоторыми образцами городского турецкого фольклора «Любовь Талата и Фитнат» сближается по своему сюжету и некоторым мотивам, а также по манере повествования и некоторым особенностям композиционного построения.

Ключевые слова: турецкий фольклор, хикайат, роман

Конец XVII – начало XIX вв. называют переходным временем в турецкой литературе, когда произошло изменение функций традиционных жанров турецкой литературы и их обогащение. Изменения коснулись и поэзии, и — еще в большей степени — прозы. Известно, что «турецкая словесность всегда располагала двумя взаимодополняющими жанровыми системами, между которыми происходили взаимопроникновения» [Маштакова 1984: 77]. Здесь речь идет о книжной и устной традициях: «На стыке письменных и фольклорных жанров иногда возникали новые» [Там же]. Примером такого взаимопроникновения и является жанр турецкой городской повести – *хикайата* [см.: Аникеева 2010], который на протяжении своего существования (приблизительно с XVIII в. до середины XX в.) испытывал на себе влияние литературной традиции Ближнего Востока и одновременно сам повлиял на зарождение и становление турецкого романа как жанра.

В целом же вопрос о сходстве и преемственности литературных форм народного романа и произведений, являвшихся его «прототипами», с одной стороны, и литературы других тюркских народов, неоднократно обсуждался отечественными тюркологами. Так, еще А.Н. Самойлович (1880–1938) в статье «К какой из турецких литератур относить роман XIII века “Иосиф и Зулейха”?», проводит параллели между романом о Юсуфе и Зулейхе Алия (XIII в.) и другими тюркскими литературами. «Совпадение метра и стихотворной формы романа с метром и стихотворной формой произведений ранних среднеазиатско-турецких поэтов мусульманской эпохи: <хикметы> ходжи Ахмада Ясеви и Сулеймана Бакырганского при различии в языках... дает основание установить такую же литературную зависимость Алия от старых корифеев среднеазиатской поэзии, какая в XVI веке существовала между «азербайджанским» писателем Фузули и несравненным Мир Али Широм» [Самойлович 2005: 789–790].

Влияние книжной традиции на этот жанр турецкого фольклора стало наиболее очевидным, когда городскую повесть стали издавать (а не переписывать) в виде литографий, а затем и типографским способом. Изменения, происходившие в турецкой литературе и фольклоре в указанный период, в особенности в неко-

торых формах городского фольклора, невозможно рассматривать вне связи с комплексом конкретных исторических обстоятельств и теми глубокими изменениями, которые произвели реформы первой половины XIX в. на общественную жизнь Османской империи.

Необходимость глубоких структурных перемен в османском обществе стала очевидной уже во второй половине XVIII в., поскольку в это время Османская империя находилась в состоянии социального и экономического кризиса вследствие военных поражений и территориальных потерь. В целом период в истории Турции и Османской империи, известный как Танзимат, стал эрой масштабных преобразований практически во всех сферах жизни общества, в том числе в культуре и литературе. Принято считать, что эпоха Танзимата (от араб. «упорядочивание», период широкомасштабных реформ в Османской империи) началась 3 ноября 1839 г. с выходом соответствующего рескрипта; этому предшествовали так называемые реформы *низам-и джедид* (тур.-осм. «новый порядок») в правление Селима III, провалившиеся и закончившиеся в 1807 г. Самые общие основные процессы, важные для нас, – это изменения в демографическом составе страны, рост городов, реформы в области образования, но в первую очередь развитие книгопечатания и книгоиздания.

Развитие торговли приводило к постоянному притоку населения в города; этот период отмечен бурным ростом городов, как прибрежных, так и находящихся в глубине страны. Закономерно предположить, что, вследствие миграций, экономического роста и образовательной реформы, о которой будет сказано несколько позднее, увеличилось и количество грамотного населения. В рассматриваемый нами период получает распространение техника литографирования (*taşbasmasi*), к тому же существенно более дешевая, чем типографская печать. Первые литографии возникают в Стамбуле – как, например, основанная при поддержке Хюсрева-паши знаменитая литография Анри Кайоля [Geçek 1939]. Популярность литографирования оказала сильнейшее влияние на бытование народных повестей. В результате большинство изданий текстов турецкой народной повести первой половины XIX в. осуществлено в технике литографии.

Реформы Танзимата начали новый период в истории книгопечатания, издания периодики и литературы различных жанров (в том числе и интересующих нас городских повестей). А.Д. Желтяков выделяет конец XVIII – первую половину XIX в. (период от *низам-и джедид* до Танзимата) как время важных количественных и качественных изменений в турецком книгопечатании [Желтяков, 1972: 55]. Это связано прежде всего с реформами в области образования, в частности, образования светского, а также с влиянием Запада.

В 1851 г. в Стамбуле учрежден «Комитет знаний», задачей которого было распространение светских научных знаний и содействие выпуску соответствующей литературы; открывались и светские школы. Издается множество книг по истории и географии, навигации, геологии, медицине, физике, астрономии. Собственно художественная литература (в том числе фольклорные произведения) стала масштабно печататься с 1850-х гг.: помимо диванов некоторых турецких поэтов, были напечатаны «Тысяча и одна ночь», сборники турецких сказок, анекдотов о Ходже Насреддине, турецких пословиц и поговорок (1859 г., в литографии), песен с нотным сопровождением [Там же: 53].

В связи с началом и развитием книгопечатания турецкая историография в большей степени осмещает зарождение турецкой прессы, чем книгоиздание [см., например, History of the Ottoman State 2002: 77], а эпоха Танзимата в контексте истории культуры Османской империи исследователями рассматривается пре-

жде всего как время расширенного западного влияния практически во всех областях культуры, в том числе и в литературе. Среди наиболее популярных изданий в обобщающих исторических трудах называются переводы западных произведений (однако при этом ни слова не сказано об издававшихся литографским способом в период до и после Танзимата образцах собственно османской литературы и фольклора, равно как и об арабоязычных и персоязычных сочинениях). Особо отмечены: переводы из французской поэзии, сделанные Шинаси (*Terçüme-i Manzume*, 1859 г.), Мюнифом Пашой (*Muhâverât-i Hekimiyye* (из Фенелона, 1859), Юсуфом Кямиль Пашой (*Telemak* — также из Фенелона, , 1862 г.) Ахмедом Лютфи (*Hikâye-i Robenson*, перевод с арабского Д. Дефо, 1864) Мемдухом Пашой (*Hikâye-i Jöneviev*, перевод из Ламартина, 1868 г.) [History of the Ottoman State 2002: 78]. Переводы европейской литературы впоследствии также перешли в турецкий фольклор и вошли в репертуар *меддаха* наряду с городской повестью.

Одним из наиболее очевидных последствий реформ стало распространение в этот период грамотности среди городского населения Турции. Безусловно, основная причина этого — широкомасштабная реформа образования, охватившая не только территорию собственно Турции, но и все провинции Османской империи, в результате чего «к концу 50-х годов основным средством распространения современных научных знаний в турецком обществе, точнее среди того немногочисленного слоя турок, которые умели читать, стала печатная книга [Желтяков, 1972: 55–56].

Можно сказать, что уже во второй половине XIX в. среди печатных (изданных типографским способом и литографированных) народных книг, пользовавшихся определенной популярностью среди горожан Османской империи, в целом преобладают городские повести романического содержания (например «Асюман и Зейджан», «Лейла и Маджнун», «Ферхад и Ширин», повесть об *ашике* Курбаны и т.д.), связанные прежде всего с различными традиционными повествовательными жанрами арабо-, персо- и тюркоязычной литературы, иными словами – с мусульманской культурной традицией (более подробно см.: [Аникеева 2007; Strauss 2003]).

Что касается влияния фольклорной традиции на литературу, то в турецкой литературе уже были произведения, по своему сюжету близкие не только к турецкой народной повести, но и ко всему ближневосточному фольклору, как например, написанный в форме месневи роман XVIII в. «Мир кабаков» («Хайрабат»), чей сюжет восходит к арабской литературе и, вероятно, заимствован у Шейха Аттари [Алькаева 1966]. По мнению ряда исследователей, можно говорить о том, что влияние фольклора на литературную традицию, когда турецкий роман только зарождался, прослеживается достаточно четко [Кауа 2004].

Произведение Шемседдина Сами (1850–1904) *Таашишук-и Тал'ат ве Фитнат* («Любовь Талата и Фитнат», 1872), как и романы Намыка Кемалю *Интибах* («Пробуждение», 1876) и *Джезми*, считается одним из первых образцов турецкого романа. Тем не менее, исследователями многократно отмечается, что оба этих романа чрезвычайно близки к традиции городской повести. «Интибах» Намыка Кемалю выдержал четыре издания подряд; первые две главы романа по теме несколько перекликаются с образцами турецкого фольклора *Ханчерли Ханым* («Госпожа с кинжалом») и *Джеври Челеби*.

Шемседдин (Шемсеттин) Сами Фрашери, албанец по происхождению, более известен как автор словаря «Камус-и турки» (1901), первого француско-османского словаря; он также является автором пьесы «Беса, или верность слову» («Besa yahud ahde vefa. Стамбул, 1292 г.х.), трактата публицистического характера «Женщины» о женском вопросе и роли мусульманки в общественной

жизни [см.: Гордлевский 1961в: 386]. Кроме того, по сведениям Х. Калешы (Hasan Kaleshi), ему приписывается авторство еще двух романов — *İskat-ı Cenin yahud İkisi de ölmüş* («Аборт, или Смерть обоих») и *Rekabet* («Ревность»). Однако откуда эти сведения почерпнуты Х. Калешы, неизвестно [см. также: Levend 1969]).

Роман Шемседина Сами «Любовь Талата и Фитнат» («Тааşşuk-ı Tal'at ve Fitnat») был издан всего лишь раз (если не считать переиздания в латинской графике под редакцией С. Юксель в 1964 г.); он выходил по частям в газете «Басирет» — I часть романа вышла 17 рамазана 1289 г.х. (18 ноября 1872); II часть — 13 шаввала 1289 г.х (18 декабря 1872); III часть — 6 зилька'де 1289 г.х. (5 января 1873). С турецкой городской повестью и некоторыми образцами городского турецкого фольклора «Любовь Талата и Фитнат» сближается по своему сюжету и некоторым мотивам, а также по манере повествования и некоторым особенностям композиционного построения.

По выражению В.А. Гордлевского, в романе Ш. Сами затрагивается вопрос «об аномалиях брака в османском обществе» [Гордлевский 1961в: 386]. Сюжет романа может быть представлен следующим образом. Одной из его главных героинь является Фитнат — юная девушка, которую вырастил отчим, приемный отец, табачник Хаджи Мустафа, после того как ее мать умерла спустя несколько лет после свадьбы с ним. Увидев из окна юношу по имени Талат, Фитнат влюбляется в него; Талат, увидев девушку в окне, также влюбляется в нее. Встречи молодых людей невозможны из-за того, что табачник совсем не выпускает Фитнат на улицу. Наконец Талату, который не смог найти иного способа увидеться с любимой, кроме как переодеться в женское платье, удается проникнуть в дом Фитнат и встретиться с ней. Однако руки Фитнат просит у ее приемного отца некий богатый человек по имени Ускюдарлы Али-бей. Несмотря на протесты Фитнат, Хаджи Мустафа совершает обряд помолвки (*никях*) ее с Али-беем. Обманом ее доставляют в дом Али-бея; Фитнат, не уступая просьбам Али-бея, непрерывно рыдает и зовет на помощь. В конце концов, будучи более не в состоянии выносить подобные страдания, она вонзает себе в сердце нож и умирает. В свою очередь выясняется, что Али-бей является настоящим отцом Фитнат. Вновь пришедший в дом в женском наряде Талат, увидев мертвую Фитнат, также умирает. Али-бей же лишается рассудка.

Прежде всего обращает на себя внимание трагическая развязка романа, сильно напоминающая развязки романтических городских повестей — таких, как «Керем и Аслы» или «Арзу и Камбер»: в финале влюбленные Талат и Фитнат гибнут, не вынеся вынужденной разлуки и невозможности быть вместе. История же любви Рифата и Салихи также сближается с сюжетами *хикайата*: молодые люди влюбляются друг в друга еще в школе. Данный мотив также широко распространен в ряде сюжетов турецкой городской повести (см., например, сюжеты повестей «Тахир и Зухра», «Лейла и Меджнун»).

Помимо общей сюжетной линии (история любви молодых людей), роман содержит истории других героев, связанные с общей сюжетной линией лишь формально и вводящиеся в текст романа как рассказ того или иного персонажа (например, история Рифата и Салихи), — это сближает роман скорее не с турецкой городской повестью, а с общей повествовательной ближневосточной традицией городского фольклора, берущей начало в сказках «Тысяча и одной ночи», «Калила и Димна», «Панчатантра». Подобный принцип композиционного построения обуславливает и способ повествования: здесь словно бы присутствует фигура рассказчика, который, как и в городской повести, отмечает смену эпизодов: *Gelelim Tal'at Bey'e* («Вернемся к Талат-бею»); *Gelelim Emine'ye* («Перейдем к Эмине»).

Таким образом, турецкая городская повесть – *хикайат* – как жанр фольклора не только испытала влияние литературной традиции Ближнего Востока, а также исторических и культурных процессов, происходивших в Османской империи (например, реформы эпохи Танзимата), но и сама оказала определенное влияние на зарождающуюся литературную традицию турецкого романа.

ЛИТЕРАТУРА

- Алькаева Л.О.* Сюжеты и герои в турецком романе. – М.: Наука, 1966.
- Аникеева Т.А.* О литературных источниках турецких хикайатов // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал Центра по изучению культуры Ирана и Центральной Азии при Национальной библиотеке Республики Казахстан. – Алматы, 2009, № 2(10). – С. 161–168.
- Аникеева Т.А.* Книжное бытование сюжетов народной повести в Турции // Basileus. Сб. ст. к 60-летию Д.Д. Васильева. – М.: Вост. лит. РАН, 2007. – С. 76–87.
- Гордлевский В.А.* Очерки по новой османской литературе // Избр. соч. Т. 2. Язык и литература. – М., 1961. – С. 350–436.
- Желтяков А.Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции: (1729–1908 гг.) / ЛГУ. – М.: Наука, 1972.
- Маштакова Е.И.* Турецкая литература конца XVII – нач. XIX в.: (К типологии переходного периода) / АН СССР. Ин-т востоковед. – М.: Наука, 1984.
- Самойлович А.Н.* К какой из тюркских литератур отнести роман XIII века «Иосиф и Зулейха»? // А.Н. Самойлович. Тюркское языкознание. Филология. Рунка. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – С.789–829.
- Gerçek S. N.* Türk matbaacılığı. – İstanbul: Devlet basımevi, 1939.
- History of the Ottoman State, Society and Civilization. Vol. 2 / Ed. by E. İhsanoğlu. – İstanbul: IRCICA, 2002.
- Kaya Muharrem.* Türk romanında destan etkisi. – Ankara: Kültür ve turizm bakanlığı, 2004.
- Levend Agah Sırrı.* Şemsettin Sami. – Ankara: Ankara Üniversitesi basımevi, 1969.
- Strauss J.* Who Read What in the Ottoman Empire (19th–20th centuries)? // Arabic Middle Eastern Literatures, Vol. 6, No. 1, 2003.
- Sami Şemsettin.* Taaşuk Tal'at wa Fitnat (تعشوق طلعت و فطنت). – İstanbul, 1289 г.х. (1872).
- Sami Şemsettin.* Taaşuk-i Tal'at ve Fitnat / Haz. Dr. Sedit Yüksel. – Ankara: Ankara Üniversitesi basımevi, 1964.

Anikeeva Tatyana A. The novel of Shemseddin Sami «Tal'at and Fitnat Infatuated» and the Turkish city novel

Summary: The novel written by Shemseddin Sami (1850–1904) *Taaşuk-i Talat ve Fitnat* (“Tal'at and Fitnat Infatuated”, 1872) is considered to be one of the first Turkish novels. *Taaşuk-i Talat ve Fitnat* is close to the genre *hikaye* and some other genres of Turkish folklore in its plot, some peculiarities of its composition and the way of narration.

Key words: Turkish folklore, *hikaye*, novel

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ
ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ *QACMAQ*
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Ф. к. Абдуллаева, г. Баку

Резюме. В статье анализируется семантическая разработка и подача значений в словарной статье с глаголом движения *qacmaq* 'бежать' и приведенных в ней фразеологических выражений. Анализ показывает, что недостаточно тщательный компонентный анализ данной семемы приводит к недочетам в ее лексикографическом описании и в выделении фразеологических оборотов.

Ключевые слова: лексема, семема, семный анализ, лексикологическое описание, фразеологизация.

Семема «бежать» в азербайджанском языке находит выражение в лексеме *qacmaq*. Семантическая структура этого глагола следующим образом описывается в Азербайджанско-русском словаре (АРС): «1. бежать 1) бегом перемещаться в каком-н. направлении. 2) направляться куда-л. бегом. 3) спасаться, спастись бегством. 4) быстро протекать, проходить (о времени). 2. убежать (уйти тайком). 3. бегать: 1) перемещаться бегом в разных направлениях. 2) часто ходить куда-л.; посещать кого-, что-л. 4. избегать кого-, чего-л. (сторониться кого-, чего-л., уклоняться от чего-л.)» [АРС 1, 457].

Такое описание можно интерпретировать как наличие четырех семем у глагола *qacmaq*. Значения, представленные за номерами перед скобками, следует, видимо, квалифицировать как комбинаторное варьирование этих общих семем. Таким образом, семантическая структура глагола *qacmaq* в современном азербайджанском языке представляется достаточно сложной. Если номера представленные за скобками допустимо считать вариантами семемы, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что третий вариант первой семемы, определяемый составителями Словаря как «спасаться, спастись бегством», недостаточно четко отграничивается от второй семемы, определяемой как «убежать (уйти тайком)». Например, непонятно, насколько четко разграничены значения, обнаруживаемые семемой «бежать» в предложениях *он бежит из тюрьмы* и *он бежит из дома*. Ясно, что тут нет различия в значениях или вариантах значения, или даже комбинаторном варьировании семемы. Речь может идти о ситуативном разграничении смыслов. Например, если кто-то бежит, спасаясь бегством, из тюрьмы, то для кого-то в тюрьму может превратиться его родной дом. Бегство из дома в этом случае приравнивается к бегству из тюрьмы. На это могут возразить, что, например, можно убежать, спасаться бегом от зверя, собаки и т.д. Но смысл разграничения должен носить семный характер, а не ситуативный. Существует ли логико-семантическая дифференциация семемы «бежать»,

когда кто-либо бежит от зверя и когда кто-либо бежит из тюрьмы, или из дома. Важно не то, от чего и зачем он бежит. Важно то, что он не просто бежит, а спасается бегством, т.е. бежит от чего-то.

Если принять за интегральную сему «боязнь» или «стремление избегать», то эти два варианта, представленные по первой и второй семемам, объединяются на этой основе с четвертой семемой, обозначенной в Словаре как «сторониться кого-, чего-л., уклоняться от чего-л.». Совершенно очевидно, что во всех трех случаях азербайджанская лексема *qaçmaq* обнаруживает одну и ту же интегральную сему – «избегать». Сема «избегать» носит в данном случае максимально абстрактный характер и в силу наивысшей абстрактности охватывает любые ситуативно возможные варианты. Например, уклоняться от встреч с кем-то, не желать быть пойманным, не желать жить где-то и с кем-то и т.д.

Глагол *qaçmaq* активно участвует в образовании фразеологизмов. В АРС за знаком ромба представлены следующие фразеологические единицы: «*yuxusu qaçıb*» kimin – пропал сон у кого-л.; «*ləzzəti qaçıb*» nəyin – пропал вкус у чего-л.; «*rəngi qaçıb*» nəyin – пропал цвет, окраска у чего-л.; «*rəngi qaçıb*» kimin – пədən побледнел кто от чего-л.; «*qaçıb aradan çıxmaq*» – давать тягу; «*qaçıb qurtarmaq*» – уйти, спастись бегством; «*qaçıb canını qurtarmaq*» – уйти от чего-л. неприятного, убежать; «*qaçmağa üz qoymaq*» – пускаться наутек; «*qaçmaqla canına qurtarmaq*» – найти спасение в бегстве; «*qaçmağa məcbur etmək*» kimi, nəyi – обратить в бегство кого-, что-л.; «*qanı qaçmaq*» – побледнеть, испугаться, «*nəzərdən qaçmaq*» – ускользнуть от внимания; «*huşu qaçmaq*» – лишиться рассудка, потерять голову» [АРС, 1: 457].

Фразеологизация устойчивых конфигураций с глаголом *qaçmaq* не вызывает сомнений. Она закономерна и оправдана предметно-логической соотнесенностью этого слова. Эта особенность характеризует все глаголы движения, как слова, носящие базовый по отношению к человеческой экзистенции характер. Столь же характерно и переосмысление соматизмов, как самих лексических единиц, так и образуемых ими конфигураций. Вызывает возражение другое, а именно распределение сем по конфигурации и соответственно дифференциация ядра и окружения фразеологических единиц с базовым компонентом *qaçmaq* 'бежать'.

Прежде всего, следует отметить одну особенность в связи с данным лексикографическим описанием. Видимо, было бы целесообразно отметить у самого глагола *qaçmaq* такое значение, как «исчезнуть». В этом случае сочетания типа *yuxusu qaçıb* и *ləzzəti qaçıb* оказываются за пределами фразеологизации. Как слово *yuxu*, так и слово *ləzzət* в составе этих конфигураций сохраняют свою основную денотативную направленность. Иными словами, слово *yuxu* означает здесь «сон», слово *ləzzət* – «удовольствие». Следовательно, в обоих случаях речь идет об основном номинативном значении центрального компонента. Что касается компонента *qaçmaq*, то он в обоих случаях сохраняет значение «исчезнуть», которое запрограммировано метафорическим зарядом основной семемы «бегом перемещаться».

В Словаре даются два фразеологизма *rəngi qaçıb*. Эти фразеологизмы различаются по окружению. Первый имеет одноместное и предметное окружение, т.е. *rəngi qaçıb* '[у чего-то] пропал цвет'. В этом случае мы видим слово *rəng* в его основном номинативном значении. Глагол *qaçmaq* и в этой конфигурации реализует метафорическое значение «исчезнуть». Следовательно, и в этом случае сложно говорить о фразеологизации.

Второй фразеологизм *rəngi qaçıb* является двухместным: *kimin nədən*, т.е. ‘у кого и от чего пропал цвет → побледнел кто от чего’. В этом случае фразеологизация налицо. Однако здесь необходимо отметить, что обязательным для реализации значения данного фразеологизма является только окружение с семантикой лица. Например, *Həsənin rəngi qaçmışdır* ‘Хасан побледнел’, при этом семантика предметного окружения чаще всего раскрывается в ситуации, которая может быть раскрыта как в одном предложении, так и в нескольких. Следовательно, для понимания причины, по которой кто-либо побледнел, необходима пресуппозиция. Чаще всего эта пресуппозиция бывает представленной в тексте, а не в лексической единице. Более того, почти никогда указание причины не бывает представлено в конфигурации как лексический знак, представляющий собой собственно структурную связь фразеологизма. Такой собственно структурной связью является только окружение с семантикой лица.

Не является также фразеологизмом конфигурация *qaçıb aradan çıxmaq* ‘давать тягу’. Фразеологизмом здесь является выражение *aradan çıxmaq*. Что же касается компонента *qaçıb*, то он, вне всякого сомнения, сохраняет свое основное номинативное значение. Следовательно, он и компонентом фразеологизма не является, а представляет собой его собственно структурную связь. Иными словами, здесь нет фразеологизма, образованного с участием глагола *qaçmaq*. Глагольным компонентом фразеологизма здесь является слово *çıxmaq*, которое полностью сливается с обстоятельственным компонентом *aradan*, образуя тем самым устойчивую семантическую конфигурацию *aradan çıxmaq*.

Столь же сомнительна и фразеологизация сочетания *qaçıb qurtarmaq*. Прежде всего, на наш взгляд, здесь необходимо было представить и возвратное местоимение *özünü*, т.е. узуальной является форма *qaçıb özünü qurtarmaq*. Все компоненты данного словосочетания сохраняют свое номинативное значение. В АРС указывается, что *qaçıb qurtarmaq* означает «уйти, спастись бегством». Отсюда следует, что глагол *qaçmaq* употребляется даже не в переносном, как было отмечено выше, значении, а в основном номинативном. Что же касается глагола *qurtarmaq*, то в этом же словаре его четвертое значение определяется как «избавлять, спасать, освобождать». Пятое – как «выручать», шестое – как «избавляться, освобождаться, спастись». Таким образом, совершенно очевидно, что в конфигурации *qaçıb qurtarmaq* глагол *qurtarmaq* также реализует одно из своих значений. Таким образом, ни тот, ни другой компонент словосочетания *qaçıb qurtarmaq* не подвергается десемантизации.

В структуре конфигурации *qaçıb canını qurtarmaq* четко разграничивается семантика деепричастия *qaçıb* и сочетания *canını qurtarmaq*. Как и в рассмотренных выше случаях, деепричастие сохраняет свою семантическую отдельность и не сливается с семантикой сочетания *canını qurtarmaq*. Помимо своей семантической отдельности, деепричастие не десемантизируется, что и дает основание считать его не компонентом фразеологизма, а его собственно структурной связью, т.е. окружением. Собственно фразеологизмом здесь является *canını qurtarmaq*, что означает «спастись». А именно спастись бегством: *qaçıb* букв. ‘убегая, убежав’.

Что касается выражения *qaçmaqla canını qurtarmaq*, то это вообще не самостоятельное выражение, чтобы приводить его после *qaçıb canını qurtarmaq*. Буквально *qaçmaqla canını qurtarmaq* означает «посредством бегства спасти свою душу», тогда как только что рассмотренное выражение *qaçıb canını qurtarmaq* буквально означает «убежав, спасти свою душу». В лучшем случае *qaçmaqla canını qurtarmaq* является парадигмальным вариантом *qaçıb canını qurtarmaq*. В

обоих случаях фразеологизмом является *canını qurtarmaq*. Что касается слов *qaçıb* и *qaçmaq*, то и то, и другое представляет собой не что иное, как формы глагола *qaçmaq*.

Таким образом, АРС допускает неточности в описании, как семантической структуры, так и фразеологизации глагола *qaçmaq*. Но это не отрицает сам факт участия этого глагола в процессе фразеологизации в азербайджанском языке.

В принципе, семантическая структура лексической единицы в словаре должна быть представлена в контексте семных связей. Ясно, что такое описание не столько отражает объективное положение вещей, сколько умение лексикографа проводить последовательный и логически точный семный анализ.

Видимо, в этой области сказывается традиционность описания. Иными словами, лексикографы опираются не столько на собственно семный анализ слова, сколько на традицию описания его в существующих словарях. Возможно, этот метод обычно себя оправдывает, однако в случае с глаголом *qaçmaq*, как можно было убедиться, целесообразнее было бы провести тщательный компонентный анализ семемы по непосредственно составляющим семам, а затем уже представить лексикографическое описание.

Что касается фразеологических единиц с глаголом *qaçmaq*, то, как показал анализ, во многих случаях фразеологизация отсутствует. Это тем более непонятно, поскольку составители АРС представляют Бакинскую школу фразеологии, восходящую к фразеологической концепции проф. М.Т.Тагиева [см.:2]. Суть этой концепции как раз и заключается в разграничении окружения и ядра фразеологизма, выявлении степени деактуализации лексических единиц, составляющих единый и устойчивый словесный комплекс, что и позволяет строго разграничивать собственно фразеологизм и его собственно структурную связь.

ЛИТЕРАТУРА

Азербайджанско-русский словарь. В 4-х т. – Баку: Элм, 1986 (Т. 1) – Баку: Мутарджим, 2000 (Т.4).

Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. – Баку: Маариф, 1966.

Abdullaeva, Samira F. k. The semantic structure of the Azeri verb of motion *qaçmaq* and phraseology

Summary. The article analyses the semantic structure of the verb of motion *qaçmaq* 'to run' and the way Azeri dictionaries present its semantic and document phraseology with its participation. This article shows that an insufficient component analysis of its semantics leads to drawbacks in its lexicographic description and phraseology.

Key words: lexeme, sememe, component analysis, lexicographic description, phraseology

**ТИПЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА**

Я. И. Авлакулов, г. Ташкент

Резюме. В статье приводятся основные группы имен собственных узбекского языка, которые составляют макропространство узбекской ономастики, указываются языковые признаки, определяющие эти пространства, и степень их изученности.

Ключевые слова: ономастика, макро- и микропространство, ономастические термины.

Ономастический фонд языка включает в себя ономастическую лексику, основу которой составляют конкретные имена собственные, или ономастические единицы. Азербайджанский языковед А.М. Гурбанов выдвигает ономастику (ономокологию) в разряд самостоятельных разделов языкознания, который, по его мнению, имеет полное право на существование наравне с такими лингвистическими разделами, как лексикология, семасиология, фразеология, дериватология и др. [Гурбанов 1986].

Ономастическая система узбекского языка чрезвычайно обширна, объёмна по семантической наполняемости и разнообразна по номинативно-функциональным особенностям. Ономастические единицы характеризуются тремя очень важными свойствами:

- 1) в системе ономастики ономастическая единица способна выражать единичное понятие отдельно взятого объекта;
- 2) ономастическая единица – название отдельно взятого, индивидуального объекта или понятия; например: Мухаббат (личное имя), Фергана (топоним), Муштарий (Юпитер) и т.п.;
- 3) ономастические единицы объединяются в единую ономастическую группу, которая характеризуется своими номинативно-функциональным признакам.

Ономастические группы различаются по степени изученности; в языкознании удовлетворительно изучены такие типы ономастических единиц, как антропонимы, топонимы, гидронимы, зоонимы, оронимы, ойконимы и эргонимы. Однако и среди этих разрядов лексики требуют большего к себе внимания такие имена, как анойконимы, анемонимы, артионимы, агинимы, венесуонимы, гляционимы, гемеронимы, геортонимы, гинеконимы, дигнитонимы, идеонимы, инсектонимы, катаяконимы, литонимы, марсионимы, меркуронимы, наутонимы, ойкододонимы, орнитонимы, полионимы, сплеонимы, стратонимы, терронимы, таутонимы, фиктонимы, хоронимы, а также собственные имена периодических изданий, транспортных средств, собственные имена произведений художественной литературы и искусства и др. В ономастике мало изучены космонимы, астионимы, ктематонимы, урбононимы и практически неизученными остаются среди имен собственных документонимы, демононимы, фалеронимы, хрононимы, хрематонимы и др.

Таким образом, ономастическое макропространство включает в себя номинативные единицы (номинации) ономастического микропространства, которые организуются и объединяются на основе постоянных ономастических признаков.

Имена собственные, их типы различаются по степени наличия их в языке, по границам своего распространения. Так, например, разновидности имён, соотносящихся с понятием «человек» как собственные имена входят в макропространство антропонимики; если это названия физико-географических объектов суши, то они принадлежат макропространству топонимии; собственные имена космических объектов входят в группу космонимического пространства.

Степень распространённости и объём типов имен собственных в ономастике принято называть ономастическим пространством. Всю совокупность имен собственных языка, следовательно, можно назвать суперпространством. Указанные виды соподчинённых ономастических пространств свидетельствуют об определенной системности ономастики в лексической системе конкретного языка.

Таким образом, опираясь на изложенное выше можно сконструировать ономастическое пространство узбекского языка (См.: Табл. 1).

Таблица 1.

Состав макропространства узбекской ономастики

Группы собственных имен номинализованные	Группы собственных имен с неопределёнными номинациями
антропонимия зоонимия теонимия топонимия космонимия фитонимия хрононимия идеонимия немонимия хрематонимия политонимия эргонимия фалеронимия дигнитонимия порейонимия мифонимия анемонимия стратонимия гемеронимия	- собственные имена праздников, юбилеев и др. торжеств, обрядов - собственные имена некоторых исторических событий, кампаний, войн и др. - собственные имена политических, идеологических и т.п. объединений, обществ

Из 22 групп ономастического макропространства узбекского языка, представленного в Таблице 1, в узбекском языкознании изучено в достаточной мере около 7 групп, в частности антропонимы, ойконимы, гидронимы и др. Остальные же группы имен собственных ждут своих исследователей.

В ономастической терминологии широко используются весьма лаконичные термины, в состав которых вводятся латинские или греческие корни, поэтому в международной ономастологии сложилась достаточно ясная система терминов. К сожалению, из-за отсутствия в узбекском языке удовлетворительных терминов большинство ономастических групп не могут быть обозначены лаконично. Несмотря на это в некоторых работах предпринимаются попытки создать собственные узбекские термины, образованными путем калькирования. Например, «гидроним» – *сувном* (букв. водяное название); «топоним» — *жойном* (букв. название места). Однако такой способ обозначения ономастических единиц в узбекском языкознании не получил должного признания. Следовательно, для узбекских обозначений ономастических макропространств приходится использовать словосочетания. Так, например, «политонимы» – *давлат рамзларининг атокли отлари* (букв. собственные имена государственных символов); «зоонимы» – *хайвонлар атокли отлари* (букв. собственные имена и клички породистых животных). Однако этот процесс терминообразования еще не завершен, и именно по этой причине ономастические пространства в узбекском языкознании пока обозначаются общепринятыми международными терминами.

Среди них могут быть указаны такие ономастические группы:

- Зоонимия – совокупность имен и кличек породистых животных (домашних, цирковых, зоопарковских, хищных): *Чагир, Тарлон, Коракуш, Канот*;

- теонимия – совокупность собственных имен, обозначающих божественные понятия и атрибуты: *Раҳмон, Азийм, Юсуф, Мусо, Худ, Довуд, Хизр, Луқмони Ҳаким, Мункар, Жаброил*;

- демонимия – специальные наименования дьявола, джинов и других демонических персонажей: *Ашмуг, Сиж, Баший, Санний, Ойдев, Суқсур пари, Қорадев*;

- мифонимия – совокупность названий сказок, эпоей, народных сказаний, легенд: *Олангасор, Гулдурмомо, Ожизмомо, Аямажуз, Ангур, Азизмомо*;

- анемонимия – специальные названия природных стихий: *Бекобод шамолли, Афгон шамолли* (названия ветров), *Андижон зилзиласи, Тошкент зилзиласи* (землетрясения);

- идеонимия – собственные имена исторически значимых в жизни народа произведений или артефактов: «Хивалик киз», «Ота», «Бешёғоч», «Кўза» (названия произведений живописи), «Алёр», «Қахрамонлик», «Бу оқшом» (названия музыкальных произведений), «Ойжамол», «Манқурт», «Чимилдик» (названия театральных постановок), «Мироб», «Кураш», «Бахши» (названия скульптурных изображений), *Чуст маданияти, Ҳисор маданияти, Хоразм ренессанси* (хрононимы);

- фитонимия – собственные имена одиночных растений, деревьев, их сортов и плодов: «Мехмоний», «Аргус» (сорта яблок), «Кулала», «Сарик гўзал» (сорта груш), «Лола», «Фарход» (сорта персиков), «Бўстонлик этаги», «Консой» (сорта миндаля), «Субхоний», «Мохтоби» (сорта урюка), «Вассарға», «Нафис», «Тарнов» (сорта винограда), «Қоратол», «Сунбула» (сорта лука), «Дарбанд», «Саратоний» (сорта капусты), «Зийнатли», «Мушак-1954» (сорта моркови), «Қахрабо», «Наврўз» (сорта фасоли), «Қизил шалола», «Ёнбош» (сорта пшеницы), «Армуғон», «Навбахор», «Гулбахор» (сорта хлопка);

- политонимия — собственные имена символов государства: *Ўзбекистон байроғи* (флаг Узбекистана), *Ўзбекистон мадҳияси* (гимн Узбекистана);

- эргонимия – собственные имена коллективов, учреждений, организаций и предприятий: «Бойсун» *наслчилик заводи*, «Физика-Куёш» *илмий ишлаб чиқариши корхонаси*, *Ўзбекистон халқ демократик партияси*, «Афросиёб» *меҳмонхонаси*, *Сиёб деҳқон бозори*, «Мироқи» *оромгоҳи*;

- фаяеронимия – обозначения орденов, медалей, корон и др. знаков: «Мустақиллик ордени», «Буюк хизматлари учун» *ордени*, «Дўстлик» *ордени*, «Шухрат» *медали*, «Ўзбекистон белгиси» *қўжрак нишони*;

- дигнитонимия – обозначения почётных званий и должностей и т.п.: «Ўзбекистан Қахрамони» *унвони*, «Ўзбекистан халқ ўқитувчиси» *унвони*, «Зулфия» *номидаги Давлат мукофоти*;

- космонимия – собственные имена космических объектов: *Ўтаруд*, *Зухра*, *Муштарий*, *Зухал* (названия планет), *Ҳайкалтарош*, *Қавс* (названия галактик);

- порейонимия – собственное имя единичного в своём роде транспортного средства: «Нексия», «Дамас», «Тико», «Матиз», «Ил-86», «Ту-154»;

- гемеронимия – названия органов печати (газет, журналов, бюллетеней): «Халк сўзи», «Ўзбекистан овози», «Хуррият», «Маърифат» (названия газет), «Шарқ юлдузи», «Тафаккур», «Саодат» (названия журналов);

- хрононимия – обозначения исторических периодов и их этапов: *Темурийлар даври*, *Шарқ уйғониш даври*, *Мусулмон ренессанси*, *Жоҳилият даври*.

Как показывает наш анализ, в узбекском языке к частотным макропространствам принадлежат антропонимы, топонимы, некронимы, названия научных, художественных произведений литературы и искусства, а политонимы, фалсронимы, дигнитонимы, анемонимы по своему объёму уступают им.

ЛИТЕРАТУРА

Бегматов Э., Улугов Н. Толковый словарь терминов узбекской ономастики. – Наманган: НамДУ, 2006.

Гурбанов А. Азэрбајчан ономастикасы. – Бақы: Илым, 1986.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Вводная статья. – М.: Энциклопедия, 1988.

Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.

Avlakulov Ja. I. Types of onomastic terms in Uzbek

Summary. The article analyses the main types of Uzbek proper names constituting the macro space of Uzbek Onomastics; further, it determines the main language properties of these onomastic terms.

Key words: onomastics, macro and micro space, onomastic terms

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕСООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
ФОНЕТИЧЕСКИ КОРРЕЛЯТИВНЫХ ЕДИНИЦ
(НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКИХ И ТУРЕЦКИХ ЧАСТИЦ)

Н.С. Абдуллаева, Ташкент

Резюме. В статье рассматриваются фонетически коррелирующие служебные лексемы в узбекском и в турецком языках. Функционирование узбекских служебных слов *фақат*, *ҳам*, *ҳатто*, *-да*, *-ми*, *-ки* и их турецких фонетических коррелятов *fakat*, *hem*, *hatta*, *-da*, *-ki*, *-mi* показывается на примерах из литературных произведений, словарей и грамматик.

Ключевые слова: служебные части речи, лексемы, частицы, союзы, фонетический коррелят, функционирование, полифункциональность.

Генетическое родство узбекского и турецкого языков тем не менее не означает, что в них фонетически сходные знаменательные и служебные лексемы, восходящие либо к общетюркскому состоянию, либо к одному и тому же источнику заимствования, одинаково проявляют себя в семантическом и функциональном планах. Это можно показать на примере некоторых служебных лексем узбекского языка – *фақат*, *ҳам*, *ҳатто*, *-да*, *-ми*, *-ки*, имеющих фонетические корреляты в турецком языке (*fakat*, *hem*, *hatta*, *-da*, *-ki*, *-mi*). Ср., например: узб. *Тўй фақат* (частица) *шунга қараб турган бўлса, уларни гаплаштираганим бўлсин* ‘Если свадьба зависит только от этого, я уж позабочусь, чтоб они поговорили’; тур. *Altmışlık, kır saçlı, fakat* (союз) *dinç bir adam bağırdı* – узб. *Олтмиши ёшлардаги, сочи оқарган, аммо* (союз) *бақувват бир одам бақирди* ‘Крикнул человек лет шестидесяти, с седыми волосами, но крепкого сложения’. *Çok çalıştı fakat* (союз) *ticarette başarılı olmadı* – *Кўп ҳаракат қилди, аммо* (~ *бирок*, *лекин* – союз) *тижоратда муваффақиятга эриша олмади* ‘Он усердно работал, но не добился успеха в торговле’.

Различные проявления слов данной категории в морфологии и синтаксисе обоих языков дают повод проанализировать их функционирование на примерах из литературных произведений, словарей и грамматик.

Узбекская лексема *фақат* выполняет функцию частицы, выступает «в значении отделения, ограничения» [Турсунов, 1992: 388; Неъматов, 1995: 58; Сайфуллаева, 2005: 100], а в турецком языке служебная лексема *fakat* выражает противопоставление и является союзом [Насиеминоғлу, 1984: 26; Ergin 1994: 348; Banguoğlu 1986: 385]. В турецком языке в заимствованной лексеме *fakat* развилось значение противительного союза.

Разделительно-ограничительное значение узбекской частицы *фақат* в турецком языке передаётся с помощью *yalnız, sadece, ancak, tek*, а турецкой функции *fakat* как союза соответствуют узбекские противительные союзы *аммо, лекин, бирок*; ср.:

Yalnız anneme hediyeye aldım – *Фақат онамга совга олдим* ‘Я купил подарок только маме’; *Cebinde sadece yola yetecek kadar parası vardı* – *Чўнтагида фақат йўлга етадиган пули бор эди* ‘У него в кармане были деньги только на дорогу’;

Arabanızı tamir edebilirim ancak istediğiniz sürede teslim edemem – Машинамизни таъмирлашим мумкин, фақат сиз истаган вақтда топшира олмайман ‘Я могу отремонтировать вашу машину, только не смогу сдать ее в указанное вами время’; *Rüyalarda tek onu görüyorum* – Тушларимда фақат уни кўраман ‘Во снах вижу только её’; *Arabam var fakat ehliyetim yok* – Машинам бор, аммо паспортим йўқ ‘Машина есть, но паспорта нет’.

В рассматриваемых языках частицы *-da / -da*, сохраняя свое основное значение экспрессивно-утвердительной частицы, в составе отдельных самостоятельных предложений выступают с разными стилистическими коннотациями:

Чатоқ бўлаётибди-да! Бориб-бориб менга гап тегмаса эди дейман-да... ‘Дела ведь очень запутались! В конце концов, я не хочу отвечать за это..’; *Марасул акам касалимни айтгандирлар-да* ‘Видно, брат Марасул все-таки рассказал о моей болезни’ – *тур. Toplantıda o da konuştı* – *Мажлисда у ҳам гапирди* ‘Он тоже выступил на собрании’; *Hatta geçen yaz tatilinde onun 5 ciltlik külliyatını Türkiye'deki kütüphaneme de kazandırmıştım* – *Ҳатто ўтган ёз таътилида унинг 5 жилдлик тўпламини Туркиядаги кутубхонамга ҳам олишга муваффақ бўлгандим* ‘Даже в прошлогодние летние каникулы мне удалось заполучить его 5-томный сборник в свою библиотеку в Турции’; *Dün bizi bekletti de gelmedi* – *Кеча бизни куттирди-да, ўзи келмади* ‘Вчера он заставил же нас ждать, но сам не пришёл’; *Немисга ета олмадим-да, ака* ‘Ведь я же не смог добраться до немца, брат’; *Ama taaccuplenmiştim de* – *Бироқ таажжубландим ҳам* ‘Но я даже удивился’.

Употребление в узбекском языке частицы *-da* после падежных словоформ функционально совпадает с употреблением *-da / -de* в турецком языке; ср.: *Лекин кейинчалик бундан-да воз кечади* – *Ama sonradan bundan da vazgeçiyor* ‘Но потом он отказался и от этого’; *Чой қайнатиб ичишни-да унутди* – *Çay içteği de unuttu* ‘Он позабыл и чай попить’.

Вместе с этим в турецком и узбекском языках показатель *-da / -da / -de*, обычно выполняющий функцию экспрессивно-эмоциональной частицы, может также входить в состав глагольной словоформы как показатель грамматической категории, то есть *-da / -da / -de* в данном случае приобретает формообразующую функцию, которая совмещается с функцией указания на особую синтаксическую конструкцию. Такое использование мы видим в обоих языках в сочетаниях *-da / -da / -de* с формой условного наклонения на *-ca / -sa*, выражающих значение уступительности. Данные словоформы со значением уступительности используются в сложных синтаксических конструкциях уступительности. В узбекском языке эквивалентом *-da* может быть частица *ҳам* [Абдурахмонов 1975: 435]. Примеры: *Onun nereye gittiğini bilsem de söylemem* – *Унинг қаерга кетганини билсам-да (билсам ҳам), бировга айтмайман* ‘Я не скажу никому, куда он пошел, хотя и знаю’; *Sevmesen de bu işi yapacaksın* – *Сенга ёқмас-да (ҳам) бу ишни қиласан* ‘Хотя тебе это и не нравится, ты сделаешь эту работу’; *Ёш бўлса-да ўқуви зўр эди* ‘Хотя молодой, но был очень сообразительным’; *Носир охун эски бўлса-да озода либосда, бошида кулоҳ бор эди* ‘На ахуне Насыре была хотя и старая, но чистая одежда и шапка на голове’.

Формообразующую функцию синтаксического плана указанные частицы получают и тогда, когда они используются в составе сложной синтаксической конструкции для обозначения разных сочинительных и подчинительных отношений между частями синтаксической конструкции. В данном случае *-da / -da / -de* реализуют союзное значение с сохранением, однако, и экспрессивной семантики. Частицы, присоединяемые обычно к сказуемому первого предложения в составе

сложной конструкции, могут быть эквивалентами союзов – соединительных, противительных и подчинительных. Использование *-da /-da / -de* добавляет также особую коннотацию – непосредственную связь между действиями с минимальным интервалом: *Насимжон ўрнидан турди-да, эшик томон юрди* ‘Насимджан встал с места и [тут же] пошёл к двери’; *Бизни шунча куттирди-да, ўзи келмади* ‘Он заставил нас ждать, но сам же и не пришёл’; *Ўч гўн izin verseniz de eve gitsem – Уч кунга рухсат берсангиз [ва] уйга кетсам* ‘Позвольте на три дня поехать домой’; *Їок җалишти да қазанатади – Кўп ҳаракат қилди-да, [бирок /аммо / лекин] эриша олмади* ‘Усердно старался, но не добился’.

Как видим, в качестве частицы *-da / -da / -de* в обоих языках употребляются вместе с именами существительными, местоимениями и наречиями, а в качестве союза примыкают в основном к глаголам. В усилительно-подчеркивающем употреблении турецкая частица *-da / -de* эквивалентна также частице *ҳам* в узбекском языке. С другой стороны, если частица *-da* в узбекском является синонимом частицы *ҳам* при образовании уступительной формы глагола, то в турецком она совпадает с *-da* и по значению и по выполняемой функции. Все эти случаи говорят о полифункциональности частиц в обоих языках.

То же самое можно сказать и о частице *-ми / -mi*. Она также в основном примыкает к глаголам и в функции союза соединяет сложные предложения, а в функции частицы примыкает к именам существительным, прилагательным и местоимениям и выражает значение усиленности, подчёркивания. По поводу узбекского корреспондента некоторые учёные считают, что «грамматическая форма *-ми* не является частицей, поскольку не придаёт дополнительного значения, не имеет модального оттенка» [Бозоров 1977: 24]. Однако данный подход отчасти является спорным. Эта форма довольно часто встречается в разговорной речи, примыкает к самостоятельным словам, обеспечивая дополнительное служебное значение и эмоциональность.

Между тем фонетическое сходство определённых форм ещё не говорит о том, что они в двух языках соответствуют и в семантико-функциональном плане.

Частица *-ми / -mi*, присоединяясь к сказуемому (часто в форме прошедшего категорического времени на *-ди / -di*) предложения, которое входит в состав синтаксического целого, передает временные отношения между действиями в этой синтаксической конструкции, то есть эта функция связана с построением определенной синтаксической структуры с таксисной семантикой; ср.: *Ҳар кун, кеч бўлдимиз, алла-паллагача сизларни йўқлаймиз* ‘Каждый день, как только наступает вечер, мы допоздна говорим о вас’; *O eve girdi mi, herkes evde bulunmalydi* ‘Как только он входил в дом, все должны были быть дома’; *Bahar geldi mi: seyahata җикарим* ‘Лишь наступала весна, я отправлялся в путешествие’. В таких предложениях временные отношения характеризуются небольшим временным разрывом между действием зависимой и главной части – «как только», «лишь», «стоит ..., как».

В узбекском языке такие же временные отношения выражаются и в тех случаях, когда в зависимой части конструкции употребляется повтор сказуемого с использованием *-ми*: *Қизим ўқишга кирдимиз кирди, гийбатчиларга алам қилсин!* ‘Теперь во моя дочь поступила на учёбу, пусть теперь сплетники огорчаются’; *Молини сотдимиз сотди, қолгани билан иши йўқ* ‘Вот товар то он продал, теперь ему нет дела до остального’.

Такой же повтор имени порождает усиление: *Мевалар гарқ тишган... мазами маза!* ‘Фрукты совершенно созрели... просто смак!

В узбекском и в турецком языках есть еще одна функция *-ми / -mi*, которая в грамматиках квалифицируется традиционно как «частица вопроса» [Турсунов и др. 1992: 376; Сайфуллаева и др.: 2005: 102; Насеминоğlu 1994: 137]. Использование этой частицы сопровождается в речи особой вопросительной интонацией. Частица *-mi* в турецком языке имеет четыре варианта *-mi / -mı / -mü / -mu*, обусловленные закономерностями турецкого сингармонизма, в узбекском языке она выступает в единственном варианте – *-ми*. Например: *Sana mı bakıyor?* ‘На тебя что ли он смотрит?’, *Geldimi yoksa?* ‘Пришёл ли он?’, *Güçlü mü şu adam?* ‘Силён ли этот человек?’, *Şükriü mü böyle yaptı?* ‘Это Шукру наделал?’, *Duydu mu söylediklerini?* ‘Услышал ли он сказанное ими?’, узб. *Siz ўзбек тилини биласизми?* ‘Вы знаете узбекский язык?’, *У ўзбек тилида хат ёзаятими?* ‘Он пишет письмо по-узбекски?’, *Иқтидорлими?* ‘Он даровитый?’, *Шу ашула сизга ёқадими?* ‘Понравилась ли вам эта песня?’, *Биласизми, ҳозир мен нима ясаётиман?* ‘Знаете, что я теперь строю?’.

Следующей полифункциональной служебной единицей в обоих языках является *-ки / -ki*. В турецком языке грамматическая единица *-ki* в функционально-семантическом отношении является «*bağlama ve kuvvetlendirme edati*» [Насеминоğlu 1984: 106] – «союзом и усилительной частицей». Сравним единицы *-ki* в двух языках.

В турецкой грамматике *-ki* квалифицируется как подчинительный союз с широкими функциональными возможностями, связывая подчиненные (зависимые) предложения с главными отношениями определительными, обстоятельственными, изъяснительными и т.п. Можно сказать, что *-ki* является союзом недифференцированного значения, указывая только на зависимую связь между главным и подчиненным предложением, а характер синтаксической зависимости определяется содержанием высказывания и контекстом. В силу этого союз *-ki* в турецком языке является весьма частотным, в узбекском языке он употребляется значительно реже.

В турецком языке *ki* присоединяется к сказуемого главного предложения, которое в этом случае занимает первую позицию в составе синтаксической конструкции. В узбекском языке, как видно из переводов, тоже возможны такие конструкции. Примеры: *Baktık ki proje başarısız olacak, iptal ettik – Қарасақки, лойиҳа бесамара чиққан, бекор қилдик.* ‘Случилось так, что проект вышел неудачным, поэтому анулировали’; *Midesi öyle kötü ağrıdı ki acısından ağladı – Ошқозони шундай ёмон оғридики, йиглаб юборди.* ‘Желудок у него так заболел, что он заплакал’; *Нон шунчалар азизки, у машаққатли меҳнат маҳсулидир* ‘Хлеб такой ценный, потому что он плод тяжёлого труда’; *Шундай анорларки, ҳар бири ҳандалакдай келади* ‘Такие гранаты, каждый размером с дыню’; *Мағaza kapalı ki nereye gidiyorsun?* ‘Магазин же закрыт, куда ты пойдёшь?’; *Öyle kocaman bir adam ki arabaya yerleşmiyor* ‘Такой огромный человек, что не помещается в машину’.

В турецком языке иногда после *-ki* предложение прерывается, что означает недосказанность, и дальнейшее развитие событий предоставляется фантазии читателя; то же самое наблюдается и в узбекском языке:

O yıllarda annem öyle güzelmiş ki... – *Ўша пайтларда онам шундай гўзал бўлган экан-ки...* ‘В те времена мама была такой красивой...’; *Vigün o kadar yoruldu ki* – *Бугун шундай чарчадимки...* ‘Сегодня я так устал...’.

Частица *-ki* в турецком языке функционирует как усилительная, передавая эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к высказыванию, тогда она следует за словом, которое нужно выделить в высказывании; часто она исполь-

зуются в восклицательных предложениях. Помимо значения усиления *-ki* в конце предложения может иметь дополнительные коннотации удивления, подозрения, сомнения, озабоченности, преувеличения, нерешительности, недовольства и др. [ÖSS Türkçe 2001:119]:

Аналогом *-ki* в данной функции в узбекском языке будет частица *-ку*: *Söylesem de beni dinlemez ki!* – *Гапирсам ҳам, мени эшитмайди-ку!* ‘Даже если я и скажу, он все равно меня не услышит!’; *Çalışsam da beni anlamaz ki!* ‘Хотя и стараюсь, он меня не понимает’; *Siz ki beni tanımamış siniz, başkaları nasıl tanıyor?* ‘Даже ты не узнал меня, о других и говорить нечего’; *Сенки(-ку) шу ишни қилибсан, бошқалар ҳақида гапирмаса ҳам бўлади* ‘Если ты это сделал, то что говорить о других’.

Вопросительным турецким предложениям с усилительной частицей *-ki* в узбекском языке могут соответствовать частица *-ку*, модальное слово *ахир* ‘ведь, разве’, форма *-микан* ‘ли’, также выражающая усиление и удивление: *Bunu alsam beğenir mi ki?* – *Буни олсам, ёқармикан?* ‘Если возьму, понравится ли ему?’; *Bunu affedecek mi ki...* – *Буни кечирармикан...* ‘Простит ли он мне это...’; *Babamı ziyaret edemedik ki?* ‘Не смогли же мы навестить отца’; *Böyle bir işi yapabilir mi ki?* ‘Справится ли он с этим?’; *Sınav sonuçları yarın açıklanır mı ki?* – *Имтиҳон натижалари эртага маълум бўлармикан?* – ‘Станут ли известны завтра результаты экзамена?’.

В узбекской поэзии наблюдается исторический вариант частицы *-ки* – *-ким*, функционирующий в качестве подчинительного союза с широкой семантикой: *Биз-ким темурийлар авлоди...* ‘Мы есть потомки тимуридов’; *Сўз-ки жоннинг роҳати* ‘Слово есть отрада души’; *Эй ишқ аҳли, сўрма-ким, ҳоли забуним меним.* ‘Эй вы, страдающие от любви, не спрашивайте меня о несчастье моём’).

Полифункциональность при фонетической корреспонденции даёт возможность понять стилистические особенности служебных слов. Например, служебная лексема *hem* в турецком языке характерна для разговорной речи и по своим функциям заметно отличается от своего узбекского корреспондента – частицы *ҳам*, за исключением случаев, которые объясняются грамматической близостью двух языков. Это случаи, когда *ҳам* / *hem* связывает однородные члены предложения и используется как соединительный союз (в узбекском языке, особенно в стихах, часто встречается форма *ҳамда*, у которой та же функция): *Шоира ҳам Нозима / Бирга ўйнашар яна* ‘Шаира и Назима / Вместе дружны вот опять’; *Sen hem o gidecek* – *Сен ва у кетади* ‘Ты и он пойдёте вместе’; *Karanlık hem sessiz bir yerdi* – *Қоронги ва жимжит бир ер эди* ‘Место было тёмное и тихое’.

По сути в турецком языке указанная форма является союзом [Ergin 1994: 348–373; Banguoğlu 1986: 385–408; Türkçe Dil Bilgisi 2000: 188] и часто повторяется в предложении, добавляя интонацию перечисления и указывая на равенство соединяемых членов предложения: *Hem zeki hem zengin birisiymiş* – *Ҳам ақли, ҳам бой одаммиш* ‘Говорят, что он и умный, и богатый человек’; ср. узб. *Ҳам табиий, ҳам ҳаётӣ, ҳам сиёсий жумбоқлар фавқуллода кўп* ‘

Необычайно много и естественных, и жизненных, и политических загадок’;

Узбекская служебная форма *ҳам* выполняет функцию частицы лишь в том случае, когда повторяется после однородных членов предложения и служит для их выделения [Абдурахмонов 1975: 427]: *Опам гўзалликда ҳам ўйинга усталикда ҳам ўртоқларидан қолишмайди* ‘Сестра не уступает своим подругам

ни в красоте, ни в мастерской игре’.

Примыкая к определенным грамматическим формам, *het* в турецком языке приобретает модальность и сильный эмоциональный оттенок при употреблении вместе с вопросительным словом *nasıl?*. Ср. примеры:

Het de nasıl! – Булмасам-чи! /шубҳасиз, албатта-да ‘Ещё как! / несомненно, безусловно’; *Şu grup yeniyor galiba* – Бу гуруҳ голиб бўлади, чамаси / шекилли ‘Наверное, эта группа победит’; *Het de nasıl* – Шубҳасиз ‘Несомненно’; – *Bunu yapabilir miyim?* – Буни қила оламанми?’ Смогу ли я это сделать?’.

С точки зрения синонимии в рамках одного языка «у определённых частиц имеется синонимичный вариант, который однозначен с другим в некоторых отношениях» [Амиралиев 1980: 12]. Вышеотмеченная частица *-да* в узбекском в позиции после падежных аффиксов и глагольных форм условного наклонения, синонимична с частицей *ҳам*; частица *фақат* с союзами *ёлғиз*, *аммо*, *бирок*, *лекин*, грамматическая форма *yalnız* синонимична с союзами *ancak*, *fakat*, частицей *sadece* и т. д.

Ещё одна фонетически корреспондирующая лексема *ҳатто* // *hatta* в обоих языках имеет много общего в семантическом и синтаксическом планах, но различается по функции. В узбекском языке *ҳатто* является «усилительно- утвердительной частицей» [Турсунов 1992: 292; Сайфуллаева 2005: 93], а в турецком *hatta* – это союз («bağlama edati») [Ergin 1994: 348; Vanguoğlu 1986: 172], соединяющий два самостоятельных предложения или словосочетания. В обоих языках служебные слова *ҳатто* // *hatta* идут в начале предложения, усиливая и подчёркивая сказанное, а в середине связывают однородные члены предложения, подтверждая прежде сказанное; например: *Намунча имилламсанг! Ҳатто юк ортилган хачир сендан тезроқ юради* ‘Что ты так возишься! Даже мул с ношой быстрее тебя’; *Яшил боғлардан ошиб, азим дарёлар кечиб, ҳатто қирлардан жўшиб, келдим ҳузурингизга* ‘Я пришел к вам издалека, пройдя через зеленые сады, переправляясь через большие реки и даже через стени...’ – *Onu bir türlü unutamadığını anlamıştı şu anda. Hatta biraz acı çekecekti* ‘Теперь она поняла, что не смогла позабыть его. Даже [после этого] ее ждали страдания’; *Köyde, hatta büütün çevre köylerde onu sevmeyen yoktu* ‘В деревне, даже в окрестностях не нашлись бы не любящих его’; *Konuştum, hatta evine gittim* ‘Поговорил, даже сходил в его дом’.

Рассмотренные нами служебные слова являются полисемантическими, и следовательно, полифункциональными в обоих языках. Присущая им многогранность даёт возможность наблюдать грамматические процессы, протекающие в языковой системе, и понимать богатство ресурсов того или иного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманов Г.А., Шаабдурахманов LLL, Хаджиев А.П. Грамматика узбекского языка. Т. I: Морфология. – Ташкент: Наука, 1975.

Амиралиев К. Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков (на материале каракалпакского, узбекского, казахского языков) / Автореф. дис... канд. фил. наук. – Алма Ата. 1980.

Базаров А. Категория частицы узбекского языка // Узбекский язык и литература. Сб. научн. исследований. № 2. – Ташкент: Наука, 1977. – С. 25–28.

Кучкартаев И., Исабеков Б. Введение в тюркскую филологию. – Ташкент: Укитувч», 1984.

Неъматов Х., Расулов Р. Основы системной лексикологии узбекского языка. – Ташкент: Укитувчи, 1995.

Сайфуллаева Р., Курбанова М., Менглиев Б., Бокиева Г. Современный узбекский литературный язык. – Ташкент: Укитувчи, 2005.

Турсунов У., Мухтаров Ж., Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. – Ташкент: Узбекистан», 1992.

Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. 2.baskı. – Ankara. TTK Basım Evi, 1986.

Ergin M. Türk Dil Bilgisi. – İstanbul: Bayrak, 1994.

Haseminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar. 3.baskı. – İstanbul: Millî Eğitim Basımevi, 1984.

ÖSS Türkçe. FEM Yayınları, İzmir: 2001.

Türkçe Dil Bilgisi. – Gazi Üniversitesi: TÖMER, 2000.

Abdullajeva, Nilufar S. The semantic-functional disproportion of phonetic correlates (on the basis of Uzbek and Turkish particles)

Summary. The article describes Uzbek and Turkish phonetic correlates – the particles *faqat*, *ham*, *hammo*, *-da*, *-mi*, *-ku* in Uzbek and *fakat*, *hem*, *hatta*, *-da*, *-ki*, *-mi* in Turkish. The material of literary works, dictionaries and grammar descriptions witness their semantic-functional disproportion in these languages.

Key words: auxiliary parts of speech, lexeme, particle, conjunction, phonetic correlate, functioning, polifunctionality.

**КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ**

С. Максумова, г. Ташкент

Резюме. В данной статье рассматриваются вопросительно-риторические предложения, их типы, а также вопросительно-риторические предложения в узбекском языке с использованием вопросительных местоимений, частиц и интонации, анализируются примеры из художественных произведений современного узбекского писателя Э. Вахидова.

Ключевые слова: риторический вопрос, прагматика, вопросительно-риторические предложения, вопросительные местоимения, частицы

Вопросительные предложения, в частности риторические вопросительные предложения, как объект исследования давно вовлечены в орбиту научных изысканий узбекских филологов.

А.Ахмедов, проводивший специальное исследование вопросительных предложений, предлагает разделять данные синтаксические конструкции на две большие группы: а) вопросительные предложения, требующие ответа, или простые вопросительные предложения; б) вопросительные предложения, не требующие ответа, или риторические вопросительные предложения. По его мнению, «риторические вопросительные предложения можно также разделить на две группы: риторические вопросительные предложения, выражающие приказ, и риторические вопросительные предложения, выражающие изъяснительное значение» [Ахмедов 1965: 9].

Х.Х. Исмагуллаев, исследовав семантическую структуру риторических вопросительных предложений, подчеркивает возможность выражения отрицательного содержания в предложениях с утвердительной формой и утвердительного содержания в предложениях с отрицательной формой [Исмагуллаев 1964: 34]. Из этого следует, что в риторических вопросительных предложениях выражается информация, противоположная поверхностям семантической структуре предложения. Такая асимметрия служит для экспрессивного выражения мысли: риторические вопросительные предложения не требуют ответа, так как в них уже содержится ответ.

В организации риторических вопросительных предложений в узбекском языке используются такие языковые средства, как вопросительными местоимения, вопросительная частица, специальная интонация. Рассмотрим функционирование таких предложений в языке произведений известного узбекского поэта Э. Вахидова, таких как «Иккинчи тумор». («Второй оберег»), «Олтин девор» («Золотая стена»), «Истанбул фожиаси» («Стамбульская трагедия») и др.

Поэт для образования риторических вопросительных предложений широко использует вопросительные местоимения *ким?* ‘кто?’, *нима?* ‘что?’, *нега?* ‘почему?’, *қани?* ‘где?’, *қачон?* ‘когда?’, *қандай?* ‘как?’ и др., а также их варианты

типа *қанақа, қандай, қандоқ* 'какой?' и пр.

В подобных предложениях с участием вопросительных местоимений логическое ударение падает на само вопросительное местоимение. В такой синтаксической структуре предложения особо подчеркивается выражаемое местоимением значение вопроса, усиливается экспрессия актуализированного в нем содержания. Например, в вопросительных предложениях с местоимениями *ким?* (*кто?*) особо значимой становится семантика – «все» (*хамма*) или «никто» (*хеч ким*), в результате чего усиливается образность у единицы поэтического синтаксиса.

Если предикат в таких риторических вопросительных предложениях несет отрицательное значение через актуализацию формальных структурных единиц, то общее семантическое поле предложения характеризуется утвердительностью. И наоборот, если предикат этих предложений имеет утвердительное значение, то семантическое поле отрицательно по своей структуре. Например: В пресуппозиции синтаксической конструкции *Мени ким хам тушунарди, шафқат қиларди?* 'Да кто же меня понимал, кто проявлял жалость?' актуализирована скрытая информация, являющаяся структурообразующей для семантического поля предложения. Говорящий для выражения этого значения использует форму риторического вопросительного предложения, в результате чего усиливается экспрессивность поэтической речи, обеспечивается её эмоционально-экспрессивное наполнение и глубина содержания.

Э.Вахидов, используя вопросительное местоимение *ким?* во мн. числе, возлагает на него коннотативно-прагматическую функцию: *Менинг ўғлимга кимлар қизини бермайди?! (Олтин девор)* 'Кто не выдаст за моего сына замуж свою дочь!'; здесь выражена пресуппозиция «за моего сына любой выдаст свою дочь замуж».

Поэт посредством риторического вопросительного предложения *Ким билади?* 'Кто знает?' выражает скрытую информацию: *Хеч ким билмайди, мен қайқдан билай* 'Кто же не знает, а я откуда знаю': *Ким билади, бу инсон ким, муроди нима?* 'Кто знает какой это человек, каковы его цели?'

Точно такая же скрытая информация передается в вопросительном предложении с вопросительным местоимением *нима*, актуализирующим смысл *хамма нарса* 'всё, что есть' или *хеч нарса* 'ничто': *Мен саргардон, ҳаётимда нимани кўрдим?* 'Я скиталец, что я видел в своей жизни?'; здесь имеется в виду информация типа *Мен саргардон, ҳаётимда хеч нимани кўрмадим* 'Я скиталец, ничего не видел в своей жизни'. Утвердительная информация при ее раскодировании превращается в отрицательную.

Рассматриваемое качество проявляют и другие вопросительные местоимения; например, *нега* 'почему?', образуя риторический вопрос, усиливает его экспрессию: *Нега сизни яхши кўрдим? Пешонам қурсин* 'Почему я вас полюбила? Наверное, это моя горькая доля' имеет скрытый смысл *Яхши кўрмасам бўлар эди* 'Я не должна была бы полюбить'.

Характерно, что использование в подобных предложениях сказуемого в отрицательной форме усиливает коннотативно-прагматическое содержание; например: *Э, нега хуноб бўлмай? Бир ҳафтадан бери битта олимдан интервью ололмайман* 'Почему же мне не нервничать? Целую неделю я не могу взять интервью у ученого'. В данном предложении заложении смысл *Хуноб бўламан* 'Буду нервничать'.

Поэт в своих произведениях широко использует в указанной функции риторического вопроса также местоимения *нимага* 'зачем', *нима учун* 'почему', *каёққа* 'куда', *қар* 'где', *қани* 'где', *қанақа, қандай, қандоқ* 'какой' и др. для

усиления эмоционального воздействия на читателя– слушателя. В контексте предложения *Чаманзорлар шудгор бўлса, булбул қандоқ яйрасин?* ‘Если цветники перепаханы, как может соловей жить припеваючи?’ Э. Вахидов выразил смысл «*Булбул яйролмайдди, сайролмайдди* ‘Соловей не сможет жить, петь’» и свое оценочное отношение – сожаление, к изображаемому событию. В предложении *Кетмай қаёққа боради?* ‘Не уйдет, куда денется?’ передана информация, что «он останется». *Ерга букилган номусни қаердан қайтариб оламан?* ‘Затопанную совесть откуда я верну?’ фактически передает содержание «Затопанную совесть никак не вернешь» – *Ерга букилган номусни ҳеч қаердан қайтариб оломайман; Аммо қани ўша иймон? Ўша эътиқод?* ‘Но где же та совесть? Та вера?’ – актуализировано эллиптированное содержание «Нет уже той совести, той веры!».

В узбекском языке существует специальная вопросительная частица *-ми*. В произведениях Э. Вахидова очень часто риторические вопросы встречаются именно с этой частицей *-ми*; например: *Мен ўғирлик қиладиган одамманми?* ‘Я разве человек, который ворует?’ Из предложения явствует скрытое содержание – «Я не тот человек, который ворует» (*Мен ўғирлик қиладиган одам эмасман*). Если частица *-ми* соединяется с отрицательной частицей *эмас*, то в таких вопросительных предложениях выражается сильная утвердительность: *Мени сендан ким айирди? Сен эмасми?* ‘Кто разлучил меня с тобой? Не ты ли?»; в пресуппозиции стоит «Меня с тобой разлучил ты!» (*Мени сендан айирган сенсан*).

Э. Вахидов в своих произведениях в художественных целях обращается также к особой интонации риторических предложений. Поэт подобные предложения использует в большинстве случаев в диалогической речи с целью передачи иронии; например:

Абдусалом: - *Шу, битта тиши қўйдирмоқчиман.*

Саидмалик: - *Тиши? Ўзларигами? Оббо қўшиний. Туя ҳаммомни орзу қилибди-да.*

Абдусалом: - *Хочу поставитъ один зуб.*

Саидмалик: - *Зуб? Для себя что ли? Однако же вы сосед. Верблюд мечтает о бане.*

В этом диалоге заложена скрытая мысль о том, что Абдусалам не сможет вставить себе зубы (*Тиши қўйдир олмайсан*).

Еще один пример:

Саидмалик: (ўзича) *Саидмалик ҳам йўқ. Тамом бўлди. Ўзи қазиган чуқурга ўзи тушиди.* (Қиличбекка) *Мен қўйнимда қора илон сақлаб келган эканман.*

Қиличбек: *Қора илон? Эл хазинаси устида кулча бўлиб ётган қора илон аслида ким? ... Ўзлари эмасми?*

‘*Саидмалик (про себя)* Саидмалик тоже отсутствует. Всё кончено. Сам попал в свою западню. (*Қиличбеку*) Я, оказывается, за пазухой приютил черную змею.

Қиличбек: Черная змея? На самом деле кто является черной змеей, которая лежит свернувшись на народном богатстве? ... Разве не вы сами?’

В своей реплике Қиличбек экспрессивным риторическим вопросом (Черная змея?) отвергает мысль своего собеседника Саидмалика, как бы говоря «Я не черная змея!» (*Мен қора илон эмасман*).

Из анализа приведенных предложений становится ясным, что талантливый поэт Э. Вахидов в своем художественном языке умело использует риторические вопросительные предложения в коннотативно-прагматических целях.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов А. Ҳозирги замон ўзбек тилида сўрок гаплар / Дис. ... канд. филол. наук. – Тошкент, 1965.

Ахмедов А. Ўзбек тилида гапнинг коммуникатив турлари. – Тошкент : Фан, 1979.

Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. – Харьков, 1989.

Исматуллаев Х.Х. Риторик сўрок гаплар // ТошДУ илмий ишлар тўплами. 268- сон. – Тошкент, 1964.

Исматуллаев Х. Виды предложений по цели высказывания в современном узбекском языке / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1965.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. '

Хайназарова М. Сўрок гапларда шакл ва мазмун номувофиклиги / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тошкент, 1999.

Хакимов М.Х. Ўзбек тилида матннинг прагматик талқини / Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Тошкент-2001.

Maksumova, Saida. **The pragmatics of Uzbek rhetorical questions and their connotations**

Summary. This article deals with Uzbek rhetorical questions and their types. A special attention is paid to the use of pronouns, particles and intonation in sentences with rhetorical questions in Uzbek fine literature on the example of literary works of the modern Uzbek writer E. Vaxidov.

Key words: rhetorical question, pragmatics, sentences with rhetorical questions

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗА 2009–2010 гг.

Т.А. Аникеева, И.В. Зайцев, г. Москва

В представленный выше обзор вошли библиографические описания ряда статей и монографий по филологии и истории Турции и тюркских народов, которые вышли в России в 2009–2010 гг.

Korobeinikov D.A. How 'Byzantine' were the Early Ottomans? Bithynia in ca.1290–1450 // Османский мир и османистика. Сб. статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). – М., 2010. – С.215–239.

Аверьянов Ю.А. Поэт Кайгусуз Абдал и его место в культуре османского государства // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 460–480.

Ализаде О.Т. оглы. Политика России на Кавказе и ее влияние на османосефевидские отношения // Федерация. – М., 2009, № 10. – С. 44–47.

Аникеева Т.А. Неопубликованная рукопись турецкой «Повести о кадии и воле» // Восточный архив. – М., 2009, № 1 (19). – С. 85–89.

Аникеева Т.А. Османские традиции народного театра и турецкая городская повесть Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 498–510.

Аникеева Т.А. Турецкая народная повесть: особенности жанра и проблемы изучения // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». Август. – М., 2009. – С. 59–64.

Баттулга Ц., Кормушин И.В. О поминальной надписи на скале в Хангидае (Центральная Монголия) // Тюркологический сборник 2007–2008 ... . История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 5–13.

Белич И.В. Цымги–Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 14–34.

Белова Е.В. Православные народы Австрийской и Османской империи в Прутском походе 1711 г. // Вопросы истории. – М., 2009, № 10. – С. 149–152.

Беляева – С.А. К истории археологического изучения памятников турецкой культуры на территории современной Украины // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 42–56.

Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 35–54.

Болдырев А.В. «Военная тревога» на Ближнем Востоке в начале XX в. (к истории несостоявшегося турецко–российского пограничного конфликта) // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 417–422.

Болдырев А.В. Политика Турции на Черном море в период грузино–югоосетинского конфликта // Турция в условиях внутренних и внешних реалий. – М., 2010. – С. 171–185

Боук Б.Дж. Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении как памятник антиосманской публицистики // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 314–324

Бустанов А.К. Денежное обращение в Сибирском улусе // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 56–66.

Васильев А.Д. Рапорт кашгарского посланника в Стамбуле султану Абдулхамиду II о китайском вторжении и падении государства Якуб-бека // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение». Вып. 1. – М., 2009. – С. 92–101.

Васильев А.Д. Хранение документов и архивное дело в Османской империи // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 75–99.

Васильев Д.Д. Востоковедение. Тюркология. Российско-турецкий центр РГГУ // Вестник РГГУ. – М., 2009, № 8. – С. 11–19.

Васильев Д.Д., Длужневская Г.В. Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 195–205.

Вертяев К.В. Курдский вопрос в Турции в свете текущей ситуации на Ближнем и Среднем Востоке // Ближний Восток и современность. – М., 2009. Вып. 40. – С. 26–35.

Витол А.В. «Счастлиное товарищество франков» и турки: от войны к союзу // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 240–247.

Волхонский М.А., Пригарин А.А., Сень Д.В. «...В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии»: новые документы из Başbakanlık Osmanlı Arşivi о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 149–163.

Гаджиев А.Г. Значение Турции для общей европейской политики в области безопасности и обороны // Ближний Восток и современность. – М., 2009. Вып. 40. – С. 36–44

Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 67–97.

Григорьев А.П. Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях России и Ирана: чингисидские родословия на персидском и чагатайском языках // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 98–123.

Грозданова Е. Современное состояние и перспективы болгарской османистики // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 57–74.

Гугуев Ю.К. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 124–145.

Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: этносоциальные отношения с 1990-е — начале 2000-х годов. – М.: Вост. лит., 2009.

Гузев В.Г., Кляшторный С.Г. Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 146–178.

Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII века // Российская история. – М., 2009, № 6. – С. 147–157.

Дерменджи О. Ономастикон Украины в свете тюркской теории цветовой ориентации географических названий Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 481–498.

Жуков К.А. Берклюдже Мустафа, был ли он новым Маздаком? // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 282–287.

Зайцев И.В. К истории библиотеки московских имамов Агеевых // Мир Ислама – Рах Islamica. – М., 1(4), 2010. – С. 43–59.

Зайцев И.В. «История хана Сахиб-Гирея»: автор, списки и источники // Проблемы источниковедения. Вып. 2 (13). – М., 2010. – С.207–216.

Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи в Хаджи-Тархане / Астрахани. Русская Астрахань как центр переписки рукописей // Мир Ислама – Рах Islamica. – М., 2(3), 2009. – С. 206–210.

Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве РАН. Предварительные итоги описания. // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры. Материалы международной научной конференции. Москва, 10–14 ноября 2008 г. – М., 2009. – С. 255–259.

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. – М.: Вост.лит. РАН, 2009. – 304 С., ил.

Зайцев И.В. Крымские ханы в ссылке на Родосе // Восточная коллекция. Лето 2009. № 2 (37). – С. 96–101.

Зайцев И.В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С.288–298.

Зайцев И.В. Об одном золотоордынском термине // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2010. – М., 2010. – С.110–114.

Зайцев И.В. Отец Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань, 2010. – С.198–205.

Запорожец В.М. Военные реформы в Османской империи в конце XVIII – первой половине XIX в.: строительство армии европейского типа // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 385–405

Иванов Д.Н. Начало турецко-египетского конфликта и военные приготовления России: предыстория Босфорской экспедиции 1833 г. // Гуманитарные исследования. – СПб., 2009. – С. 71–86.

Кадырбаев А.Ш. Османы в «странах теплых морей». XVI – начало XX в. // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 338–351

Киреев Н.Г. Антиконтитуционный мятеж 31 марта (13 апреля) 1909 г. и деятельность партии «Мусульманская Лига» // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 423–443

Комаров И.А., Зайцев И.В. Европейская пушка с турецкой надписью из фондов Оружейной палаты Московского Кремля // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С.145–148.

Корицкий А.А., Корицкий – С.А. Турция глазами современных российских художников // Азия и Африка сегодня. – М., 2009, № 11. – С. 63–65.

Кормушин И.В. Тамговые аналогии наскальных надписей из долины р. Алаш (Западная Тува) и стелы из Суджи (Северная Монголия), или Еще раз к вопросу о кыргызском характере Суджинской надписи // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 177–188.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 189–236.

Ли Ю.А. Распространение религиозного образования в Турции // Турция в условиях внутренних и внешних реалий. – М., 2010. – С. 99–107.

Магерамов Ш.А. Дагестан и Ширван в контексте кавказской политики государства Сефевидов и Турции в XVI веке // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. – Ростов н/Д., 2009, № 5. – С. 48–51.

Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 237–257.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 т. Т. 1. – М.: Вост. лит. РАН, 2010.

Мейер М.–С. Между Востоком и Западом: Османская империя в XVIII веке // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 352–374.

Милов Любомир. Ритуалы побратимства среди гетеродоксальных мусульман Болгарии // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 205–214.

Мокеев А.М. Дуальная этнополитическая организация кыргызов на Тянь-Шане в XVI – середине XVIII в. // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 258–272.

Мустахимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 273–283.

Мустафаев Ш.М. Османы и туркмены в XV веке: некоторые вопросы этнополитических процессов внутри тюркской среды Малой Азии // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 297–313.

Насилов Д.М. Кыпчаки у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 284–293.

Насилов Д.М., Исмаилова Л.Г. Учебник азербайджанского языка. – М.: Вост. лит. РАН, 2009.

Новый турецко-русский и русско-турецкий словарь: 100000 слов и словосочетаний / Сост. Богочанская Н.Н., Торгашова А. С. – М.: Дом слав. книги, 2010. – 991 С.

Орешкова – С.Ф. Мирза Казем-бек и российская османистика // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 27–35.

Орешкова – С.Ф. Становление Османской империи: ислам и византийское наследство // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 248–268.

Орешкова – С.Ф., Ульченко Н.Ю. «Османское наследство» и становление отношений между советской Россией и Турецкой Республикой // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 444–459.

Орловская М.Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. – М.: Вост. лит., 2010.

Ортайлы И. Российско-турецкие отношения в XVIII веке // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 375–384.

Ортайлы И. Становление научной тюркологии в Турции и у тюркских народов бывшей Российской империи // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 36–41.

Османский агиографический источник «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (XVI в.). Введ., пер., коммент. Ю.А. Аверьянова // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 100–144.

Османский мир и османистика. Сб. статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). – М., 2010. – 515 с. (ISBN 978-5-89282-436-1)

Памятники обычного права албанцев османского времени / Сост., авт. введ. текста и коммент. Иванова Ю.В.; Авт. предисл. Гиока С.; Отв. ред. Першиц А.И. 2-е изд., доп. – М., 2010.

Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатайском государстве в 1271—1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 294–319.

Петросян Ю.А. А.Д. Новичев (1902–1987) и его вклад в российскую османистику // Письменные памятники Востока. – М., 2009, № 1(10). – С. 225–228.

Плоских – С. В. Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной Академии Наук // Письменные памятники Востока. – М., 2009, № 2(11). – С. 192–201.

Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 320–326.

Пылев А.И. Узбекский и чагатайский языки в Санкт-Петербургском университете: прошлое и настоящее // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 327–358.

Разливаев А.А. Турция. Возрождение религиозных общин // Азия и Африка сегодня. – М., 2009, № 9. – С. 29–34.

Разливаев А.А. Турция. Исламисты и армия. Кто кого? // Азия и Африка сегодня. – М., 2010, № 1. – С. 20–25.

Ремез Н.В. К вопросу о законодательной деятельности османских султанов в XV–XVI вв. // Османский мир и османистика. Сб. статей ... М., 2010. – С. 269–281.

Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции. – М.: Вост. лит. РАН, 2010.

Садыхов В. Политические планы Оттоманской империи на Кавказе в начале XX в. // Известия Урал. гос.ун-та. – Екатеринбург, 2009, № 3. – С. 247–255.

Сванидзе М.Х. О турецком землевладении в Ахалцыхском (Чилдырском) пашалыке, по данным «Джаба дефтера» (1694–1732 гг.) // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 325–330.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Издательский дом Марджани, 2009.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 338–359.

Сокова З.Н., Прокопьева А.В. Реформы второго периода танзимата в Османской империи (историографический аспект) // Вестник Тюменского гос. ун-та. – Тюмень, 2009, № 1. – С. 72–78.

Сотниченко И.А. Формирование кавказской общины в Турции: вопросы миграции и культурного взаимодействия // Проблемы исторического регионоведения. Вып. 2. – СПб., 2009. – С. 421–425.

Старченков Г.И. Турция наводит мосты с соседними странами // Турция в условиях внутренних и внешних реалий. – М., 2010. – С. 193–199.

Султанов Т.И. Ловушки для востоковедов–текстологов // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 360–369.

Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). Хусаин Амирханов / Пер. со старотатарского, вст. ст. и коммент. А.М. Ахунова. – М.: Издательский дом Марджани, 2010.

Торопицын И.В. Антиперсидская борьба в Грузии как фактор сближения интересов России и Турции в 40-х гг. XVIII в. // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 331–337.

Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 370–395.

Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – 423 с.

Тхайцухов М. С. Турецкие абазины: Материалы и исследования. Черкесск–Карачаевск, 2010. – 183 с., ил.

Ульмезова Л.М. Глагольное словоизменение в турецком и карачаево-балкарском языках / Автореф. дис. .... филол. канд. наук: 10.02.22. – СПбГУ. – СПб., 2010. – 23 с.

Уста Х. И. Некоторые замечания к изданию среднеазиатского тефсира. Памяти А.К. Боровкова (16.03.1904–15.11.1962) // Письменные памятники Востока. – М., 2010, № 2(13). – С. 136–142.

Федченко В.В. Языковые особенности двуязычных константинопольских антологий XIX в. / Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПбГУ. – СПб., 2010. – 22 с.

Халлиева Г.И. О единственной рукописи хорезмского поэта XIX в. Агахи, хранящейся в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. – М., 2010, № 2(13). – С. 199–206.

Хохлов А.Н. Документы русского госпиталя в Константинополе. Из истории русско-османских гуманитарных связей о второй половине XIX – начале XX в. // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 177–194.

Худяков Ю. С. Этнокультурные контакты и взаимодействие русских с тюркскими народами Западной Сибири в военном деле // Тюркологический сборник 2007–2008 ... – М.: Вост. лит. РАН, 2009. – С. 396–409.

Черниченкина Н.И. Особенности формирования кредитной системы в Османской империи // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 406–416.

Шенгелия Н.Н. Ибн–Биби о походе на Грузию Ала ад–Дина Кейкобада // Османский мир и османистика. Сб. статей ... – М., 2010. – С. 164–176.

Шлыков В.И. Влияние фактора переговоров ЕС на проведение реформ в Турции (1999–2009) // Турция в условиях внутренних и внешних реалий. – М., 2010. – С. 37–57.

Юрченко А.Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Вост. лит. РАН, 2009.

Anikeeva, Tatyana A., Zaytsev, P'ya. V. Bibliographic review (2009–2010)

Summary. The review presents bibliographic descriptions of a number of articles and monographs on Turkic philology and history published in Russia in 2009–2010.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТЮРКОЛОГИИ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО ТЮРКОЛОГА,
АКАДЕМИКА, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
ЭДХЯМА РАХИМОВИЧА ТЕНИШЕВА).

В 2-х ВЫПУСКАХ / РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ,
ТАТАРСКИЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР,
ТАТАРСКИЙ ГОС. ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УН-Т

КАЗАНЬ: ТГГПУ, 2011, ВЫП.1 – 447 с.; ВЫП.2 – 132 с.

В этих двух книгах помещены доклады участников Международного тюркологического симпозиума (Казань, 18–19 апреля 2011 г.), посвященного 90-летию со дня рождения известного тюрколога Э.Р.Тенишева. Круг интересов Э.Р.Тенишева был весьма широк, что нашло отражение и в тематике опубликованных статей. Выпуск 1 открывается вступительной статьей акад. РТ, профессора Р.А.Юсупова «Выдающийся ученый», где он не только останавливается на выдающихся достижениях известного тюрколога, но и описывает его человеческие качества. Автор называет Э.Р.Тенишева «самым человечным человеком, человеком с большой буквы» и знакомит с несколькими эпизодами из различных жизненных ситуаций, в которых он оказывался в течении 40-летней дружбы с этим ученым.

В сборнике помещены 79 работ авторов из гг.Ашхабад (Туркменистан), Баку (Азербайджан), Бишкек (Кыргызстан), Елабуга, Казань, Наб.Челны, Симферополь (Украина), Тюмень, Уфа; Анкара, Афьонкарахисар, Бурса, Конья, Стамбул (все – Турция) на различные темы.

Статьи в сборнике сгруппированы в разделах, которые озаглавлены как «Э.Р.Тенишев и тюркский мир», «Исто-

рия языка и тюркологической науки», «Строй языка», «Фонетика, диалектология», «Лексикология, лексикография», «Культурология, сопоставительное языкознание», «Ономастика», «Стилистика, поэтика», «Лингвометодика».

В первом разделе опубликованы выступления А.В.Дыбо (Москва) и Ф.Ш.Нуриевой (Казань) «Самоотверженное служение тюркологической науке», М.Есен-Алиевой (Бурса, Турция) «Тенишевская школа в тюркологии», Р.А.Асылгараевой (Казань) «Верность традициям» (на тат. языке), Ф.С.Хаким-зянова (Казань) «Региональные варианты литературного языка», Н.Хаджи-заде (Конья, Турция) «Э.Р.Тенишев и произведение Н.Рабгузи “Кысасуль-Анбиййа”» (на тур. языке), Г.Джумакуновой (Анкара, Турция) «Исследования Э.Р.Тенишева по старокиргизскому языку» (на тур. языке).

Второй выпуск открывается посланием президента Международного тюркологического центра докт. филол. наук, профессора Е.Кажибекова, поступившим в адрес оргкомитета симпозиума наряду с другими, где он приводит казахскую пословицу «Жаксының аты өлмейді, галымның хаты өлмейді» (“Имя достойного и труды ученого – бессмертны”). Здесь

присутствуют авторы из Алма-Аты (Казахстан), Афйонкарахисара (Турция), Казани, Уфы.

Л.Н.Закирова (Казань), например, рассматривает деятельность В.В.Радлова, опираясь на материалы статей Э.Р.Тенишева, Г.Исхаки и Р.Фахретдина; И.Г.Галаяутдинов (Уфа) пишет о языке башкирской устной поэзии в сравнительном плане с литературным языком. Имеются статьи по этнолингвистике и этимологии (А.С.Ахметзянов, Ф.С.Хакимзянов), литературному наследию (С.Сонер,

Э.Х.Кадилова), лексикологии (Э.Ахметова, О.Н.Галимова), словообразованию, формообразованию (А.А.Гайнутдинова, И.И.Сабитова, Ф.Ю.Юсупов), культурологии и концептологии (Ф.Тагирова, М.М.Сунгатуллина, Д.Х.Хуснутдинов, Г.И.Шайхутдинова), поэтике языка и индивидуальному стилю писателей (Г.Д.Валиева, Г.Р.Гайнуллина, Ф.Х.Мин-нуллина, Г.Ф.Сабирзянова).

Д.Ф. Хакимзянова (г. Казань)

PAŞA YAVUZARSLAN. OSMANLI DÖNEMİ TÜRK SÖZLÜKÇÜLÜĞÜ.

ANKARA: TİYDEM YAYINCILIK, 2009, VII. – 333 S.

Говоря о словарном богатстве какого-либо языка, мы подразумеваем не только отдельные слова данного языка, но и подразумеваем все целое, охватывающее фразеологию, модели слов, устойчивые словосочетания, термины и различные истолковывающие выражения. Словари же – главные труды, представляющие в определенном порядке словарное богатство языка. С этой точки зрения, словари становятся основными важными источниками для исследования частных вопросов лексического богатства наряду с лексикологией, металексикографией, этимологией и преподаванием языков.

Тюркские народы в ходе исторического развития, расселяясь в различных регионах земного шара, формировали единую цивилизацию и культурный язык. В течение веков знаатоками тюркского языка и иностранными лексикографами были подготовлены многочисленные словари, отражающие лексическое богатство тюркоязычного мира.

Тюркская лексикография берет свое начало с труда первого специалиста-лексикографа Махмуда Кашгарского (XI в.) «Диван лугат ат-турк», который,

после путешествий среди тюркских племен и родов, на основе традиций арабской лексикографии создал тюркско-арабский словарь. После этого бесценного труда тюркская лексикография стала активно развиваться: на хорезмийских, кыпчакских, чагатайских, старопанатоллийских и османских просторах были составлены многочисленные словари. Таким образом, тюркская (в т.ч. и турецкая) лексикография развивалась из единого историко-культурного источника. К сожалению, если не принимать во внимание нескольких опубликованных диссертаций, такая древняя и плодотворная область тюркского языкознания, какой следует считать тюркскую лексикографию, не стала объектом монографического изучения; не исследованы принципы и методы составления словарей, их особенности, не проведено фундаментальное системное и сравнительное их изучение.

И вот турецкий исследователь Паша Явузарслан посвятил свой труд изучению одного из классических периодов турецкого словарного творчества, назвав его «Турецкая лексикография Османского периода». Книга П.Явузарслана состоит из

«Введения» (1–11 стр.), раздела «Турецкие словари Османского периода» (15–272 стр.), «Заключения» (277–279 стр.), «Примечаний» (281–284 стр.), «Источников» (285–289 стр.) и «Иллюстраций» (291–333 стр.)

Во «Введении» автор, для того чтобы можно было бы вести речь об истории и традициях тюркской лексикографии, сначала описывает источник-ведческую базу арабской словарной традиции и выделяет отдельные её периоды в разделе «Классическая арабская лексикография как исторический источник турецкой лексикографии». Автор приводит сведения о начале создания арабами словарей, затем излагает развитие лексикографической техники по трем периодам. Первый – начальный период, когда слова собираются исходя из их сходства, в таких словарях отсутствуют и метод, и какой-либо принцип: слова сгруппированы на тематической основе. Во втором периоде вводится алфавитный принцип построения словаря, а в третьем периоде (начиная с VIII в.) в словарных штудиях все или большинство слов языка подаются на основе единого принципа и метода. Здесь в словарной практике выделяются разные направления, или школы. Первое направление (школа) – «Артикуляция и перевертывание», второе – «Специальное алфавитное построение», третье – «Особый рифмованный порядок», четвертое – Алфавитное построение», и пятое – «Тематическое».

Вторая основная тема, поднятая исследователем во «Введении», – это «Зарождение тюркской лексикографии и стадии её развития». Автор отправной точкой тюркской лексикографии берет «Диван лугат ат-турк» ученого-энциклопедиста Махмуда Кашгарского, которого считает начинателем тюркской лексикографии.

Кроме того здесь имеются разделы о словарях караханидского ареала (в связи с Диваном), о хорезмийской тюркской лексикографии («Мукаддимат ал-адаб»,

«Китаб Хилйет ул-инсан ва Халбут ул-Лисан», Мухаммед б.Кайс и «Тибйан ал-лугат ат-турк кала лисан-и канглы»), о кыпчакской тюркской лексикографии («Кодекс куманикус», «Китаб ал-Идрак ли-Лисани Атрак», «Китаби Меджмуг Терджумани тюрки ва Аджеми ва Моголи» и др.), о чагатайской и анатолийской тюркской лексикографии.

В центре исследования стоит основная тема «Турецкие словари Османского периода». Объектом исследования выбраны 28 словарей (если учесть переработанные переиздания, то всего 40), написанные арабским письмом в 1795–1927 гг. Перед тем как вести речь о языковом материале конкретного словаря, автор приводит сведения о самом словаре: название, год составления, место хранения (библиотека, фонд, номер), автор, место издания, оформление и т.д. Затем описывается словарный материал, главы, разделы, тип подачи заглавных слов. Для облегчения знакомства читателя со словарем описательные разделы словарей приведены в латинской графике. Заглавные слова, которые взяты для примера, также снабжены латинской транскрипцией, ср.:

(ata) (أبا) Baba, peder, valid = отец, родитель.

(badye) (بادیه) Bir nevi büyük su kabı = разновидность большого сосуда для воды.

Для лучшего ознакомления с данным исследованием Паши Явузарслана в качестве примера приведем описание одного из словарей, а именно словаря *Müntahabat-ı Lügat-ı Osmaniye*.

1. Словарь в основном охватывает арабские и персидские слова, употребляемые в османско-турецком языке. Скорее всего, это словарь «иностранных слов», что подтверждается рядом примеров.

2. У заглавных слов словаря указаны и корневые морфемы, однако под персидскими словами проведена жирная черта, а у арабских слов имеется особый

указатель. Это, видимо, сделано для различения языка-источника.

3. В словарь включены и усеченные формы мн. числа арабских слов, а значения приведены при заглавном слове ед. числа. В словарь включены некоторые персидские слова во мн. числе и даны их значения.

4. При толковании слов использован способ разъяснения или же даются синонимическо-антонимические связи.

5. Различные написания слов помещены по алфавитному принципу.

6. Арабские и персидские сложные слова размещены по алфавиту и восприняты как одно слово.

7. Различные значения слова перечислены через «и».

8. При толковании слов чаще применены слова с тюркским корнем.

При описании словарей П.Явузарслан обращает внимание и на применение техники составления

словарей, на то, насколько эти словари отвечают правилам и методике своего времени. По мнению автора, в словаре Шемседдина Сами «Камус-и Турки» заложены основы современной турецкой лексикографии, а составленные до 1927 г. словари не смогли его превзойти ни по каким параметрам.

Автор останавливается и на вопросе, почему османские словари составлялись по примеру арабских словарей и только позднее лексикографы стали обращать внимание и на западную методику.

Данная монография является первым исследованием, охватывающим многочисленные вопросы зарождения турецкой традиции составления словарей, она станет, надо надеяться, образцом и серьезным источником для дальнейших изысканий в этой области.

Мурад Кючюк (г. Анкара)

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ: МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ/ОТВ. РЕД. И.А.ГИЛЯЗОВ; КАЗАНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

КАЗАНЬ: ОТЕЧЕСТВО, 2010. – 444 с.

В сборнике представлены материалы XII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», проходившей в г. Казани с 14 по 16 сентября 2010 г. Отдельные разделы сборника выстроены в соответствии программой конференции, сохраняя номинацию рабочих секций. В представленных докладах поднимались различные проблемы различных языков, здесь же мы остановимся лишь на тех, в которых была охвачена тюркская тематика.

В части «Пленарное заседание» помещены доклады Саттарова Г.Ф. «Отглагольная антропотопонимия Республики Татарстан», где автор исходит из предпосылки, что древняя

языческая вера в магическую силу слова нашла соответствующее языковое отражение в именной личных имен. Все татарские имена собственные с глагольной основой он делит на а) восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от глаголов повелительного и желательного наклонений; б) к древним тюрко-татарским именам, образованным от косвенных залоговых форм глагола; в) восходящие к формам глагола в изъявительном наклонении и г) восходящие к инфинитиву на *-мак*. М.З.Закиев в сборнике представлен статьей «Об этимологии слова Казань», в которой тезисно изложена история вопроса и проводится мысль, что «город

Казань основан племенем (народом), носившим этноним *казан*, которое в Среднем Поволжье могло жить и до нашей эры».

В статье Ф.Туркмена (Турция, г.Измир) «Некоторые вопросы тюркской ономастики и способы их решения» рассмотрены труды по современной тюркской ономастике, их особенности и стоявшие проблемы перед ономастами-тюркологами.

В разделе «Теория и методология ономастических исследований» помещены статьи об использовании топонимии для изучения миграции населения (Р.Ш.Арсланов), о новых аспектах, задачах и возможностях изучения ойконимов (А.А.Бурькин), идеографическом словаре топонимов Урало-Поволжья (А.Г.Шайхулов), о роли субстантивации в образовании личных имен (А.Ф.Гайнутдинова), об антропонимах как объекта лингвокультурологических исследований (Г.Р.Галиуллина), о Г.Ф.Саттарове как основателе татарской ономастической научной школы (Р.Ф.Майорова),

В разделе «Ономастика в системе гуманитарных наук» статьи охватывают круг вопросов от историко-лингвистических (И.Ю.Джафарсойлу. «Булгаро-чувашские слова в мертвых языках Передней Азии», Н.Г.Жамсаранова. «Этнонимия Даурия: проблемы диахронного контактирования этносов», Х.Л.Ханмогамедов, А.Н.Гебекова. «Булгаризмы в Дагестане как лингвогеографический и этнографический факт заселения и взаимоотношения их носителей на Северном Кавказе») до лексикологических и лексикографических проблем.

Устроители конференции сочли необходимым скомпоновать отдельный раздел из статей на антропонимическую тематику, Кроме того в специальных разделах рассматриваются новые объекты ономастики и новые сферы функционирования онимов, литературная и фольклорная ономастика.

Ф.С. Хакимзянов (Казань)

PERSONALIA

**АКАДЕМИК Д.Г. ТУМАШЕВА – ВЫДАЮЩИЙСЯ
ТЮРКОЛОГ СОВРЕМЕННОСТИ
(19.07.1926– 22.06.2006)
(К 85-летию со дня рождения)**

Доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, одаренный ученый Диляра Гарифовна Тумашева оставила богатое научное наследие, и ее полувековая с лишним научная деятельность представляет собой яркую страницу не только в татарском языкознании, но и в российской тюркологии.

Невозможно представить себе татарское языкознание второй половины XX в. без научной и научно-организаторской деятельности акад. Д.Г.Тумашевой. Она еще при жизни была причислена к категории таких выдающихся татарских ученых-филологов, как Каюм Насыри, Джамал Валиди, Гибад Алпаров, Вали Хангильдин и др.

Научная деятельность выпускницы Московского университета, представителя столичной тюркологии, неизменно преумножила и способствовала еще большему размаху научных достижений татарских ученых-классиков. А в тюркологическом

плане акад. Тумашева являлась достойным продолжателем своих учителей по Московскому университету, выдающихся тюркологов: Н.К. Дмитриева, Э.В. Севортына, В.М. Насилова, Э.Н.Наджиба и др.

Д.Г. Тумашева уроженка Сибири, она родилась в г. Тюмени и здесь же окончила среднюю школу в 1944 г. В своих воспоминаниях Д.Г. пишет: «Сибирский город Тюмень, в котором я родилась и получила среднее образование, не

был обычным провинциальным сибирским городом. Он был местом ссылки «инакомыслящих» и просто бежавшей сюда в 20–30 гг. русской и татарской интеллигенции» [Акад. Тумашева 2004: 130]. Далее она вспоминает, что в школе работал блестящий математик А.П. Титов, а в музыкальной школе ее педагогом был доцент Минской консерватории К.С. Кочевецкий. Блестяще окончив среднюю школу, юная Диляра поступила на восточное отделение филологического факультета МГУ. И

здесь она с восторгом вспоминает свою школу в Тюмени: И вот я – студентка филологического факультета МГУ. Мой «провинциализм» угнетал меня недолго: хорошая школьная подготовка очень помогла мне в учебе.

Еще будучи студенткой, темой своих научных изысканий Д.Г. Тумашева по совету своего научного наставника Н.К. Дмитриева выбрала язык сибирских татар и посвятила, можно сказать, этой благороднейшей отрасли тюркологической науки всю свою жизнь. Основные труды по описанию фонетических и лексико-грамматических особенностей диалектов западносибирских татар в виде солидных монографий вышли в 1961–1969 гг., и тогда же получили самую высокую оценку со стороны как отечественных, так и зарубежных тюркологов. По этому поводу, к примеру, выдающийся немецкий тюрколог и монголист Герхард Дёрфер писал: «Подробное описание западносибирских диалектных групп было с давних пор необходимо. Как раз в последнее время (в 50–60-е гг.) растет число публикаций об этом ... И среди них без сомнения наиболее выдающееся место занимают работы Д.Г. Тумашевой». Тут же ученый отмечает, что недостаточное научное освещение вопроса о языке сибирских татар было недооценкой его своеобразия и особенностей.

Действительно, до этого о языке сибирских татар были известны лишь некоторые сведения в материалах по фольклору, собранных еще в начале XIX в. В.В. Радловым. После В.В. Радлова для изучения диалектов сибирских татар была организована всего одна экспедиция в 1940 г., в которой участвовали казанский ученый-фольклорист (кстати, и сам сибирский татарин) Х. Ярми, писатель и крупный ученый Н. Исанбет, ученый исследователь из г. Омска С. Амиров.

Результаты же научно-исследовательской работы Диляры Гарифовны вылились в кандидатскую (1952 г.) и в докторскую диссертацию (1969 г.) и были отражены в солидных монографиях ученого. И весьма важно, что Диляра Гарифовна не была кабинетной ученой, она в течение пятнадцати лет каждое лето отправлялась вместе со своими студентами на лингвистическую практику в деревни центральной части Западной Сибири, и в результате были детально изучены особенности речи жителей сотен татарских деревень. В этих экспедициях участвовали многие тогдашние студенты университета, ныне уже маститые ученые – доктора наук, профессора, известные писатели и поэты и т. д. Мне тоже вместе со своим будущим мужем, проф. Нурмухаметом Хисамовым, еще на второго курсе, в 1957 г., пришлось участвовать в экспедиции по изучению говоров деревень Ярковского и Вагайского районов.

Важнейшими и неоспоримыми в научном плане достижениями Д.Г. Тумашевой в области изучения языка сибирских татар стало выявление в языке сибирских татар трех диалектов и подробное описание ряда наречий и говоров (два из которых были описаны и введены в научный оборот впервые), сравнение этих диалектов с другими тюркскими языками и языком древних тюркских памятников. Было определено также отношение языка сибирских татар к татарскому литературному языку. Таким образом, благодаря Д.Г. Тумашевой язык сибирских татар был классифицирован и занял вполне определенное место среди других тюркских языков.

Я не оговорила, отмечая, что Диляра Гарифовна посвятила всю свою жизнь изучению языка сибирских татар. После структурно-теоретического описания его диалектов с конца 60-х гг. Диляра Гарифовна ра-

ботала над составлением словаря диалектов сибирских татар; этот труд вышел в свет в 1992 г.

Известный исследователь языка сибирских татар, ученица Д.Г.Тумашевой, проф. Х.Ч.Алишина отмечает значимость этого труда прежде всего для самих сибирских татар, для их истории: «Исследование лексики дает богатую информацию о наиболее существенных сторонах этногенеза сибирских татар, об этноязыковых контактах населения с древнейших эпох и до наших дней. В течение последнего столетия происходит постепенное забвение обычаев, языка, традиций, веками накопленного опыта предков... «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой является ценным источником при исследовании традиционной материальной базы и духовной культуры населения Тобола-Иртыша». Ханиса Чавдатовна совершенно справедливо называет научные труды Диляры Гарифовны Тумашевой бесценным даром для сибирских татар (Акад. Тумашева 2004: 150).

Как известно, большая часть жизни Диляры Гарифовны была связана с Казанским университетом. Четверть века она возглавляла кафедру татарского языка, десять лет была деканом историко-филологического факультета. И вполне понятно, что как глубоко эрудированный и талантливый ученый, она не могла остаться в стороне от изучения татарского литературного языка. Примечательно, что когда в 1952 г. Диляра Гарифовна после защиты кандидатской диссертации начала работать в Казанском университете в качестве молодого преподавателя, она держала тесную связь со своими московскими наставниками, советовалась и консультировалась с ними. Так, в письме от ноября 1953 г. крупный ученый-тюрколог, автор капитальнейшего труда – Этимологи-

ческого словаря тюркских языков, Эрванд Владимирович Севортян, советует Диляре Гарифовне избрать в качестве параллельной исследовательской темы историю языка или проблемы грамматики. Цитирую: «При всем этом не забывайте, что не за горами то время, когда тюркология вплотную подойдет к постановке и решению проблем истории языка ... Не забудьте, что история языка самая трудная, но зато самая интересная, прямо-таки увлекательная отрасль языкознания... Если для «профиля» вы выберете грамматику, то здесь стоит обратить внимание на глагол во всем объеме...» [Акад. Тумашева 2004: 170].

Диляра Гарифовна, как известно, выбрала второе направление и, надо сказать, создала целую научную школу по изучению проблем морфологии современного татарского языка и, в особенности, самой сложной части речи – глагола.

В 1964 г. вышла ее фундаментальная монография «Морфология современного татарского литературного языка» – вузовский учебник, в 1978 г. он был переиздан в переработанном варианте и получил гриф Министерства высшего образования СССР. В 1986 г. вышло ее капитальное исследование по глаголу «Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий». Эти фундаментальные работы до сегодняшнего дня являются настольными книгами не только для татарских языковедов, но они служат в качестве примера исследования структуры тюркских языков.

Диляра Гарифовна Тумашева одна из таких счастливейших ученых, создавших свою научную школу как диалектолог и как исследователь-морфологист. Она сумела выработать

свою концепцию, полностью основанную на достижениях фундаментальной науки в области языкознания.

Научная школа предполагает, как известно, подготовку высококвалифицированных учеников, ученых-исследователей. Диляра Гирифовна подготовила четырех докторов наук, среди которых наша коллега Х.Ч.

Алишева и я, ваш покорный слуга, более двадцати кандидатов наук, которые успешно трудятся в различных вузах и исследовательских учреждениях страны.

Диляра Гарифовна – мой наставник и учитель, была научным руково-

дителем по моей кандидатской и консультантом докторской диссертации. Я глубоко благодарна этой поистине прекрасной личности и выдающемуся ученому. Я выражаю глубокую признательность также руководству Тюменского университета, руководству филологического факультета и кафедре за то, что они глубоко чтут память земляка, ученого и исследователя языка сибирских татар академика Диляры Гарифовны Тумашевой.

Докт. филол. наук, проф.
Ф.М. Хисамова (Казань)

НЕКРОЛОГИ

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА СУБРАКОВА**(21.09.1936–18.08.2011)**

Хакасская филологическая наука 18 августа 2011 г. понесла большую утрату: после тяжелой болезни ушла из жизни Ольга Васильевна Субракова.

Ольга Васильевна родилась 21 сентября 1936 г. в семье преподавателя хакасского педагогического техникума. Её отец, Василий Петрович Субраков, один из первых хакасских интеллигентов и один из первых авторов школьных учебников, безвинно пострадал в годы массовых репрессий. Несмотря на все невзгоды и лишения, нелегкую участь дочери репрессированного, Ольга Васильевна твёрдо решила учиться. В 1952 г. она поступила в Абаканское педучилище, в 1955 г. она становится студенткой педагогического института в Абакане, откуда со 2-го курса её перевели в Ленинградский гос. университет на Восточный факультет, где стала учиться на кафедре тюркской филологии. После завершения учебы в 1962 г. ей присваивается квалификация «востоковед-филолог». В том же году она была принята на работу в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, в сектор языка, сотрудники которого приступали к сбору материала для готовящегося к переизданию хакасско-русского словаря; ей поручили сбор материала по языку фольклора. За время работы в институте Ольга Васильевна опубликовала статью «Способы выражения синтаксических связей в языке орхонских памятников» и совместно с акад. Киргизской АН И.А.Батмановым подготовила к изданию «Древние письмена Хакасии» (1970).

В многолетней трудовой биографии Ольги Васильевны была также работа преподавателем русского языка и литературы в Абаканском педучилище (1965), редактором детских и молодежных передач в Хакасском комитете радиовещания (1968).

Однако работа не по специальности не удовлетворяла ее, и вот, наконец, в 1968 г. она вновь оказалась в Хакасском научно-исследовательском институте, где плодотворно трудилась до 2009 г. – старшим научным сотрудником, а также и заведующим сектором языка (1995–2003 гг.).

В 1979 г. Ольга Васильевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язык героического эпоса». В 1981 г. она завершила монографическое исследование «Сложное предложение в хакасском языке». В 1994–1995 гг. по приглашению турецких коллег она участвовала в работе группы тюркологов по подготовке общей грамматики и словаря тюркских языков.

В 2000 г. вышла книга «Н.Ф.Катанов. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и по этнографии» (Анкара). Эта книга, состоит из двух частей. В первую часть включены некоторые, ставшие библиографической ред-

костью ценные научные заметки и статьи Н.Ф. Катанова по хакасскому фольклору, а также по языку карагасов. Во второй части книги помещены избранные тексты хакасского фольклора, собранные Н.Ф.Катановым.

Перевод этой ценной книги на турецкий язык был выполнен О.В. Субраковой совместно с Т.Н. Боргояковой. По словам Ольги Васильевны, изучение турецкого языка в течение пяти лет на Восточном факультете Ленинградского университета и работа в составе группы по составлению «Сравнительной грамматики тюркских языков» в Турции позволили ей осуществить эту труднейшую переводческую работу.

За время работы в ХакНИИЯЛИ Ольга Васильевна опубликовала свыше 50 научных трудов, в т.ч. статьи по вопросам лексики, грамматики и диалектологии хакасского языка, а также учебники и учебные пособия по хакасскому языку. Являясь одним из авторов-составителей и редактором большого «Хакасско-русского словаря», Ольга Васильевна проделала большую работу по его доработке и подготовке к изданию (2006). Ею издан также «Русско-хакасский разговорник», подготовлен «Словарь лингвистических терминов хакасского языка». Она принимала участие в коллективной теме «Тюркские ареалы Сибири» по составлению Диалектологического атласа Сибири (совместно с Институтом филологии СО РАН), работала над «Словарем синонимов хакасского языка», участвовала в составлении «Краткого толкового словаря хакасского языка».

В 2006 г. О.В. Субракова подготовила к печати монографию «Лингвистические особенности хакасского героического эпоса». Как она написала в предисловии, героические сказания хакасов представлены языком особого стиля, языком поэтичным, красочным, с богатырскими сравнениями, образностью, гиперболичностью, фантастичностью и т.п., поэтому язык эпоса так отличается от общенародного хакасского языка составом своих традиционных формул, архаичностью лексики, а также особенностями композиции и стиля.

Заслуживает внимания раздел книги, посвященный сакральной семантике чисел (числительных). Использование числительных в эпосе строго закономерно: 1) конкретные числа, обозначающие реальное количество предметов; 2) сакральные числа, связанные с ранними мифологическими представлениями древних людей; 3) числа, используемые в эпической поэтике как художественный прием гиперболизации; например, числительное «три» выступает атрибутом устранения при характеристике потусторонних мифических существ, которые имеют эпитеты «трехглавая», «имеющая три глаза» и т.д. «Триада» в эпосе одно из главных основ структуры мифологических представлений народов. С нею связано членение мифологического времени на прошлое, настоящее и будущее, и мифологического пространства на мир подземный, земной и небесный.

Три испытания, физическое, умственное или нравственное, это обычная проверка для сказочного героя. Сакральное число «три» у хакасов стало устойчивым компонентом многих магических действий.

Особый интерес из сакрально-магической группы числительных вызывает число «семь». У хакасов семерка также является магическим числом и используется в таких выражениях, как *читі хыллыг чатхан* 'семиструнный чатхан', *читіген*, *читі чылтыс* 'семь звезд (Большой Медведицы)', *читі төлге читіре пілерге* 'до семи поколений знать свою родословную', *Читі хыс таи* (название горы), *читі күні* 'седьмой день поминовения' и мн. др. Но наибольшее распространение семерка получила в эпосе; например: семь кезеров-воинов (*читі кезер алып*), семь творцов (*читі чайаан*), семь эрликов (*читі ирлік хан*), семь дней борьбы, семь кругов вражеской армии и мн. др.

За время работы в институте Ольга Васильевна Субракова принимала участие в работе многочисленных научных конференций, симпозиумов, где выступала с докладами по разным проблемам хакасского языка. Она также публиковала научно-популярные статьи в местной печати, выступала с лекциями перед учителями республики по радио и телевидению, несколько лет читала спецкурсы по истории хакасского языка в ХГУ им. Н.Ф.Катанов и была председателем Государственной аттестационной комиссии в ХГУ им. Н.Ф. Катанова, вела активную общественную работу. Кроме всего прочего, она – мать двоих дочерей.

За многолетний плодотворный труд, вклад в развитие науки Республики Хакасия Ольга Васильевна Субракова награждена медалью «Ветеран труда», Почетной грамотой Правительства Республики Хакасия, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Хакасия, Почетной грамотой Министерства образования Республики Хакасия за большой вклад в развитие научных исследований в области языка, за участие в создании школьных учебников по хакасскому языку, Почетной грамотой Исполнительного комитета Абаканского городского Совета народных депутатов, Почетной грамотой за участие в коллективной работе тюркологов по составлению «Сравнительной грамматики тюркских языков» (Турция).

Докт.ист.наук, проф. *В.Н. Тугужекова*,
канд.филол.наук *П.Е. Белоглазов* (Абакан)

БОРИС ИСАКОВИЧ ТАТАРИНЦЕВ

(04.10.1939–25. 01.2011)

25 января 2011 г. отечественная тюркология понесла невосполнимую утрату – после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни ученый-языковед с мировым именем, один из ведущих специалистов по тувинскому языкознанию, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Тыва, Почетный профессор Тувинского гос. университета, Лауреат Премии Председателя правительства Республики Тыва в области науки и техники, главный научный сотрудник ТИГИ при Правительстве Республики Тыва Борис Исакович Татаринцев.

Б.И.Татаринцев родился 4 октября 1939 г. в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области. Среднюю школу окончил в г. Новосибирске. В 1958 г. поступил на историко-филологический факультет Новосибирского гос. педагогического института и окончил его в 1963 г. Работал преподавателем русского языка и литературы в школах Новосибирской области.

В 1964 г. поступил в очную аспирантуру Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Будучи аспирантом, он начал заниматься проблемами одного из малоисследованных в то время языков Южной Сибири – тувинским. Его первая научная публикация «Двуязычие и заимствованные русские слова в современном литературном тувинском языке» вышла в 1966 г.

Борис Исакович занимался вопросами тувинской лексикологии и лексикографии. Им написано свыше 100 научных работ, в том числе 9 монографий. Среди них особое место занимают работы, посвященные вопросам лексических заимствований в современном тувинском языке: «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» (1974), «Монгольское влияние на тувинскую лексику» (1976). У него был широкий круг научных интересов. Занимаясь сессиологией, он защитил диссертацию по теме: «Смысловые связи и отношения в тувинском языке» (1989) в г. Москве. Данилы Исаковича со дня рождения стали не только учеными-тюркологами, но и студентами специальности «Тюркские языки» факультета Тувинского государственного университета, а также факультета Новосибирского государственного университета.

тувинском языке» языковое влияние на тувинском языке» (1976). У него был широкий круг научных интересов. Занимаясь сессиологией, он защитил диссертацию по теме: «Смысловые связи и отношения в тувинском языке» (1989) в г. Москве. Данилы Исаковича со дня рождения стали не только учеными-тюркологами, но и студентами специальности «Тюркские языки» факультета Тувинского государственного университета, а также факультета Новосибирского государственного университета.

С 1990 г. Борис Исакович являлся членом диссертационных советов по защите кандидатских диссертаций Института филологии СО РАН в г. Новосибирске и Института языкознания Республики Саха в г. Якутске, и постоянно писал внешние отзывы от ведущей организации (ТИГИ) на рукописи кандидатских диссертаций.

С начала трудовой деятельности Борис Исакович с особым интересом занимался этимологией слов тувинского языка, и в течение многих лет вел собирательскую деятельность, в результате чего подготовил и издал «Инструкцию по составлению толкового словаря тувинского языка» (1986).

После многолетней кропотливой работы Б.И. Татаринцевым выпущены 4 тома «Этимологического словаря тувинского языка» (2000, 2002, 2004, 2008), над которым он продолжал работать до последних дней своей жизни, но, к сожалению, не завершил. В тюркском языкознании данный фундаментальный труд получил высокую оценку и занимает ведущее место в области этимологических исследований тюркской и общеалтайской лексики.

С 1995 г. Татаринцев Б.И. работал по совместительству на кафедре тувинской филологии филологического факультета Кызылского государственного педагогического института. Для студентов он читал теоретические курсы по дисциплинам «История родного языка (Графика)», «Тюркская лексикология и лексикография», «Алтаистика» и написал учебное пособие «Алтаистика» (2007).

Огромна заслуга Бориса Исаковича Татаринцева в открытии аспирантуры по специальности «10.02.02. Языки народов Российской Федерации (Тувинский язык)» при кафедре тувинского языка Тувинского государственного университета. Он каждый год участвовал в приеме вступительных и кандидатских экзаменов аспирантов и соискателей по этой специальности, а также проводил научные консультации.

Под его руководством защитили кандидатские диссертации Куулар Е.М. («Основные характеристики тувинской речи жителей юго-восточной части Тувы». – М., 2003), Сувандии Н.Д. («Тувинская антропонимия». – М., 2005), Саая О.М. («Долгие гласные тувинского языка: в сравнении с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими». – Новосибирск, 2005).

Б.И. Татаринцев награжден медалью «За доблестный труд».

Светлая память о Борисе Исаковиче Татаринцеве – ученом, наставнике, коллеге и дорогим человеком, навсегда останется в наших сердцах.

Канд.филол.наук, доцент *Е.М.Куулар*,
канд.филол.наук, доцент
Н.Д. Сувандии,
канд.филол.наук *О.М. Саая* (г. Кызыл)

ДЕНИС СИНОР

(17.04.1916 – 12.01.2011)

Профессор Денис Синор – один из учредителей Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC), почти полвека исполнявший обязанности Генерального секретаря этой Конференции, внес поистине энциклопедического масштаба научный вклад в разные области развития алтаистики. Все, кто знал его, помнят его удивительную способность держать в памяти огромное множество лиц, языков, исторического характера сведений, фактов и, конечно же, вспоминают его добросердечность и острый порою юмор. Научные, организационные и личные контакты и то, сколь неповторимый жизненный путь он прошел, позволяли ему, даже во время холодной войны, организовывать ежегодные встречи алтаистов в странах Варшавского договора, что казалось совершенно невозможным тогда в академической среде как Востока, так и Запада. По его инициативе сессии PIAC были проведены в Ташкенте, Москве, Казани. Таким образом, его личный вклад не исчерпывается его научными достижениями, но представляет собой нечто большее. Благодаря ежегодным сессиям PIAC он давал возможность сообществу, объединившему ученых многих стран и представителей разных научных дисциплин, передавать друг другу знания, преодолевая границы, и не смотря на различия мировоззрений. При этом устанавливались личные контакты и почти всегда завязывались дружеские отношения между учеными.

Бросив общий взгляд на страницы его научной биографии, мы, наверное, увидим, что в основе её лежал глубокий научный интерес к кочевым цивилизациям Евразии, к алтайскому миру и понимание их значимости для науки.

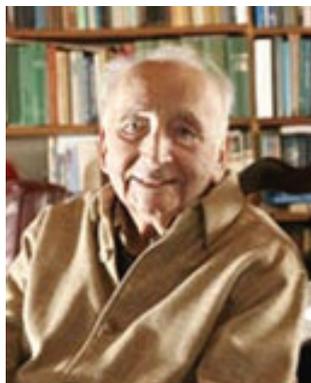
***

Профессор Денис Синор родился 17 апреля 1916 г. в Венгрии, учился там, затем в Швейцарии и во Франции. В период 1939–1948 гг. он занимался преподаванием и научной работой в разных учреждениях Франции. Во время Второй Мировой войны, находясь в Тулузе, в Париже, в Нормандии, он оказывал, в меру своих возможностей, поддержку французскому Сопротивлению и вступил в ряды вооруженных сил Свободной Франции.

С 1948 по 1962 гг. преподавал в Кембриджском университете Соединенного Королевства (Великобритании и Северной Ирландии). В 1962 г. переехал в Университет штата Индиана, где открыл Урало-алтайское отделение, теперь от-

дел Центрально-евразийских исследований, которым он заведовал с 1963 г. по 1981 г. В 1967 г. он основал Научно-исследовательский институт проблем Внутренней Азии, переименованный в 2006 г. в Институт Внутренней Азии Дениса Синора. С 1963 г. по 1988 г. был руководителем Центра по изучению национальных ресурсов Внутренней Азии и Урала.

Когда Д. Синор находилась в активном участии в государственных организациях, осуществлении международного сотрудничества. Дважды он был удостоен членства в Академии наук. Избран чл.-корреспондентом надписей и изящной словесности в Академии наук (2005), почетного профессора Института (2005), почетного доктора (2007 г.), доктора *honoris causa* Сегедского университета (1971 г.), почетного членства в Азиатском обществе в Париже и в Урало-алтайском обществе в Гёттингене.

Он занимался на посту президента востоковедов, участие в деятельности различных международных научных организаций, осуществляя там важные проекты в сотрудничестве с Гуггенхаймом. стипендии Гуггенхайма. том французской Академии словесности. Среди призываний — почетное членство Венгрии, звание почетного члена востоковедения РАН Казанского университета

Он награжден Звездой и Командорским орденом Креста за Заслуги Венгерской Республики (2007 г.), медалью Шестидесятилетия ЮНЕСКО. Королевское Азиатское общество Великобритании выпустило в его честь Медаль Дениса Синора «За исследование Центральной Азии».

Он автор восьми монографий и более ста шестидесяти статей на венгерском, французском, английском и немецком языках. Многие из них переводились на другие языки, в т. ч. на русский и китайский.

Синор был редактором журнала «История стран Азии» («Journal of Asian History») с начала выхода этого издания в 1967 г., а также «Урало-алтайской серии» университета Индианы и «Востоковедной серии» этого университета (Indiana University Oriental Series).

Профессор Синор немало путешествовал по Азии, бывал в Афганистане, Восточном Туркестане, среднеазиатских республиках Советского Союза, в Сибири, в Монгольской Народной Республике и в Автономном районе Внутренней Монголии КНР. В 2004 г. в возрасте 84 лет на российском ледоколе он достиг Северного полюса.

Начав свою деятельность в Университете штата Индианы (г. Блумингтон) с небольшого учебного курса, он постепенно создал ведущий в мире центр исследований региона Центральной и Средней Азии (в его терминологии — «Центральной Евразии»). Большую часть творческого наследия Д. Синора составляют исследования в области древней и средне-вековой истории Центральной Азии, истории цивилизаций и культуры этого региона. Его статьи публиковались в «Британской энциклопедии» и других энциклопедических изданиях. Им издана «Кембриджская история Внутренней Азии. Ранний период» (Cambridge History of Early Inner Asia) (1990), где представлены также статьи А. И. Мелюковой, А. П. Окладникова, Р. Н. Таффе, Ин-ши Юя, Г. Франке, Х. Хоффмана и др. Его перу принадлежат также «Очерки сравнительного алтайского языкознания» (Essays in comparative Altaic linguistics. — Bloomington, 1990).

К 60-летию со дня рождения этого выдающегося ученого был выпущен сборник «Tractata Altaica. Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata», изданный В. Хайссигом и др. (Wiesbaden, 1976). Его 90-летию посвящен выпуск «Florilegia Altaistica. Studies in Honour of Denis Sinor», под редакцией Е.Бойковой и Дж. Стари (Wiesbaden, 2006).

В.М. Яковлев (г. Москва)

***

В качестве директора Института востоковедения Российской Академии Наук позвольте мне от имени сотрудников Института и от себя лично выразить соболезнование семье Дениса Синора и его коллегам. Профессор Синор был добрым другом российских востоковедов, монголистов и тюркологов — прежде всего. Он внес большой вклад в развитие российско-американских научных связей. Благодаря ему российские ученые, специализирующиеся в области алтайских исследований получили возможность участвовать в престижных научных конференциях и симпозиумах. Денис Синор, который был Почетным профессором Института востоковедения РАН, на долгие годы останется в нашей памяти.

В.В. Наумкин (г. Москва)

***

ИЗ ПИСЕМ ДЕНИСА СИНОРА

У ПОСТОЯННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АЛТАИСТИКЕ

От Генерального секретаря
Блумингтон, Индиана, США
13 марта 1962 г.

Профессору *В.М. Насилову*
Институт восточных языков
Москва

Уважаемый профессор Насилов!

Как следует из прилагаемого циркулярного письма, следующее собрание Постоянной международной конференции по алтаистике состоится в Университете Индианы с 3 по 8 июня 1962 г.

Я имею честь пригласить Вас на это заседание и предложить Вам оплату проезда из Москвы в Индианополис и обратно самолетом (туристским классом), оплату транспортных расходов на месте и полного питания и жилья на время заседаний. Подробности будут сообщены позднее, но я искренне надеюсь, что Вы сможете принять это приглашение. Меня заверили, что виза будет предоставлена незамедлительно.

Я считаю, что для будущего алтаистики чрезвычайно важно, чтобы на данном заседании были широко представлены ученые – не американцы и чтобы они приложили все усилия и приняли активное участие в обсуждении поставленных вопросов.

Я буду весьма признателен, если Вы с ближайшей же почтой сообщите мне о своем согласии.

С наилучшими пожеланиями
уважающий Вас *Д. Синор*

***

**VIII ПОСТОЯННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО АЛТАИСТИКЕ**

Шлоссауаль - Вальшейд
30 августа – 4 сентября 1965 года

Секция урало-алтаистики
Гудбоди-холл
Университет штата Индиана,
Блумингтон, США
ноябрь 1964 г.

Дорогой коллега *В. Насилов!*

Восьмая сессия Постоянной международной конференции по алтаистике состоится в Шлоссауале, Вальшейд, примерно в 30 км. от Бонна, ФРГ, 30 августа – 4 сентября 1965 г. Настоящим приглашаю Вас принять в ней участие и выражаю надежду, что Вы сможете приехать. Как обычно, мы будем питаться в том же здании, где будут проходить заседания. Проф. В.Хайссиг, под председательством которого состоится сессия, выбрал для ее проведения по-видимому поистине чудесное место. Он заверил меня, что слово Hochzeitsschloss (Свадебный замок), упоминаемое в Программе сессии, не должно пугать холостяков. Мы не собираемся силой навязывать им блаженство супружества. Общая стоимость участия в конференции – примерно 100 западногерманских марок, и мы надеемся, что сможем обеспечить дотацию для особо нуждающихся. На нашей последней встрече в Де Питерсберге было решено, что основной темой предстоящей сессии будет «Охота». Я искренне надеюсь, что все участники постараются подготовить выступления по лингвистическим, историческим, археологическим, литературным и др. вопросам, по данной теме, имеющей столь большое значение в алтаистике.

Мы рассылаем это приглашение раньше, чем обычно, для того чтобы помочь тем коллегам, которые должны заранее планировать свое время. Пожалуйста, не прячьте это приглашение под сукно и по возможности скорее сообщите мне о своем решении относительно участия в сессии по указанному выше адресу. Вы облегчите мою задачу и задачу проф. Хайссига, если ответите быстро, и мне не придется снова посылать Вам напоминание через несколько месяцев.

С уважением
Денис Синор, Генеральный секретарь

◆◆◆

**ПАМЯТИ МИРКАСЫМА АБДУЛАХАТОВИЧА УСМАНОВА
(1931–2010)**

11 октября 2010 г перестало биться сердце Миркасима Абдулахатовича Усманова – выдающегося ученого-тюрколога, историка, археографа, писателя, человека, который в понимании многих являлся настоящим лидером современной татарской исторической науки. Изучение многовековой истории татарского народа в новейшее время неразрывно связано с его именем. За 45 лет научно-исследовательской деятельности им был создан ряд трудов, существенно обогативших как источниковедческую

базу, так и разработку конкретно-исторических проблем истории, литературоведения и культуры народа на протяжении широкого исторического диапазона с XIII до начала XX в.

Жизненный путь М.А.Усманова отличается от биографий большинства его коллег–современников.

Он родился 31 мая 1934 г. в городе Кульджа (Западный Китай, провинция Синьцзян) в семье слу-Усмановых берут свое село Большой Менгер сосского района Республики е годы XIX в. его предки, страдающие от малоземепереселились на терри-Казахстана и за-вом, пчеловодством и во времена великих соци-семья Усмановых вре-«до лучших времен», пе-джу, который находился в управлении России.

После революции, закрыта, Усмановы тае, сохраняя, как и многие другие, сначала Российское подданство, затем советское гражданство.

Начальное образование М.А.Усманов получил в кульджинской татарской школе (в 1941 г.), затем обучался в русской гимназии в Кульдже. В качестве пособий использовались учебники, изданные в Казани и Москве. В то же время в учебном процессе татарской школы Кульджи были особенности, отсутствовавшие в советских школах. Учащиеся кульджинской татарской школы параллельно овладевали навыками письма и чтения на основе как арабской графики, так и кириллицы. Данное обстоятельство открывало путь к тем многочисленным арабграфическим татарским изданиям дооктябрьского периода, которые были сосредоточены в школьных и частных библиотеках.

Жизнь в разноязычном регионе естественным образом содействовала овладению различными близкородственными тюркскими языками: казахским, уйгурским, киргизским, узбекским. Все это впоследствии благотворно сказывалось на профессиональных занятиях Миркасима Усманова в качестве историка-источниковеда, а также на его переводческой деятельности. Достаточно вспом-

жащего. Корни рода начало в старинном временного Атнин-Татарстан. Еще в 20-как и многие другие лья соплеменники, торию современного нялись хлебопашест-торговлей. В 1917 г., альных потрясений, реселилась в г. Куль-в концессионном

когда граница была остались жить в Ки-

нить, например, что, татарский читатель впервые познакомился с творчеством всемирно известного писателя Чингиза Айтматова через переводы М.А. Усманова.

Каждый год мальчику и затем юноше Миркасыму приходилось выезжать с родителями в горы, окружавшие его родной город. Там он окунался в быт местных жителей, в котором еще сохранялись «родимые пятна» общественно-социальных отношений, нередко квалифицируемых в исторической науке как феодальные. Рыбалка на бурных горных реках, охота на горных козлов и маралов в глубоких ущельях и лесных чащобах, жизнь в юртах, участие в народных играх кочевников, скачки на лошадях — всё это потом нашло отражение на страницах его первой книги «Киек сукмакларында» («На диких тропах». Записки охотника), увидевшей свет в Казани в 1966 г. Эту публикацию можно считать и своеобразным прощанием его с яркими и незабываемыми страницами своего детства и юности.

Впрочем среди юношеских впечатлений присутствовали и воспоминания о событиях иного характера. Осенью 1944 г. местные жители Синьцзяна поднялись на национально-освободительную борьбу против режима Гоминдана. Бои шли на улицах города. Три западные области провинции Синьцзян объединились в новое государственное образование — «Свободный (позже — Революционный) Восточный Туркестан». Это никем не признанное государство жило «суверенно» до 1951 г., а после победы коммунистической революции в Китае, оно «по своей воле» вошло в состав КНР.

В 1944–1951 гг. среди местных жителей широкое распространение получили социалистические идеи. В начале 50-х гг. еще более усиливается тяга к возврату на родину. В 1955 г. семья Усмановых возвратилась в СССР (в Казахстан).

В 1955–1958 гг. он работал в качестве рабочего в Сары-Булакском совхозе, сахарном заводе и районном комитете ДОСААФ Кировского района Талды-Курганской области и на Алма-Атинской киностудии. В этот же период, обучаясь в школе рабочей молодежи пос. Кировск Талды-Курганской области Казахстана, он получил аттестат зрелости.

Естественно, его тянуло на родину предков, манил старинный университетский город Казань. В 1958–1963 гг. М.А.Усманов обучался в Казанском гос. университете. Сначала на отделении татарской филологии, а после окончания III курса он был переведен на историческое отделение того же историко-филологического факультета, где на кафедре истории СССР специализировался по источниковедению. Еще будучи студентом, он активно включился в научно-исследовательскую работу, участвовал в диалектологических и археологических экспедициях. За участие в выставке студенческих работ был награжден медалью ВДНХ.

После окончания учебы М.А.Усманов был оставлен в аспирантуре на кафедре истории СССР (1964 – 1967 гг.) и в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности». С 1967 г. он стал преподавать. В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.», с 1982 г. — профессор и заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода. В 1989 г. он возглавил кафедру истории татарского народа на вновь открытом факультете татарской филологии, истории и восточных языков. С 1986 г. он являлся также руководителем основанной им научно-исследовательской археографической лаборатории Казанского университета. В 1985–1991 гг. был проректором Казанского университета по учебной работе.

Преподавательская деятельность М.А.Усманова, складывалась не только из ведения курсов лекций по традиционным дисциплинам, но и включала в себя разработку и внедрение новых курсов по источниковедению истории народов Поволжья и Приуралья, старотатарской палеографии. В последние годы он читал специальный курс по истории древних тюркских народов и государств Евразии. Уместно отметить, что с 1968 по 1985 гг. он был руководителем специализации по истории Татарстана.

Основным направлением научно-исследовательской деятельности М.А.Усманова являлось изучение арабографических тюрко-язычных письменных источников по истории и литературе народов Поволжья и Приуралья XIII – нач. XX вв. Особое место в научной деятельности М.А.Усманова занимали археографические изыскания – организации и проведения экспедиций по выявлению и сбору среди татарского населения памятников письменности на восточных языках и их изучение. По идее и инициативе М.А.Усманова в 1963 г. в Казанском университете была организована первая такая экспедиция, которая восстановила фактически былые традиции Казанской школы ориенталистики в области собирания и изучения памятников письменности на восточных языках. С 1964 г. по 1989 гг. М.А.Усманов являлся научным руководителем и постоянным участником регулярно действующих археографических экспедиций КГУ, проводивших свои поиски во многих регионах страны, начиная от Костромы, Касимовского «края» и Подмосковья на западе и до Иркутской области на востоке, от Перми-Вятки на севере до Оренбурга и Астрахани на юге. С 1963 по 1986 гг. он ежегодно выезжал в «поле» и принимал непосредственное участие в сборе рукописей среди населения. В результате обследования более 850 татарских населенных пунктов в пяти бывших автономных республиках и пятнадцати областях Российской Федерации было выявлено и собрано более 9000 рукописей и около 1500 редких старопечатных изданий на различных восточных языках. В результате этого почти двукратно обогатился восточный фонд Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского ун-та. Археографическая экспедиция по сей день успешно продолжает свою деятельность,

В числе собранных рукописей представлены тексты сочинений с VII в. до середины XX столетия (от списков Корана до сочинений, созданных в последнем периоде функционирования арабской графики у татар). В жанровом плане представлены списки произведений по мусульманской юриспруденции, восточной филологии, истории ислама, агиографии, астрономии, математике, географии; особую группу составляют рукописи по художественной литературе и фольклору, историческому краеведению и частным актам. Описанию процесса сбора рукописей среди населения, характеристике их содержания посвящена книга ученого «По следам рукописей. Записки, археографа» (Казань, 1984), которая получила высокую оценку как в местной, так и центральной печати.

М.А. Усмановым была проведена значительная работа по выявлению и введению в научный оборот письменных источников по истории и литературе татарского народа в архивах и библиотеках различных городов бывшего СССР (Казани, Алма-Аты, Киева, Москвы, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Симферополя, Ташкента, Томска, Уфы и др.). По результатам научных изысканий им были осуществлены и опубликованы фундаментальные исследования по источниковедению истории тюрко-язычных народов Поволжья и Приуралья, например, такие как «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.» (Казань, 1972), «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.» (Казань, 1979). Богатство их источниковедческой базы и аргументированность выводов были должным обра-

зом оценены в отзывах и рецензиях, подготовленных учеными Казани, Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Анкары и т.д.

Под руководством ученого и также с его активным участием было составлено и опубликовано собрание татарских документов времен Крестьянской войны 1773–1775 гг., ставших существенным вкладом в изучение истории народно-освободительного движения XVIII столетия. Документы (всего 188 единиц) из лагеря повстанцев, оставшиеся малоизученными, представлены как в арабографическом оригинале, исполненными каллиграфически, так и в переводе на русский язык.

На основе малоизвестных первоисточников М.А.Усмановым были изучены и по-новому освещены деятельность и наследие таких выдающихся татарских просветителей XIX – начала XX вв., как Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Риззатдин Фахреддин.

Для творческой лаборатории ученого характерными являлись системность в исследовании и целеустремленность в поисках новых исторических источников. Подтверждением этому служит к примеру обнаружение ряда ранее неизвестных или малоизвестных памятников. Так, долгое время в фольклористике считалось что, у татар в обиходе не было обрядовой песни «Яр-яр», характерной для ряда тюркоязычных народов СНГ. Однако вследствие целенаправленных поисков в течении десятилетий М.А.Усманов обнаружил несколько татарских списков этой песни у населения Поволжья и Приуралья и познакомил научную и литературную общественность с выявленными вариантами памятника. Текст эпического произведения «Туляк и Су-Слу» был обнаружен археографической экспедицией в 1969 г. До этого времени в распоряжении фольклористов Татарстана письменного текста этого средневекового дастана также не было. На основе этого списка и с привлечением других версий ученый предпринял развернутое исследование данного памятника.

В 1978–1979 гг. при редактировании и издании книги проф. Ленинградского ун-та Г. Тагирджанова внимание М.А.Усманова привлекло сообщение о том, что в Тегеране, в библиотеке Сената Ирана хранится список сочинения по фармакологии болгарского ученого начала XIII в. Таджаддина ибн Июноса ал-Булгари «Ат-тирйак ал-кабир». Однако в то время, в силу ряда известных причин, не было возможности получения копии этого ценного памятника. Лишь в конце 1996 г. ученый, вместе с официальной делегацией Республики Татарстан, смог посетить Иран и при содействии Президентов Республики Татарстан и Ирана получил копию с рукописи сочинения, а затем и издал текст отдельной книгой. Таким образом, ценнейший источник для изучения истории и культуры народов Волжской Булгарии домонгольского периода был введен в научный оборот.

В середине и третьей четверти прошлого столетия в СССР было не только модно, но и обязательно при каждом возможном и удобном случае критиковать, охаивать так называемый джадидизм, его идеологов, и представителей национально-освободительного движения в целом. Некоторые авторы чрезмерно увлеклись, воспользовавшись представленными возможностями. М.А.Усманову удалось избежать таких «возможностей». У него не было потребности «исправлять» самого себя, тем более «прятать» прежние свои публикации, выступления или краснеть за них.

Пропагандируя достижения науки или же обращая внимание широкой общественности на нерешенные вопросы истории, М.А.Усманов уделял должное

внимание научно-популярным и публицистическим выступлениям на страницах периодической печати (*Госманов М.А. Үткәннән – киләчәккә. – Казан, 2004*).

Ученый проводил значительную работу по публикации на родном языке научно-популярных статей и книг по истории для юношества, в которых доходчиво рассказывал молодым читателям о прошлом и культуре своего народа. Так, например, книги «Таинственный балбал» (Казань, 1973), «Путешествие в страну гор и долин» (Казань, 1977).

В общей сложности проф. М.А.Усмановым было опубликовано более 450 научных трудов, в т.ч. 13 книг (монографии, сборники). Совместно с зарубежными коллегами им опубликованы тексты татарских письменных источников в Венгрии и Германии. Кроме того, под его редакцией или с его обработкой увидели свет более 30 книг других исследователей. Ряд статей ученого появился в научных журналах, сборниках, изданных в Германии, США, Турции, Франции, Южной Корее, на Тайване и т.д. Ученый принимал участие в работе многих региональных, всесоюзных и международных научных конференций и симпозиумов (Польша, Венгрия, Турция, США, ФРГ).

Под руководством М.А.Усманова на материале арабграфических письменных источников защищен ряд кандидатских диссертаций. Из числа его учеников уже двое являются докторами наук, профессорами.

Будучи проректором Казанского университета М.А. Усманов принимал активное участие в создании новых подразделений КГУ: научно-исследовательской археографической лаборатории по сбору, изучению и публикации письменных источников, ряда кафедр на открытом в 1989 г. факультете татарской филологии, истории и восточных языков, также экологического факультета. Он принимал активное участие в создании базы для восстановления востоковедческих подразделений в Казанском университете и т.д. С его участием были налажены контакты КГУ с рядом университетов зарубежных стран (Венгрия, ФРГ, Китай, Турция).

М.А.Усманов был членом двух докторских и пяти кандидатских Советов — КГУ, Университета культуры, Института истории АНТ, Национальной библиотеки, Национального музея РТ. Он также являлся членом Археографической комиссии РАН, Союза писателей и редколлегии ряда журналов, в том числе и международного (*Central Asian Survey, London*). Аккад. М.А.Усманов входил в число учредителей Академии Наук Республики Татарстан. Он также входил в состав оргкомитета по проведению XXXV Международного конгресса ориенталистов (Будапешт, 1997 г.). В октябре 1997 г. Первый общероссийский организационный съезд востоковедов России избрал М.А.Усманова Президентом Общества востоковедов РАН на двухлетний срок. При его активном участии и научном руководстве в 1998–2000 гг. в Казани были организованы и проведены три международные конференции, посвященные источниковедению истории Джучиева Улуса (Золотой Орды), исторической географии Среднего Поволжья, возникновению и развитию городов в нашем регионе. Активно участвовал он и в организации и проведении многоэтапной конференции «Великий Волжский путь». Он являлся членом республиканского оргкомитета по празднованию 1000-летия Казани.

В течение ряда лет М.А. Усманов был членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

Заслуженный деятель науки Татарстана, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации М.А.Усманов принимал участие в обновлении общественной жизни республики. С 1989 г. он являлся председателем фонда «Жиен»,

учрежденного в целях возрождения и развития татарского языка и культуры. Фонд организовывал свою издательскую деятельность под научным руководством ученого. Например, в 1990 и 1991 гг. им осуществлены переиздания исторических трудов М.Г.Худякова, Карла Фукса, И. Гаспринского и произведений ряда других авторов. В последние годы жизни М.А.Усманов со своими учениками начал издание серии документальных сборников о выдающихся представителях татарской культуры.

С уходом Миркасыма Абдулахатовича Усманова фактически ушел целый мир – яркий, богатый, неповторимый мир пытливового ученого. Его внимания, компетентности, душевного тепла, строгого взгляда так не хватает сегодня его ученикам, коллегам, близким. Его научные исследования, которые позволяли и позволяют по-новому оценивать многие и многие сюжеты истории татарского и других тюркских народов, бесспорно, будут сохранять свою высокую актуальность и будут востребованы долгие и долгие годы. Миркасым Усманов оставил в памяти всех тех, кто его знал, общался с ним, учился у него, неповторимый, глубокий след.

Докт. ист.наук, проф. Казан. (Приволжского) федерального ун-та

Искандер Гилязов,

канд. ист.наук, доц. Казан. (Приволжского) федерального ун-та

Завдат Миннуллин (г. Казань)

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллаева Самира Фархад кызы, препод. кафедры
Славянской филологии Бакинского Славянского
университета, г. Баку

Абдуллаева Нилуфар Султанбаевна, соискатель кафедры
тюркологии Национального университета Узбекистана им.
Мирзо Улугбека. E-mail: nuli.abdullaeva@gmail.com

Авлакулов Я.И., преподаватель Узбекского государственно-
го университета мировых языков, г. Ташкент

Аникеева Аникеева Татьяна Александровна, канд. филол.
наук, науч. сотр. Института востоковедения РАН, Москва.
E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com, anikeyeva@ivran.ru

Белоглазов П.Е., канд. филол. наук, научн. сотр. Хакасского
НИИ языка, литературы и истории, г. Абакан.
E-mail: khaknauka@yandex.ru

Гилязов Искандер Г., докт. историч. наук, профессор
Казанского (Приволжского) федерального ун-та, г. Казань
Джураев Джалолиддин Алимджанович, канд. филол. наук,
ст. науч. сотр. Государственного музея литературы им.
Алишера Навои АН РУз, г. Ташкент. E-mail: oyoqor@mail.ru

Дубровина Маргрита Эмильевна, канд. филол. наук,
ст. преподаватель кафедры тюркской филологии Восточного
факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург.
E-mail: maggydu@rambler.ru

Дубровская Ольга Вячеславовна, ст. преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Кузбасского
Государственного технического университета,
г. Новокузнецк.

Зайцев Илья Владимирович, канд. историч. наук, зав.
науч но-издательским отделом Института востоковедения
РАН, Москва. E-mail: zaytsev@ivran.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф.,
гл. научн. сотр. Института языкознания РАН (г. Москва),
председатель Росскийского комитета тюркологов при ОФИН
РАН. E-mail: igorkormushin@yandex.ru

Куулар Е.М., канд. филол. наук, доцент
Тывинского государственного университета, г. Кызыл.

Кызласов Игорь Леонидович, докт. историч. наук,
профессор, гл. научн. сотр. Института археологии РАН,
г. Москва. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Максумова Саида Махсумова, ст. преподаватель Узбекского государственного университета мировых языков, г. Ташкент.

Миннулин Завдат, канд. историч. наук, доцент
Казанского (Приволжского) федерального ун-та, г. Казань.

Мухитдинова Хадича Сабировна, канд. филол. наук, доцент,
зав.кафедрой узбекского языка Узбекского государственного
университета мировых языков, г. Ташкент.

E-mail.: xadicha_m@mail.ru

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук профессор,
гл. научн. сотр. Института филологии СО РАН,
г. Новосибирск. E-mail.: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Оганова Елена Оганова, канд. филол. наук, доцент
кафедры тюркской филологии Института стран Азии и
Африки МГУ имени М.В.Ломоносова.

E-mail: OVA8@yandex.ru

Саая О.М., канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник
Тувинского института гуманитарных исследований при
Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл.

Сувандии Н.Д., канд. филол. наук, доцент Тувинского
государственного университета, г. Кызыл.

Рассадин Валентин Иванович, докт. филол. наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет.

E-mail.: rassadin17@mail.ru

Тугужекова Валентина Николаевна, докт. историч. наук,
профессор, директор Хакасского НИИ языка, литературы и
истории, г. Абакан. E-mail.: khaknauka@yandex.ru

Шарифова Салида Шаммед кызы, канд. филол. наук, ст.
науч. сотрудник Института литературы им. Низами
Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку.

E-mail: salidasharifova@yahoo.com

Шеймович Александра Валерьевна, научн. сотр. Отдела
урало-алтайских языков Института языкознания РАН,
г. Москва. E-mail: asheimovich@yandex.ru

Хакимянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук,
профессор, Татарский гос. гуманитарно-педагогический
университет, г. Казань. E-mail: khakim @ list.ru

Хисамова Фагима Миргалиевна, докт. филол. наук,
профессор Казанского (Приволжского) федерального ун-та,
г. Казань

СОДЕРЖАНИЕ

- Кормушин И.В.* (Москва). Отчет о деятельности Российского комитета тюркологов в 2010 г. 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Кормушин И.В.* (Москва). Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах 9
- Дубровская О.В.* (Новокузнецк), *Невская И.А.* (Новосибирск, Фракфурт-на-Майне). Семантические типы темпоральных полипредикативных конструкций в шорском языке 12
- Рассадин В.И.* (Элиста). Звуковой строй языка турок-месхетинцев 29
- Дубровина М.Э.* (Санкт-Петербург), *Мухитдинова Х.С.* (Ташкент). Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке 41
- Шеймович А.В.* (Москва). Морфологическая разметка корпуса хакасского языка 48
- Кызласов И.Л.* (Москва). Как называли руническое письмо сами тюркские народы 62

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Оганова Е.А.* (Москва). О пьесе Мелиха Джевдета Андая «Заключенные» 75
- Джураев Д.А.*, (Ташкент). Сборник муамма на османско-тюркском языке 83
- Шарифорва С.Ш.к.* Баку). К вопросу о генезисе ближневосточного романа 89
- Аникеева Т.А.* (Москва). Роман Шемседина Сами «Любовь Талата и Фитнат» и турецкая городская повесть 92

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Абдуллаева С.Ф.</i> к. (Баку). Семантическая структура и фразеологизация глагола движения <i>qaştaq</i> в азербайджанском языке	97
<i>Авлакулов Я. И.</i> (Ташкент). Типы ономастических единиц узбекского языка	101
<i>Абдуллаева Н.С.</i> (Ташкент). Семантико-функциональная несоотнесенность фонетически коррелятивных единиц (на примере узбекских и турецких частиц)	105
<i>Максумова С.</i> (Ташкент). Коннотативно-прагматическое значение риторических вопросительных предложений в узбекском языке	112
<i>Аникеева Т.А., Зайцев И.В.</i> (Москва). Библиографический обзор за 2009–2010 гг.	116

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

<i>Хакимзянова Д.Ф.</i> (Казань). Жизнь, посвященная тюркологии (к 90-летию со дня рождения ... проф. Э.Р. Тенишева). Вып. 1–2. – Казань: 2011.	122
<i>Кючюк Мурат</i> (Анкара). <i>Paşa Yavuzarslan. Osmanlı dönemi türk sözlükçülüğü.</i> – Ankara: Tiydem yayıncılık, 2009.	123
<i>Хакимзянов Ф.Х.</i> (Казань). Ономастика Поволжья: Материалы XII международной научной конференции / Отв. ред. И.А.Гилязов. – Казань, 2010.	125

PERSONALIA

<i>Хисамова Ф.М.</i> (Казань). Академик Д.Г. Тумашева – выдающийся тюрколог современности. (19.07.1926–22.06.2006) / К 85-летию со дня рождения	127
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Тугужекова В.Н., Белоглазов П.Е.</i> (Абакан). Ольга Васильевна Субракова. (21.09.1936–18.08.2011)	131
<i>Куулар Е.М., Сувандиш Н.Д., Саая О.М.</i> (Абакан). Борис Исакович Татаринцев. (04.10.1939–25. 01.2011)	133
<i>Яковлев В.М.</i> (Москва). Денис Синор. (17.04.1916 – 12.01.2011)	135
<i>Гилязов И., Миннуллин З.</i> (Казань). Памяти Миркасима А. Усманова. (1931–2010)	139

НАШИ АВТОРЫ	145
--------------------	-----

CONTENTS	149
-----------------	-----

CONTENTS

<i>Kormushin, I.V.</i> (Moscow). About current activity of the Russian committee of turkologists per annum 2010.....	3
--	---

Structure and history of Language

<i>Kormushin, Igor V.</i> (Moscow). Notes on correlative terms «the Turkic nation» and «the Turkic language» in ancient Turkic texts	9
<i>Dubrovskaya, O. V.</i> (Novokuznetsk) & <i>Nevskaya, I. A.</i> (Novosibirsk – Frankfurt an Main). The semantic types of Shor temporal polypredicative constructions	12
<i>Rassadin, V.I.</i> (Elista). The sound system of the language of the Meskhetian Turks	29
<i>Dubrovina, M.E.</i> (St. Petersburg), <i>Muhitdinova, H.S.</i> (Tashkent). A Typological analysis of the participle <i>-gan</i> in the Uzbek language	41
<i>Sheymovich, A.V.</i> (Moscow). Morphological tagging of the Khakas Corpus	48
<i>Kyzlasov, I.L.</i> (Moscow). The genuine ancient Turkic name for the runiform alphabet	62

Literary critics and folklore studies

<i>Oganova, E.A.</i> (Moscow). About Melih Cevdet Anday's play "The one's inside".....	75
<i>Dzhuraev, D.A.</i> (Tashkent). A collection of <i>muamma</i> in Ottoman Turkish	83
<i>Sharifova, S.Sh.</i> (Baku). The genesis of the oriental novel	89
<i>Anikeeva, Tatyana A.</i> (Moscow). The novel of Shemseddin Sami "Tal'at and Fitnat Infatuated" and the Turkish city novel	92

Reports and surveys

<i>Abdullaeva, S.F.k.</i> (Baku). The semantic structure of the Azeri verb of motion <i>qaçmaq</i> and phraseology	97
<i>Avlakulov, Ja.I.</i> (Tashkent). Types of onomastic terms in Uzbek	101
<i>Abdullajeva, N.S.</i> (Tashkent). The semantic-functional disproportion of phonetic correlates (on the basis of Uzbek and Turkish particles) ..	105
<i>Maksumova, S.</i> (Tashkent). The pragmatics of Uzbek rhetorical questions and their connotations	112
<i>Anikeeva, Tatyana A., Zaytsev, Il'ya. V.</i> (Moscow). Bibliographic review (2009–2010)	116

Reviews and Annotations

<i>Khakimzyanova, D.F.</i> (Kazan). The life devoted to Turcology / To the 80 anniversary from the date of a birth of prof. E.R. Tenishev. Part 1–2. – Kazan, 2011.	122
<i>Küçük, Murat</i> (Ankara). Paşa Yavuzarslan. Osmanlı dönemi türk sözlükçülüğü. – Ankara: Tiydem yayıncılık, 2009	123
<i>Khakimzyanova, D.F.</i> (Kazan). Onomastics of the Volga region / Proceedings of the 12 international scientific conference / Ed. I.A. Gilyazov. – Kazan, 2010.	125

Personalia

<i>Hisamova F.M.</i> (Kazan). Akad. Tumasheva, Dil'ara.G. is outstanding Turcologist of the present time (19.07.1926–22.06.2006) / To the 80 anniversary from the date of a birth of.....	127
---	-----

Obituaries

<i>Tuguzhekova, V.N. & Beloglazov, P.E.</i> (Abakan). Subrakova, Ol'ga V. (21.09.1936–18.08.2011)	131
<i>Kuular, E.M. & Suvandii, N.D. & Saaya O.M.</i> (Abakan). Tatarintsev, Boris I. (04.10.1939–25. 01.2011)	133
<i>Yakovlev, V.M.</i> (Moscow). Denis Sinor (17.04.1916 – 12.01.2011)	135
<i>Gil'azov, I. & Minnullin, Z.</i> (Kazan). Memories of Mirkasym A. Usmanov (1931–2010)	139

OUR AUTHORS	145
--------------------------	-----

CONTENTS	149
-----------------------	-----